

63,3(2-6к4)5

X12

487194
(савир) L

Озарение
души

**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЧЕРКЕССК, 1985**

ЗИНХАРА ХАБИЧЕВА-БОТАШЕВА

Озарение души

*Картины жизни
Ислама Крымшамхалова*

ЧЕРКЕССК, 1985

Светлой памяти
карачаевского скульптора
Хамзата Басхануковича
Крымшамхалова,
народного художника
Кабардино-Балкарии
посвящая

Л87194

Книга повествует о выдающемся сыне карачаевского народа Исламе Крымшамхалове (1864—1910 гг.). Это был один из просвещеннейших людей своего времени, владевший несколькими языками, глубоко разбиравшийся в вопросах изобразительного и музыкального искусства, литературы. Он активно проявил себя как один из прогрессивных общественных деятелей и просветителей Северного Кавказа, как поэт и художник, по праву считающийся основоположником профессионального изобразительного искусства Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии.

И. Крымшамхалов преклонялся перед гением Л. Н. Толстого, горячо поддерживал прогрессивные взгляды великого писателя. Он был другом выдающегося осетинского поэта К. Хетагурова, известного русского художника Н. А. Ярошенко. В его доме в Теберде бывали А. И. Куинджи, А. М. Васнецов, Н. Н. Дубовской, С. И. Танеев и другие живописцы и деятели культуры.

Многогранной и интересной была деятельность И. Крымшамхалова. Страницы же данной книги, предлагаемой вниманию читателей, показывают его главным образом как художника и просветителя.

Глава I

Высоко в небе летал орел. Гордый и недоступный, он парил над вершинами гор, устремленных ввысь.

Утомленные путники — девушка и двое молодых мужчин, запрокинув головы, заворожено наблюдали за птицей. Они стояли на узкой горной дороге, по обе стороны которой раскинулся лес. Стройные стволы деревьев тянулись ввысь. А дальше — сколько охватывал взор — вздымались горные вершины.

Ярко светило солнце. У подножия горы было очень тихо. Малейший шорох отчетливо и резко заполнял пространство. Орел спустился чуть ниже, и звук расправляемых крыльев птицы производил на путников магическое действие. Они были не в силах отвести взгляд от этого зрелища.

Проводник — извозчик Мустафа, опершись на арбу, тоже следил за полетом гордой птицы. Это был старик лет шестидесяти. Худощавая стройная фигура, открытый теплый взор, крепкие большие руки — все говорило о его силе и приветливости. Он вез путников в Баксан, к известному своим гостеприимством далеко за пределами Кавказа князю Исмаилу Урусбиеву.

Работу свою Мустафа любил. В пути он встречал разных людей, увлеченно рассказывал им о своем крае.

К некоторым путникам он сразу проникался симпатией, как вот к этим молодым людям. По всему видно, что полюбился им Кавказ. И старику это было приятно.

Орел, сделав небольшой круг совсем низко, вдруг взмыл в небо и исчез за вершиной. Молодые люди с сожалением переглянулись и направились к проводнику.

Мустафа предложил им отдохнуть. Взяв мешочек с едой, он пошел к текущему неподалеку ручью. Девушка и двое молодых мужчин последовали за ним. Мустафа облюбовал место для отдыха и остановился. Девушка взяла из рук проводника узелок, расстелила скатерть. Один из мужчин опустился рядом с пею на траву, стал помогать. Мустафа насобирал веток, раздул огонь. Над огнем он положил палку, опирающуюся на рогаки, и отправился к ручью за водой.

— А родители советовали нам свадебное путешествие провести за границей. Как хорошо, что мы выбрали Кавказ, правда, Володя? — обратилась девушка к сидящему рядом с нею мужчине.

Он улыбнулся ей в ответ:

— Правда, Аннушка.

— Здесь все тянется вверх — горы, деревья, дороги... — задумчиво рассуждал ее брат Александр, смотря на вершины. — И все это, вероятно, влияет на характеры людей, живущих здесь.

— Ты прав, — горячо откликнулся Владимир. — Я еще в свой предыдущий приезд сюда заметил, как поэтичны и гостеприимны горцы...

Мустафа посидел с молодыми людьми немного, потом отошел и лег неподалеку. С того места, где он расположился, была видна дорога. Вдали показались два путника. Когда они приблизились, он узнал в них рус-

ских братьев-косарей. Они каждое лето приезжали в это время в горы и занимались косить.

Братьев пригласили к костерку, угостили чаем. Ожилилась беседа.

«Это хорошо, — подумал про себя Мустафа. — Что может быть приятнее встречи соплеменников в дальнем краю...»

Ему было знакомо это чувство. Он понимал своих пассажиров и не торопил их. Они уже давно закончили трапезу, но вставать не спешили, а все говорили и говорили...

Дальше ехали молча. Дорога стала еще более узкой, здесь едва смогли бы разминуться две арбы, она вела все время вверх. Слева возвышались горы, справа же дорога резко обрывалась. Из глубокой пропасти веяло сыростью. Анна, закинув голову вверх, смотрела на белоснежные облака, плывущие над горными вершинами.

— А скоро будет Эльбрус? — обратилась она к проводнику.

— Скоро, доченька, — приветливо ответил тот.

Подъем был очень крут. Почувствовав, как направились лошади, Мустафа проворно соскочил на землю. Мужчины сделали то же самое. Лошади, почувствовав облегчение, зашагали быстрее. Анна все время смотрела вперед.

Мустафа уже потерял счет людям, которых он приводил к Эльбрусу. Его земляки называли гору Минги-Тау. Для них она была символом прекрасного, символом чистоты и величия. Всякий раз, стоя перед Эльбрусом, Мустафа испытывал в душе чувство восторга и торжественности.

Мустафа заметил, как Анна стала приподниматься на сиденье, и прибавил шагу. Девушка, стоя на

арбе, въехала на плато. У Мустафы радостно дрогнуло сердце.

На горизонте вспыхнул и стал расти яркий свет. Прямо перед путниками во всей своей красе стоял Эльбрус, загородивший все позади себя. Он возник неожиданно, ослепляя и покоряя. Белый снег его вершин блестел и сверкал миллионами алмазов. Путникам казалось, что все вокруг озарилось каким-то необыкновенным светом. Эльбрус одновременно манил к себе своей красотой, страшил и подавлял все вокруг своим величием. Горы, которыми восхищались до сих пор путники, остались у подножия Эльбруса. Теперь они казались однообразными карликами. Двуглавый великан, торжественный и прекрасный, царил над всем.

Когда Мустафа еще в юности впервые увидел Эльбрус, потрясенный и очарованный, он упал на колени и заплакал. Тогда он как-то особенно осознал, что жизнь вечна, а человек хрупок. Мустафа захотел прикоснуться к вершинам великана, понимая свое бессилие. Слезы струились по его щекам. То были слезы восторга, глубокого душевного волнения.

— Как здесь высоко и как здесь прекрасно! — тихо прошептала Анна.

— Как здесь хочется летать, подняться к его гордым вершинам! — воскликнул Александр.

Старый горец с улыбкой смотрел на своих молодых спутников и завидовал им. Они трепетали сейчас восторгами его юности. Слезы, увлажнившие глаза Мустафы, казалось, увеличивали сияние Эльбруса.

...Когда путники поехали дальше, они всю дорогу молчали. Перед глазами стоял прекрасный Эльбрус. Каждый думал о своем, разговаривать не хотелось. Тихо поскрипывали колеса арбы, мерно подергивались головы лошадей.

Вдруг путники уловили нарастающий цокот копыт. Мустафа остановил лошадей, велел всем сойти на землю, а сам, встав впереди животных, отвел их под нависшую над ними скалу, тем самым освобождая место всаднику.

Вдали показался горец. Поровнявшись с путниками, он что-то прокричал Мустафе.

— Что он сказал? — спросила у проводника Анна.

— Нам надо скорее спешить туда, — и Мустафа указал кнутом на противоположную сторону плато.

Когда дорога пошла вниз, Мустафа остановил лошадь, соскочил с арбы и побежал вперед.

— Идите скорее сюда! Скорее! — звал он молодых людей.

Обычно сдержанный, сейчас Мустафа напоминал возбужденного юношу. Глаза его заискрились. Молодые люди помогли Анне спрыгнуть на землю, и втроем побежали к краю горы.

— Смотрите туда, — указал им Мустафа.

Невдалеке от них, на другой возвышенности, почти над пропастью, стояли двое юношей. Путники могли слышать их голоса, но слов было не разобрать. Один из юношей раскинул в стороны руки, а другой прикреплял ему длинные, напоминающие крылья птицы, деревянные планки, стянутые материалом. На груди парня висел какой-то продолговатый предмет.

— Что он собирается делать? — вдруг заволновался Александр.

— Лететь, — спокойно ответил Мустафа.

— Лететь?! Да это фантастика! — закричал он и бросился бежать вниз по тропе.

— Саша, куда ты? — закричала девушка. Но брат не обернулся.

— Он давно летает, часто падает. Джумарык его имя. Это птица есть такая,— говорил Мустафа.

Юноша с распростертыми руками подошел к краю пропасти, успел увидеть мужчину, спешащего к нему. Но ему было некогда, и он шагнул в пространство. Шагнул и засмеялся. Легким и радостным был его смех.

Александр устал, тяжело дышал, но все равно продолжал бежать. Он вдруг услышал смех, смех счастливого человека, и увидел над собой летящего юношу. И еще он увидел далеко внизу толпу людей — много мужчин и женщин. Одна из женщин стояла впереди всех и, прижав ладони ко рту, следила за летящей фигурой. Сначала толпа не двигалась с места, а потом, подхваченная единым порывом, будто подталкиваемая ветром, побежала за летящим юношей. Джумарыку сверху казалось, что они тоже летят, летят, как и он. И тогда он снова весело рассмеялся.

К Александру вскоре подошел юноша, который помогал Джумарыку готовиться к полету. Вместе они направились вниз, где собрались жители аула.

К Александру приблизился мужчина. Изыщно поклонившись, он приветливо произнес по-русски:

— Добро пожаловать на Кавказ!

— Князь Урусбиев? — несколько растерянно от неожиданности спросил Александр.

— Исмаил Урусбиев приветствует вас, — ответил горец и спросил: — А где же Владимир и его юная супруга?

— Я немного опередил их. Поражен был чрезмерно таким диковинным полетом...

— Считайте это сюрпризом к приезду дорогих гостей.

— Да, сюрприз необычный, — произнес Алек-

сандр. — Кавказ удивляет и восхищает на каждом шагу. Я думал, что здесь летают лишь орлы...

— А вот наконец и они! — воскликнул Исмаил, увидев показавшуюся на дороге арбу.

Раздались приветственные восклицания. Исмаил обнял Владимира, склонился к руке Анны.

А Джумарык в это время завершал свой полет. Вот ноги его уже коснулись земли, юноша побежал по траве. Двое горцев торопливо направились к нему.

...Джумарык издали помахал рукой Исмаилу и его гостям. Слегка прихрамывая, он шел к толпе, движущейся ему навстречу. Люди остановились, а юноша все шел и шел. Мать он увидел раньше всего. Знал, что не подойдет сейчас к ней. Спазмы сжали ему горло, от волнения слезы навернулись на глаза. Джумарык не хотел, чтоб эту слабость заметила мать.

Джумарык увидел бегущего со стороны аула мальчишку. «Наверно, не успел. Хотел посмотреть мой полет», — мелькнуло в голове. Еще он увидел подъехавшую арбу, на которой сидела молодая светловолосая женщина. Рядом шли Исмаил и двое русских мужчин.

Когда Джумарык остановился перед Исмаилом, между ними встал запыхавшийся мальчуган.

— Говори ты, самый младший здесь, — сказал Исмаил мальчугану и посмотрел на племянника долгим счастливым изглядом.

— Просили передать, что ваша сестра родила сына!

Исмаил рассмеялся, подхватил и подкинул вверх малыша. Когда мальчик оказался на земле, Джумарык погладил его по голове и сказал:

— Когда подрастешь, я подарю тебе свои крылья!..

— Люди! — повернулся Исмаил лицом ко всем со-

бравшимся. — Я вас приглашаю на курманлык¹. У нас сегодня счастливый день. Родился человек! Приехали дорогие гости! Два праздника сразу!..

Это было в 1864 году...

Прошел месяц.

Во дворе князя Урусбиева шел той². Люди стояли во дворе, сидели в саду, за длинными низенькими столиками.

Женщины находились внутри помещения. Они готовились к обряду «первое пеленание в люльке». Повсюду лежали подарки для малыша. Здесь же стояла маленькая люлька, в которую должны были положить ребенка.

Одна из женщины поставила люльку на середину комнаты, постелила матрасик, одеяльце, пеленки. В изголовье положила яйца. Затем ей подали мальчика. Она бережно уложила ребенка, запеленала его.

— Смотрите, он глядит, как взрослый!

— Ничего не говори, сглазишь.

— Пусть он в этой люльке никогда не болеет!

— Пусть первый шаг его будет удачным!

— Да не переживем мы его!

— Исламом назвали мальчика. Хорошее имя.

— Пусть счастлив будет Ислам!

В дверях появилась Анна. Молодая женщина передала от русских гостей подарки новорожденному и его матери.

Веселье продолжалось.

Джумарык вместе со своими друзьями сидел под яблоневыми деревьями. Молодые люди расположились на кийпзах — желтых, малиновых, зеленых войлочных коврах.

¹ Курманлык — праздник с угощением.

² То же.

Рядом с Джумарыком его лучший друг — Ахья. Сколько помнит себя Джумарык, столько знает и его. Единственное, в чем они расходились, — это была жальность Ахьи к птицам, которых ловил Джумарык. Желая понять причину полета птиц, он изучал строение их крыльев, случалось, убивал пернатых. Это не нравилось его другу.

— Но тогда я не полечу! Понимаешь, мне надо узнать, почему они летают, а я нет! — сердился Джумарык.

Ахья ничего не отвечал, но его молчание было красноречивее любых слов. А когда он говорил — его слушали все. Вот и сейчас тамада дал слово Ахье. Он заговорил горячо, взволнованно:

— У нас в горах не положено много говорить. Считается, кто слушает — тот зачастую мудрее говорящих. Но вот, когда слушаешь, всегда думаешь о том, что слышишь. И возникают в голове разные картины — иногда неправдоподобные. Джумарык часто говорил, что он полетит. И я видел его летящим над горами. Я помню, когда мы были маленькие и качались на качелях, Джумарык кричал: «Деревья! Не улетайте от меня. Деревья! Сейчас я достану вас!» И еще сильнее раскачивался, думал, что сумеет их достичь. Мы были счастливы тогда. А сейчас мы еще счастливее, ведь мы видели полет Джумарыка своими глазами. Он поднялся выше деревьев, выше гор! Вы чувствуете, какие мы счастливые, не только он и не только я, а мы все?! Вы чувствуете?! Вот наш гость, — Ахья показал на Александра, сидящего вместе с ними, — говорит, что мы счастливый народ.

Александр понял, что говорят о нем, прислушался.

В это время к шапе — человеку, обслуживающему стол, подошел юноша и что-то сказал. Шапа направил-

ся к тамаде. Тамада, выслушав его, кивнул головой и посмотрел на говорящего Ахью.

— Джумарык любит небо, я люблю землю, а еще я люблю звонкое слово. Я напишу о вас всех, о том, как мы летаем! — горячился Ахья.

— Да, ты поэт, Ахья. — Тамада положил ему руку на плечо. — Я верю, придет время, когда мы будем петь твои песни. А сейчас Исмаил приглашает нас к его гостям.

Юноши встали и пошли за тамадой.

Исмаил вместе со своими русскими гостями — Владимиром и Анной — стоял во дворе. Когда юноши остановились напротив, Исмаил сказал:

— Наши гости возвращаются домой. Вы успели узнать их и полюбить. Их многое у нас удивляет, поражает и восхищает. Но многое они не понимают. И мы старались верно и точно отвечать на их вопросы, объяснять непонятное. Ибо, если мы не объясним им сути вещей, как мы понимаем природу, — они так же неверно объяснят и другим, и о нас будут судить неправильно не только они, но и многие другие. Я, например, объяснил, почему мы не едим рыбы, хотя в реках ее полно. Те, кто не знает причину, объясняют это ленью горцев. А мы ведь считаем рыбу священной. Наши гости настаивают, чтобы Джумарык и Ахья учились. Я одобряю эту мысль, принимаю их благородное приглашение и благословляю вас всех в путь.

Лица юных горцев от неожиданности вспыхнули. Исмаил сказал:

— Вы будете учиться. Я хочу, чтобы ты, Джумарык, летал не только над Балкарней, а твои стихи, Ахья, чтобы знали не только у нас в ущелье.

...Утром на горе стояли Джумарык, Ахья, Александр, Анна и Владимир.

— Ты готов? — спросил Ахья Александра по-балкарски.

— Хоу, — кивнул тот головой.

— Тогда давай!

Александр отошел от края пропасти, а Ахья и Джумарык прикрепили ему крылья. Застегнули ремни, затянули веревки.

— Ты не боишься, Александр? — не выдерживает Анна и подходит к нему. В глазах ее испуг.

— Ну, что ты, сестричка! Я отсюда могу и в Петербург слетать. Ну, что, все? — он нетерпеливо подпрыгивает на месте. Юноши отступают от него. Александр подходит к краю пропасти.

— Лечу-у-у! — кричит он радостно и исчезает. Все бросаются вперед и видят Александра уже парящего над ними. Джумарык весело подмигивает товарищам и ему.

Глава II

Маленький Ислам сидел на камне и смотрел перед собой. Он видел горы, речку и барашков, разбредшихся по долине. Мальчику нравилось приходить к пастухам, слушать их рассказы, гулять среди зеленых трав и цветов.

Год назад заболела его мать, и отец с согласия жены привез детей в Баксан к ее брату. Мальчик чувствовал здесь себя хорошо, хотя и скучал без мамы.

Сегодня Ислам ушел из дому рано. На душе было тревожно, это волнение началось у него еще утром, а появившаяся сейчас теснота в груди, кажется, даже мешала дышать. Он мучился и не знал — отчего это. К нему подошел Дахир, старший пастух, и сказал:

— Иди домой, Ислам.

Мальчик послушно встал и сразу понял, что именно этого он хотел. Сердце звало его домой.

Когда он подошел ко двору — там никого не было. Заглянул в комнату бабушки — пусто. Тогда он пошел на половину, где жил дядя. Дверь была открыта. Оттуда доносились голоса. Это был голос дяди Исмаила. Ислам хотел войти, но остановился, услышав свое имя.

— Ислама и девочек я оставляю пока у себя. Ты знаешь, как я люблю их, Пача. Им будет хорошо у меня. Ты не волнуйся, я сумею воспитать их достойными людьми. Пача, поверь, будет лучше, если дети останутся пока здесь. Этого хочет и сестра. Она знает о своей болезни, и надо выполнить ее желание. Завтра же мы выедем в Карт-Джурт. Я потому и отпустил Ислама с Дахиром, чтобы он заранее не волновался, ведь мальчик очень впечатлительный для своих лет, ты же знаешь?

Исмаил и отец оглянулись одновременно. На пороге стоял Ислам. Лицо его было серьезным и печальным. Дядя Исмаил обнял племянника и решительно сказал:

— Собирайся! Мы едем в Карт-Джурт.

Ислам радостно улыбнулся: в Карт-Джурт — это значит к маме, завтра он увидит маму...

Но они опоздали. День приезда в родной аул оказался для Ислама самым горестным. Во дворе было много народа — молчаливых и печальных мужчин, заплаканных и причитающих женщин. Сердце мальчика сжалось: он сразу понял, что произошло. Остальное Ислам воспринимал как страшный, неожиданный сон.

Его повели к матери. Она лежала вся укутанная с головы до ног в белое, красивая, спокойная, неестественно прямая и неподвижная. Мальчик не плакал, мол-

ча стоял, только плечи его еле заметно мелко дрожали. Сзади слышался женский плач. И таким одиноким показался маленький Ислам сам себе, и так страшно стало, что плач отчаяния вырвался наконец из груди. Кто-то притронулся к его плечу и вывел из комнаты...

Ислам остался жить у дяди Исмаила Урусбиева. Исмаил очень любил своего племянника.

Взрослые считали Ислама умным и любознательным мальчиком, но даже их поражало в нем не по годам развитое воображение. Шумным играм он предпочитал уединение. Ребенок жил в своем особом мире, никого не тревожа, всех любя.

Исламу нравилось быть одному. Он мог подолгу сидеть у ручья, наблюдая за полетом нарядных стрекоз, разглядывать медленно плывущие по небу облака, любоваться лошадьми на лугу. Малыш познавал окружающий его мир. Душа его тянулась к прекрасному.

Однажды мальчик увидел на лугу красивую бабочку. Она весело порхала над травой и цветами, потом опустилась на стебелек совсем рядом с Исламом. Ах, какие яркие, какие прекрасные были у нее крылышки! Как она понравилась мальчику!

Ислам тихонько протянул руку и ловко поймал бабочку. Крепко зажав ее в ладошке, он со всех ног помчался домой.

— Вот! Поймал! Смотрите, какая красивая бабочка! — звонко кричал Ислам, вбегая в комнату.

Мальчик разжал руку. На ладони лежал бесформенный жалкий комочек. Рука была испачкана черной пылью. Кто-то из взрослых засмеялся. А Ислам вдруг зарыдал — горько и безутешно.

Дядя Исмаил все понял. Он увел Ислама, но долго не мог успокоить его. Мальчик жалел красивую бабочку.

Устав за день, Ислам любил приходить в комнату к дяде. Он тихо усаживался около него. Часто здесь бывали гости. Мальчик внимательно вглядывался в лица, молча слушал разговоры взрослых, игру на музыкальных инструментах, пение.

Иногда кто-нибудь из взрослых заговаривал с мальчиком. Ислам начинал оживленно рассказывать о том, что он видел на прогулке, чем интересовался.

Гости неожиданно замолкали, слушали маленького рассказчика, восхищались удачными сравнениями, меткими наблюдениями, подмеченными в природе шестилетним ребенком.

Как-то в Урусбиево приехали трое мужчин с длинными узкими чемоданчиками. Это были художники. Когда они впервые открыли свои мольберты и стали рисовать, у находившегося рядом Ислама захватило дух. То, что он увидел, было для него потрясением — на белом листе бумаги неожиданно появились горы, люди, кони, деревья. С того дня Ислам считал художников волшебниками. Мальчик ни на шаг не отходил от них, часами простаивая около живописцев. Вечером он не хотел засыпать, боясь пропустить восход солнца, когда художники уходили работать. Они полюбили мальчика в горской одежде. Однажды, не увидев его рядом с собой, один из художников сказал: «Где же наш маленький приятель? Мне просто не хватает его здесь...» И тут он увидел бегущего по тропе мальчика. Мужчина притянул его к себе и сказал: «Быть тебе, брат, художником!» Потом дал ему в руки кисточку, поставил на скамеечку и приказал: «Рисуй!» И мальчик нарисовал солнце — большой неровный желто-красный шар.

...Художники подарили Исламу краски. Когда гости уехали, Ислам рисовал каждый день. Взрослые не препятствовали его занятиям, пусть забавляется. Только

дядя Исмаил заботливо собирал рисунки племянника в отдельную папку и с удивлением рассматривал их. Мальчик своеобразно и довольно точно подмечал детали.

На одном из рисунков была попытка изобразить женщин, изготавливавших кийизы — красочные войлочные ковры. Мальчик много раз наблюдал за ковровщицами во время их работы.

Стоя на коленях, несколько женщин ритмично взмахивали руками, сбивая войлок. Работали они ладно и споро, изредка переговариваясь между собой. Тих и безоблачен теплый осенний день. Ярко сияет солнце.

На душе у Ислама тоже светло и радостно. Он ждет, когда мастерицы закончат работу, повесят войлок на заборе сушиться, и тогда ему можно будет хорошенько рассмотреть узоры на ковре.

Женщины встали с колен, расстелили готовый кийиз на камышовой подстилке и, довольные своей работой, тихо смотрели на него. Ислам радовался вместе с ними. Какой красивый получился ковер. Будто луг, покрытый яркими цветами. Мастерицы ушли, повесив кийиз на заборе, а Ислам подошел поближе и еще долго его рассматривал.

Рисунок маленького Ислама был наивным, простеньким, как все детские рисунки. Но без труда можно было понять, что на нем нарисовано. Фигуры женщин изображены весьма разнообразно, хотя головы у всех повернуты в одну сторону. А кийиз и узор на нем даже очень похож на настоящий.

Исмаил улыбнулся и положил листок с рисунком в папку.

Ислам очень часто требовал от взрослых ответа на бесконечно возникавшие у него вопросы. И ответить на эти вопросы порой было очень непросто. Вот и сейчас

Ислам решительно направился на половину дома, где жила бабушка.

Она сидела на маленькой скамеечке с четками в руках и медленно перебирала их, полузакрыв глаза. Мальчик стоял, прислонившись к дверному проему, и смотрел на бабушку. Он ее не тревожил и с нетерпением ждал, когда бабушка сама заметит его и позовет.

Наконец бабушка повернула голову в сторону Ислама.

— Иди сюда, поближе. Рассказывай, мой дорогой,— услышал он ее ласковый, так похожий на материнский, голос.

— Бабушка, скажи, почему я их вижу?

— Кого, мой мальчик?

— Ну всех — людей, птиц, барашков. И горы, и деревья...

— Так их все видят, мой маленький,— сказала бабушка.

— А как это получится? Как?

Старая женщина улыбнулась растерянно и недоуменно. А внук продолжал:

— Все ходят, бегают — барашки, цыплята. Листочки на деревьях шевелятся, трава — тоже. А на кийизах рисунки останавливаются. На моих картинках — тоже. Почему?

Бабушка долго молчала. Потом протянула свою узкую красивую ладонь и мягко погладила мальчика по голове.

— Как ты вырос, Исламбий, — сказала она задумчиво. Затем, отвернувшись, снова стала перебирать четки, углубившись в свои мысли, а может, в вопросы внука. Ислам долго ждал ответа, а потом направился к двери, огорченный, расстроенный.

Бабушка, не поворачивая головы, сказала:

— Сегодня у твоего дяди будут гости. Пойди, послушай красивую музыку.

Мальчик кивнул головой. Молча вышел из комнаты. А вечером был праздник музыки.

Над темными силуэтами гор повисла большая круглая луна. Казалось, что она специально приникла к горной вершине, чтобы послушать музыку, которая доносилась из домика под горой. Мелодия была грустной и светлой. Она взлетела высоко в небо, завладевая всем пространством над селением.

Играл Султанбек Абаев — знаменитый горский скрипач. Его судьба была похожа на музыку, что звучала сейчас, — трагическую и возвышенную. Как и все, кто первым восходит на незнакомую вершину, Султанбек испытал все трудности пути, но не сдался. Он достиг мастерства в своей музыке и познал горечь одиночества. Поют и плачут струны под смычком, вызывая восторг и печаль слушателей.

— Почему грустное порой так прекрасно? — тихо проговорил кто-то из гостей. Никто ему не ответил.

В комнате было много мужчин. И только две женщины — Ханифа Абаева — сестра Султанбека, и Фуза Шакманова — тоже его родственница — украшали это мужское общество. Они были молоды, полны красоты и жизни, но сейчас сидели немного печальные, отрешенные от всего, ушедшие мыслями далеко-далеко. Здесь же были их мужья: азербайджанец Гасан Мелик Зардаби — просветитель, педагог, театральный деятель, с успехом поставивший первую пьесу на родном языке, и осетин Ибрагим Шанаев — один из руководителей «Общества для распространения образования среди горцев».

Звучала музыка. Она заполнила все.

Большинство присутствующих здесь Ислам знал. Он

часто приходил в купацкую, где обычно собирались друзья и знакомые дяди. Гости дарили мальчику детские книги, альбомы, карандаши, сладости. Ислам щедро делился подарками со своими старшими двоюродными братьями, сыновьями Исмаила. Только книги он берег, никому их не отдавал.

Но больше всего Ислам любил, когда в купацкой звучали музыка и песни. Он очень радовался, когда дядя брал его с собой, усаживал на колени и говорил: «Слушай».

Султанбек играл. Мелодия то журчала тонким горным ручейком, то обрушивалась водопадом звуков.

Но вот наступила тишина. Умолкла скрипка. Молчали взволнованные слушатели.

— Я потрясен! Какая линия, нет, вы чувствуете, какая линия! Я выразился как художник. О музыке надо сказать как-то иначе... Но, Николай Александрович, вы чувствуете? — молодой человек обратился к сидящему рядом с ним мужчине. Тот хотел остановить его, приложив палец к губам, но юноша уже встал.

— Откуда вы берете все это? — он подошел к Султанбеку. Абаев опустил смычок.

— Что именно?

— Ну, вот это, что мы только что слышали?

— Это? Это так, свое...

— Вам надо писать музыку, издавать ноты. Тогда эту прекрасную музыку исполняли бы и другие...

Султанбек улыбнулся, слегка поклонился.

— Я художник, и знаете, ваша музыка рождает в моем воображении такие картины... Трудно выразить это словами, но я очень сильно чувствую... Вы понимаете меня?.. Мне кажется, что я становлюсь выше ростом, — и молодой человек привстал на носки.

И вдруг в тишине раздался негромкий смех. Юноша

оглянулся. Смеялся хозяин дома — Исмаил Урусбиев. Сначала молодой человек смутился и обратился к нему с недоумением:

— Простите, я что-то не то говорю?

— Нет, брат, нет, — Исмаил встал, подошел к нему и обнял за плечи. — Ты прав, музыка Султанбека прекрасна.

Исмаил хорошо говорил и читал по-русски. Сейчас он тоже заговорил по-русски, адресуя свои слова молодому художнику.

— Я люблю горы, и Султанбек их любит. Можно было бы, конечно, Султанбеку заняться изданием нот, поехать на гастроли куда-нибудь со своей прекрасной музыкой. Композитор Балакирев, например, дважды гостил у меня и записывал нашу горскую музыку. Но Султанбек сначала должен учить других музыке. Учить нашу молодежь здесь, в горах. Чтоб здесь звучала хорошая музыка. А уж потом можно будет ему играть, только играть, только писать, только слушать. Вот наши женщины — Ханифа и Фуза — они учились, теперь сами учат. Ханифа даже хочет создать у нас театр. А я вот еще не знаю, как она сумеет это сделать, — он лукаво посмотрел на смутившуюся молодую женщину. — Но она не одна, а вдвоем с мужем они многое сумеют. Верю, что будет у нас театр.

— Это счастье, когда супруги делают одно дело. А вот моя жена даже не знает, даже не интересуется, что я пишу, — погрустнел молодой художник.

— Ничего, какие ваши годы! Еще поймет, будет время. Главное — трудиться для родной земли, для своего народа.

Установилась тишина. И Султанбек снова заиграл. Опять комната наполнилась звуками, волнующими сердце, тревожащими память. Маленькому Исламу

вспомнилась вдруг большая группа всадников, увозивших навсегда маму. Мальчик то видел лицо матери, то терял его, оно заслонялось спинами стройных горцев. Он видел мудрую бабушку с четками в руках, видел женщин, валяющих кийизы...

Мелодия лилась свободно, ликующе. И слушателям хотелось, чтобы музыка не кончалась, звучала бы и звучала, возвышая каждого, делая его сильнее и чище.

Султанбек опустил смычок, положил скрипку на стол.

— Как вы хорошо играете! Теперь я понимаю, почему люди говорят, что ваша музыка завораживает даже змей, — снова сказал молодой художник.

— Спасибо. Если бы у меня был сын, я бы научил его всему этому, — грустно проговорил музыкант.

— У Султанбека сотни сыновей — его ученики, — произнес Ибрагим Шанаев. — Я так рад, когда встречаю на сцене и в зале горскую молодежь.

— А много у вас учеников? — обратился к Султанбеку тот, которого называли Николаем Александровичем.

— Да немало. Хотелось бы больше. Но трудно победить веками устоявшееся понятие. В горах все поют, все танцуют, все играют. Но это не основное занятие, просто забава, развлечение. А вот чтобы занятие искусством избрать делом жизни — такое пока у нас большая редкость, — ответил Султанбек.

— Я верю, что будет другое время, — воскликнул Гасан Зардаби. — Красота всеильна, она всех в конце концов покоряет. Я говорю о красоте в широком плане. Знаете, мне очень, например, нравится обычай, когда встают при входе старшего. Это значит — старший берет на себя ответственность за оказанный ему почет и уважение. Горцы говорят «ты» и младшим и старшим.

Это не потому, что мы некультурны, как думают некоторые, а потому, что, по народным понятиям, старший должен беречь молодежь, ибо он был когда-то таким же, а младший обязательно станет старшим.

Когда в кунацкой звучала карачаевская или балкарская речь, Исмаил переводил сказанное русским гостям. И наоборот — знакомил земляков с тем, что говорили русские друзья.

— Будет ли такой мир, без войны и несчастий, без слез и потерь, чтобы люди приходили в чужую страну не грабить богатства и земли, а узнавать новое — не оскорблять их обычаев и не заставлять поклоняться своим богам? — русский юноша заволновался. — Я не имею права видеть и знать одну такую красоту! Я хочу, чтобы больше моих соотечественников знали, слышали это!

— Обязательно будет такое время, — произнес Исмаил. — Дело за просвещением. Именно в нем содержится большая сила. Оно откроет путь к прогрессу и справедливости.

Маленький Ислам, утомленный и взволнованный впечатлениями этого вечера, давно уже уснул в укромном уголке. А беседа друзей продолжалась.

— Мы стремимся воспитывать молодежь в духе любви к добру и справедливости, — излагал свою мысль Исмаил.

Вдруг резко, с шумом распахнулась дверь. Появился человек в белом башлыке и тут же упал на пороге. Мужчины бросились к нему...

— Пить... — раздался слабый голос.

Молодой художник быстро налил в стакан воды, передал его Исмаилу. Тот приподнял голову пришельца. Башлык сполз с лица, и тогда все услышали возглас Исмаила:

— Джумарык! Это же Джумарык! — он мокрой рукой вытер лицо пришельца и крикнул: — Айрану ему скорей, айрану!

Юноша открыл глаза, отпил айрану.

— Я дома, Исмаил... — тихо сказал он и потерял сознание...

Лишь через несколько дней Джумарык смог рассказать, что с ним произошло, что предшествовало его внезапному ночному появлению в доме Исмаила Урусбиева. Он был еще очень слаб, но радовался, что находится в родных краях, среди близких и дорогих ему людей.

Находясь в Петербурге, Джумарык часто болел. В течение последнего года, случалось, месяцами не поднимался с постели. Пришлось прекратить учебу, бросить все дела.

Тогда молодой горец твердо решил, как только позволит здоровье, возвращаться домой.

Трудной и очень долгой была дорога. Временами Джумарыку казалось, что силы совсем покидают его. Но он готов был вынести любые страдания, лишь бы вдохнуть еще хоть раз свежего горного воздуха.

И вот больной, обессиленный добрался он до Нальчика. На вокзале он искал Мустафу—извозчика, но ему сказали, что он еще утром повез в Урусбиево гостей, там, значит, и заночует. От огорчения Джумарык чуть не заплакал. Стоять не было сил. Он опустился на корточки, прислонился к одинокому дереву. Люди, веселые, оживленные, садились в коляски, фаэтоны и уезжали, увозя свою беспечность, свои хлопоты и заботы. Извозчики взмахивали кнутами. Резво перебирали ногами лошади.

В Нальчике у Джумарыка были родственники, он направился к ним. С трудом разыскав нужный дом, он

медленно отворил калитку. Мужчина, стоявший около стойла для лошадей, поднял голову. Это был конюх Саид, кумык по национальности, фанатично любивший лошадей и часто приезжавший в горы к Исмаилу. Саид узнал Джумарыка и направился ему навстречу. Обменялись крепким рукопожатием. Саид пригласил гостя в дом, но тот отказался. Хозяева были в отъезде. Что ему делать в пустом доме? Саид накормил Джумарыка и вывел по его просьбе из стойла коня. «Этот доведет тебя хоть до Мекки», — сказал Саид, помогая Джумарыку взобраться в седло.

Конечно, рискованно было одному отправляться в дорогу совсем больным. Но Джумарык торопился.

Он ехал долго. От слабости и усталости шумело в ушах. Ему казалось, что он летит и что тело его стало таким же легким, как воспоминания детства. Он видел под собой речку, и ему казалось, что его больше не мучает жажда. Он сам себе казался огромным и сильным, способным преодолеть все трудности.

Впереди показалось селение. Голова у Джумарыка закружилась, он упал с лошади. И долго-долго лежал так, овеваемый ветром и свежестью ночи. Потом с трудом перевернулся на спину и увидел над собой звезды — яркие, близкие. Они словно шевелились и дружески подмигивали, как живые существа. И еще он увидел знакомые вершины гор. Рядом терпеливо стояла лошадь.

Первым на пути был дом Исмаила Урусбиева. Светлели окна в кунацкой. «Значит, у дяди гости». Джумарык сполз с лошади и, будто на ватных ногах, шагнул вперед, толкнул дверь.

...Джумарык выздоровел, но уезжать обратно в Петербург отказался. Его друг Александр часто писал письма, совествовал закончить обучение. Джумарык, про-

читав очередное послание друга, становился задумчивым и грустным, однако решения своего менять не желал.

Исмаил несколько раз начинал разговор о том, как важно для Джумарыка получить хорошее образование. Тот слушал долго, терпеливо, но упорно молчал. Потом не выдержал.

— Да не могу я, не могу!

— Что не можешь? — удивился дядя.

— Без гор не могу, без Кубани и Баксана, без Эльбруса не могу! Ведь я там не живу, а медленно умираю...

Дядя долго молчал.

— Да, это не только твоя болезнь, это болезнь многих горцев,— грустно заметил Исмаил и ушел.

Ислам любил приходить в комнату Джумарыка и смотреть, как он работает. Мальчик молча усаживался рядом с ним и наблюдал, как тот чертит, рисует, пилит, вырезает. Он сконструировал специальные ножницы для стрижки овец, чем очень обрадовал своих односельчан.

— Золотая голова у тебя, золотые руки! — вздыхал дядя Исмаил.

Джумарык делал вид, что не слышит...

* * *

Шли годы. Ислам почти все время жил в Урусбиево. Он вытянулся, повзрослел, был не по годам серьезным и сосредоточенным. А главной заботой его теперь стала учеба. Казалось, ни о чем другом он никогда и не думал. Усаживался за книги и забывал обо всем на свете. Учился с удовольствием, настойчиво и упорно.

Ислам изучил русский и арабский языки, овладел

игрой на нескольких национальных музыкальных инструментах, увлекся восточной поэзией. Дядя умело и чутко руководил домашним образованием племянника, помогал ему. В доме была богатая библиотека, и эта комната постепенно стала самой любимой для Ислама. Многие часы проводил он здесь за чтением, в беседах со своим дядей-наставником. Исмаил заботливо и со вкусом подбирал книги для племянника.

Старшие двоюродные братья Сафар-Али и Науруз Урусбиевы в это время увлеклись собиранием фольклора. Они рассказывали Исламу о своих интересных поисках, о встречах с передовыми деятелями культуры, художниками, композиторах. Да и в доме дяди нередко гостили интересные люди, проводились музыкальные вечера. Все это способствовало развитию подростка, обогащало его знаниями.

Одним из самых любимых и интересных занятий для Ислама по-прежнему было рисование. И здесь успехи его поражали окружающих. Как-то Исмаил раскрыл папку, в которой хранились первые детские рисунки Ислама. Весело смеялись и дядя и племянник.

— А под этим милым пейзажем, который ты парисовал сегодня, — весело сказал Исмаил Урусбиев, — уже не стыдно сделать подпись «Художник Ислам Крымшамхалов».

Ислам смутился.

— До этого мне очень далеко, — задумчиво произнес он. — На днях мы с Сафаром смотрели альбом репродукций художника Карла Брюллова. Вот это картины!

— Ничего, ничего, дорогой. У тебя все впереди.

Минуло еще два года. Скончался отец Ислама — князь Пача Крымшамхалов.

После смерти матери Ислама его отец женился вто-

рично. Однако и сам прожил недолго, оставив молодую вдову с несколькими детьми. Мачеха через некоторое время вновь вышла замуж и переехала к мужу.

Детей хотели разобрать родственники. Но повзрослевший Ислам вдруг проявил необычайную для его возраста решимость: он объявил всем, что сам будет смотреть за своими младшими братишками и сестренками и потому уезжает в Карачай. Там дом его отца. Там он хочет жить с братьями и сестрами.

Так Ислам вернулся в Карт-Джурт.

Глава III

В гости к Джумарыку приехал его друг Александр. Он стал известным изобретателем. И захотелось вновь побывать на Кавказе, а главное, его тревожила судьба Джумарыка. Александр решил уговорить друга вернуться в Петербург и завершить учебу. Но тот категорически отказался.

Перед отъездом Александра друзья решили навестить Ислама.

Вот и дом Крымшамхалова. Навстречу гостям спешит Ислам.

— Подумать только! — восклицает Александр. — В прошлый свой приезд я видел этого джигита в колыбели. Трудно даже поверить!.. А впрочем, прошло ведь шестнадцать лет...

Ислам радостно протягивает руки:

— Я знаю вас заочно. Друг Джумарыка для меня тоже друг и брат. Добро пожаловать!

В тот год широко расправила крылья слава народного певца, кузнеца Касбота Кочкарова. Люди попеременно приглашали его в дома, на коши, праздники, состязания. Память у Касбота была феноменальная, он

помнил много народных сказаний и песен. Пел строго, сдержанно и в то же время очень вдохновенно.

Место, куда должен был приехать Касбот, до его приезда было переполнено народом. Джумарык, Александр и Ислам прибыли уже давно. В ожидании певца они сидели у костра. Рядом с ними полукругом расположилось много мужчин, которые грели руки, держа их над огнем. Неторопливо текла беседа.

Хозяин коша заботливо обложил Александра, Джумарыка и Ислама бурками и подал им айрану.

Покуда люди размещались вокруг костра, Ислам успевал делать зарисовки. Люди уже привыкли к тому, что он всегда рисовал, и, если относились сначала к его увлечению сдержанно, а порой и неодобрительно, то теперь привыкли, проявляли даже интерес к рисункам. Исламу же в тот день хотелось сделать портрет Касбота Кочкарова. Возможно, удастся написать и картину. Зарисовки эти пригодятся обязательно.

А вот и Касбот Кочкаров. Он взял в руки сыбызгы¹ и заиграл. Сначала мелодия звучала робко, жалобно, потом — грозно, предостерегающе. Отняв от губ сыбызгы, Касбот запел. Он недавно вернулся из Турции и сейчас в песне рассказывал о том, как горек хлеб чужбины, как тоскует сердце вдали от родного края. Пение его вызывало большое сочувствие у слушателей, время от времени они подхватывали мелодию и подпевали Касботу.

На дворе было темно и холодно, а здесь, в коше, людей, казалось, объединяет нечто единое, не поддающееся определению. Александру подумалось, что он уже испытывал это чувство, большое душевное волнение когда-то давно, в юности.

¹ Сыбызгы — национальный музыкальный инструмент типа свирели.

Сыбызгы шумела ветром, плеском речных струй, грохотом водопада. Люди равномерно, в такт мелодии покачивались — все такие разные, а сейчас казалось, что они имеют одно желание, одну цель, охвачены единым порывом. Что-то повторялось в жизни Александра. Повторялось значительное, загадочное.

Александр посмотрел на Джумарыка, встретился с ним глазами. Сердце взволнованно застучало. Отчетливо увидел: зеленые равнины и белые вершины, Джумарыка, подмигивающего ему, и самого себя, летящего над горами, а внизу людей, тревожно наблюдавших за ним. Это чувство полета, высоты в душе, радость единения с народом, прочувствованные тогда, и переживал вновь Александр.

Қасбот закончил петь и о чем-то тихо переговаривался с окружившими его мужчинами.

Ислам время от времени вскидывал глаза на певца и делал зарисовки в блокноте. Александр заглянул через плечо юноши. Светло и радостно было на душе.

Поужинав, Александр стал рассматривать рисунки Ислама.

— Если бы у меня были деньги, я бы купил все его рисунки, Джумарык.

— Он так отдаст, зачем тебе деньги?!

— Неудобно, он, правда, сам говорит, что ничего не продаст. Нравится — бери.

— Дай бог, чтобы все Крымшамхаловы были бы такими, — встрял в их разговор юноша с озорными глазами.

— Ты кто? — строго спросил его Джумарык.

— Это Аппа Джанибеков, — пришел на помощь другу Ислам, — он специально, как и мы, приехал на кош, чтобы послушать песни Қасбота. Садись, — он подвинулся.

— С удовольствием, когда еще мне такая честь будет оказана? — Аппа сел рядом с Исламом и смело встретил строгий взгляд Джумарыка.

— Ты не обижайся, Джумарык, у него язык колючий, а душа добрая.— обнял за плечи приятеля Ислам. — Пора, однако, отдыхать.

...Все уже спали. Затих кош, только изредка доносилось покашливание овец в отаре. Ислам лежал, закинув руки за голову, и думал. Скоро ему предстоит ехать в Петербург на военную службу. Александр рад этому, а сам Ислам стал грустен. Он знал, что будет очень тосковать по родным местам. Как встретит его Петербург? Ислам много читал об этом городе, много слышал о нем, юноше казалось, что он может смело пройтись по столице, ни у кого не спрашивая названия улиц. Все это так, но душа останется на Кавказе...

Неспокойно спал Аппа. Ислам повернулся в его сторону.

— Ты не спишь, Аппа? — прошептал он.

— И ты тоже, князь?— совсем не сонным голосом ответил юноша.

— Хватит тебе, Аппа! — вдруг громко заговорил Ислам. — Что ты заладил «князь, князь...»

— Чего ты злишься? Мне в общем-то все равно, князь ты или нет.

— И мне тоже все равно, — не унимался Ислам.

— Тихо вы, гости отдыхают!— В темноте показался силуэт Джумарыка. Он присел на постель к Исламу, оказавшись между юношами.

— Что, не спится? Боишься дороги, встречи со столицей? Не робей. Дороги — это новые знания. И потом, все дороги ведут сначала из дому, а потом, как повзрослеешь, — только домой. Только домой.

Он помолчал, потом резко встал, будто вспомнил что-то.

— Ну ладно, спите, завтра наговоритесь.

Джумарык вышел из коша. Юноши молчали.

— Что с ним? — осторожно спросил Аппа.

— Так, вспомнил, наверно, молодость. Ты русского видел с нами? Он известный русский конструктор, изобретатель. Много лет назад он был здесь — летал на аппаратах Джумарыка и уговорил дядю отпустить его с ним, чтобы учиться. Исмаил согласился. Но Джумарык затосковал, заболел, еле живым вернулся домой.

Воспоминания нахлынули на Ислама, и он замолчал. Когда же Аппа заговорил, то он не сразу вник в смысл его слов.

— А я тоже нигде не смогу жить, — говорил Аппа, — кроме как здесь. Я бы тоже заболел. Знаешь, я даже в горах не могу жить только в одном месте, мне все наши земли хочется собрать перед собой.

Дверь отворилась — вошел Джумарык. Юноши притихли. Мужчина постоял, прислушиваясь. Затем прошел к своей постели. Ребятам уже не хотелось говорить. Они находились перед выбором пути. Их волновало будущее. Думая о драматической судьбе Джумарыка, они по-мальчишески давали себе клятву выдержать все трудности, что ждали их впереди...

...Проводив в дорогу Александра, Ислам заторопился в квартал Семеновых. Здесь собирался народ. По Учкулану прошел слух, что к ним спустился с гор Касбот Кочкаров. Все люди спешили сюда, чтобы послушать известного певца. Говорили, что он едет не один, а вместе со своим братом — балкарцем Кязимом Меchieвым.

В горах любят петь. Все люди должны уметь петь и танцевать, знать нартские песни и имена предков до

седьмого колена. Горцы поют между делом, в часы досуга. Но те из них, для которых поэзия, пение стали главным занятием жизни, вызывали преклонение и уважение. Затаив дыхание, слушали люди таких певцов — они много видели, много слышали, глубоко чувствовали думы и страдания людей, от души умели радоваться их удачам, печалиться их горестям. Своими выступлениями они объединяли народ.

В горах состязания певцов, происходящие в каком-либо квартале, называли «тийре-джырла». А когда на какой-либо праздник приезжал певец — это была особая честь, оказываемая этому роду, и все жители поселения приходили послушать песни, музыку. Оставаться дома считалось неприличным.

Ислам тоже спешил на этот праздник. Впереди него шли люди, подхваченные единым настроением, — радостные, счастливые. Отдельно, небольшими группами торопились застенчивые девушки, степенно вышагивали старики, бежали звонкоголосые ребятишки. В душе Ислама росло огромное чувство сопричастности к этим людям. Некоторые уступали ему дорогу, как потомку знаменитых князей. Ислам смущался такого внимания, хотя и знал, что его земляки издревле привыкли ценить сначала фамилию и происхождение, почтительно относиться к знатым людям.

Подходя к дому Семеновых, Ислам ощутил, как стало легким тело, каким-то особенно бодрым сделался его шаг. Его ждал праздник!

Краем глаза он успел заметить Аппу Джанибекова, который сидел в окружении детей. Придерживая левой рукой деревянную куклу, он правой указывал на нее и что-то веселое рассказывал малышам. Детишки смеялись. Увидев Ислама, Аппа привстал и вместе с куклой, наклоняя её голову, поклонился в сторону вошедшего

друга. Дети оглянулись. К Исламу подошел мужчина из рода Семеновых и попросил его занять почетное место. Ислам отрицательно покачал головой и прошел в угол, где на маленьком сундучке сидел Аппа вместе со своими куклами и детьми.

В центре двора были расстелены кийизы, украшенные яркими цветами и орнаментами, а по бокам, ближе к забору, накрыты столы.

Стояла осень — теплая, с ласковым солнцем и чистым небом.

Люди в ожидании певцов стояли на улице, разговаривали, обменивались новостями. В это время к гостям вышел старейшина рода и попросил всех присутствующих пройти во двор. Люди неторопливо заходили внутрь двора и устраивались на кийизах. Постепенно узоры стали исчезать за спинами горцев, в центре осталась лишь небольшой зеленый круг, приготовленный для певцов. Установилась тишина. Люди ждали. Только легкий горный ветерок трепал бахрому широких горских платков.

Вошел Касбот. Первым его увидел старик Семенов. По тому, как посветлело лицо старика, все люди повернули головы в сторону, куда он неотрывно смотрел.

Шел мужчина лет пятидесяти. Среднего роста, стройный, внешне выглядевший так же, как и все горцы. Его мужественное лицо украшала сдержанная улыбка, взгляд был открыт и лучился достоинством. В красивых и сильных руках он держал сыбызгы, трогательно прижимая ее к груди. Люди знали, что эти руки могут выводить не только красивые звуки на свирели, но и ковать тончайшие изделия из металла.

Певец встал в центре круга. Помолчал, собираясь с мыслями. Постепенно рассеянное выражение глаз сме-

нилось пристальным всматриванием в приготовившихся слушать его. Потом он сказал:

— Люди, я пришел издалека. Я ходил в Мекку. Там встретил горца—певца Кязима. И вместе мы молились в Каабе, вместе пили айран у земляков в Турции и Сирии. Много видали гордых и стройных кавказцев с то-скливыми глазами, много слышали их душевных откровений. И содрогнулись наши сердца от их слов. О их печали и мужестве мы будем сегодня петь.

Касбот показал рукой в сторону, поверх голов слушателей. Оглянувшись, люди увидели молодого мужчину. Разница в возрасте была велика, но нечто невидимое и прочное связывало их.

— Это сын балкарца Бекки Мечиева из Шаки — Кязим! — торжественно молвил Касбот.

В горах стихи не декламируются — их поют. Слушатели обязаны в конце строки подпевать на одной ноте. Так повелось исстари, а почему — никто не знает. Это отличительное своеобразие горской песни. Оно объединяет певца и слушателей, придает песне особую красоту и выразительность.

Касбот и Кязим запели. Начал Кязим:

— Багдад посетил я, увидел Стамбул,
Я в Мекке от тягот пути отдохнул,
Но мне показалось, что вновь я родился,
Когда возвратился в мой бедный аул.

Касбот подхватил:

— О, Родина! Отца и матери язык!
Ну, как без вас я мыслил жить?
Бесспорно, красивы другие страны —
Но только здесь согрет я душой...

Их голоса, сильные и сочные, казалось, взмывали к небесам, оставляя внизу даже вершины гор. Они пели

о мире и добре, о любви и печали, завораживая все и всех вокруг красотой и поэтичностью музыки и слова. Люди слушали их и чувствовали себя счастливыми. Казалось, что на земле нет горестей и страданий. Окрыленные этим чувством, они прониклись особой любовью к певцам. Просили их петь еще и еще. И певцы в тот вечер словно были лишены усталости.

Уже давно стемнело. Потянуло холодом. Юноши разожгли неподалеку большой костер. Языки пламени взлетали к небу и озаряли вдохновенные лица людей...

После концерта Ислам ждал Аппу на улице. Еще днем они договорились, что ночевать будут вместе. Но друг не появлялся. Ислам вернулся во двор и увидел его.

Аппа сидел у костра, обхватив руками колени. Он смотрел на огонь и о чем-то глубоко задумался. Костер уже медленно угасал. Ислам почувствовал, что сейчас не время тревожить друга, и повернулся, чтобы незаметно уйти. Но у Аппы был чуткий слух.

— Иди к огню, Ислам. Здесь теплее, чем в моем доме.

Ислам уселся рядом.

Есть какая-то притягательная сила в огне. Никогда не устанешь смотреть на него. Все время хочется, чтобы не гас костер. Пламя его будит в глубине памяти воспоминания, настраивает на какие-то возвышенные мысли. Может, когда-то, давным-давно, вот так — у огня — сидели наши далекие предки. И лучик огня из тех древних времен дошел до нас. Так думал Ислам, пока молчал Аппа.

— О чем думаешь, Ислам? — медленно спросил его приятель.

— Об огне.

— Я тоже часто думаю об огне. Мне кажется, что

когда-то, давным-давно, я уже сидел вот так. И не один раз.

Друзья помолчали.

— Что ты скажешь о них? О тех, что пели сегодня? — спросил Ислам.

— Они все сами сказали. Я думаю, что если у народа есть такое прекрасное искусство, то он един. Когда люди не умеют ценить свое искусство, гордиться своей историей — это еще не народ, а так, каждый сам по себе. Я полюбил их — Кязима и Қасбота...

Ислам смотрел на Аппу и не узнавал его. Сейчас он обнажал в себе такие черты, которые, может быть, больше никогда и никому не выкажет. Гордый и насмешливый Аппа Джанибеков, языка которого боялись многие, вдруг предстал перед Исламом застенчивым и легко рапимым человеком. Проявилась в нем тяга к пониманию сложных явлений. И Ислам ясно ощутил, насколько сам Аппа чист и благороден. Потому он и позволяет себе высмеивать чужие пороки.

Аппа вдруг запел вполголоса.

— Слушая песни мои,
Все думают — я золотой.
Спросите у близких —
Вам скажут они,
Как крут мой характер
И горек.

Все считали, что Аппа только сатирик, комик, а в этот вечер Ислам слушал совершенно иные песни друга — тонкие, лирические. Юноши думали, что были одни, но, оказывается, ошиблись.

Взяв поленья, Ислам подбросил их в огонь. Резко взметнувшиеся искры осветили чьи-то яркие глаза.

— Ты кто? — вскочил Ислам, а за ним и Аппа. В ответ раздалось отчетливо:

— Я — Таукоз.

— Горный орех, значит. Красивое имя! — произнес Ислам.

— И владелица этого имени тоже красивая! — весело воскликнул Аппа.

Перед ними за огнем неподвижно стояла девушка. Она была в балкарском национальном костюме. Тонкий белый платок обрамлял красивое лицо. В черных, будто застывших глазах плясали отсветы огня. Она сказала:

— Я приехала вместе с Кязимом. Пришла сюда на звуки ваших песен. Пусть минуют вас беды и болезни! Вы только пойте, не переставайте петь.

Юноши переглянулись.

— Вы не удивляйтесь, я сейчас уйду. Песня — жизнь моя. Я ведь тоже пою. Но люди еще говорят, что могу предсказывать судьбу. Иногда я действительно угадываю будущее. Касбот уговорил меня приехать сюда, но я постеснялась выйти в круг. Для женщин это не принято. Но если б вы знали, как умеют петь женщины! Вы поете не так — тоже хорошо, но по-другому. В женской песне больше души. До свидания, юноши.

И она исчезла. Когда Ислам и Аппа опомнились, никого у костра не было.

— Слушай, может, нам показалось? — взволновался Аппа.

Ислам пожал плечами.

Глава IV

Ислам по-прежнему, вместе с братьями, жил в Карт-Джурте. Все ему здесь нравилось. Но больше всего он

любил вечера, когда стада сытых коров и отары овец возвращались в аул. Хотя Ислам был сыном первого князя Карачая, он не гнушался работой пастухов. Его альбомы были заполнены лицами чабанов, зарисовками пейзажей.

Как-то, прогоняя овец вдоль реки по ущелью, Ислам заметил необычно блестящий камень, принес его домой. Потом находкой заинтересовался приезжий учитель. Камень увезли в станицу Баталпашинскую.

Вскоре в аул приехали люди. Ислам повел их к тому месту, где впервые обнаружил минерал. Потом Ислам стал часто появляться в обществе русских инженеров. На том месте, где обнаружили залежи серебряно-свинцовой руды, развертывались работы по созданию рудника. Газеты сообщили об обнаруженных кладовых руды. Ислам очень много интересного узнавал от ученых, увлекся горным делом.

В эти дни Ислам неотступно думал о своем отъезде в Петербург. Крымшамхаловы были потомственными военными, сыновья их обязаны были нести службу при царском дворе. И вот наступил черед Ислама. Очень ему не хотелось этого отъезда именно сейчас, когда решено строить в горах рудник по добыче руды, когда сюда приехало столько интересных людей.

Но день разлуки неумолимо приближался. Внешне все оставалось по-прежнему. Как и раньше, рано утром Ислам уходил с мольбертом в горы, погоняя отару. Торопливо перебирая тоненькими ножками, шурша копытцами, бежали друг за другом овцы.

Навещал Ислам своих новых друзей на строящемся руднике.

Незадолго до отъезда Ислам рано утром ушел в горы, захватив с собой мольберт. Он хотел закончить работу, над которой трудился довольно давно.

Ислам сидел на широком лугу. Прямо перед ним возвышались горы, синел небосвод.

И на мольберте были изображены синее небо и высокие горы, а внизу на зеленом лугу стоял спиной к зрителям худенький юноша, молитвенно простирающий к горам благодарные руки. Голова юноши была немного склонена, и казалось, что человек прислушивается к тому, что его окружает. Юноша совершал молитву, поклонялся Природе, благодарил ее, могучую и прекрасную.

Придя домой, Ислам повесил картину на стену и сказал братьям:

— Это я прощаюсь с вами.

На следующий день, возвратившись в аул, Ислам еще издали увидел у конюшни лошадь Исмаила Урусбиева. Бегом бросился в комнаты.

Улыбающийся Исмаил легко поднялся навстречу. Он тепло обнял племянника, ласково заглядывал ему в глаза. В семьях горцев велика воспитательная роль брата матери. Он по горским понятиям имеет большие права и большие обязанности перед детьми сестры. Поэтому воспитание Ислама и его младших братьев в доме Урусбиевых в Баксане было обычным проявлением горской этики. Но никто не знал, как тосковал Ислам по дому. Здесь он жил с матерью, часто вспоминал ее. Думал свято и трепетно. Много размышлял о ее младшей сестре, матери его младших братишек, а значит, и его второй матери.

Дядя приехал в Карт-Джурт на несколько дней погостить у Ислама перед его отъездом в столицу. Это была радостная встреча людей, близких не только по крови, но и по духу.

Дни, проведенные с Исмаилом, пролетели незаметно. Пора было собираться в дорогу.

Каждый день в дом Крымшамхаловых приходили люди попроситься с Исламом, пожелать ему доброго пути. Исмаил, видя, в каком почете находится его племянник у аульчан, не мог скрыть своей радости.

— Завтра с утра тронемся в путь, — сказал Исмаил наконец. — Надо обязательно навестить Левана Хетагурова. Там и отдохнем.

На рассвете прошел дождь. Бриллиантами искрились капли воды на листьях деревьев и траве. Вершины гор, освещенные восходящим солнцем, были торжественны и прекрасны. Ислам мысленно прощался с родной природой, никогда она еще не казалась ему такой прекрасной.

Исмаил сбоку посмотрел на племянника, понял его мысли и тронул шпорами бока лошади. Мокрые ветки елей хлестали Исмаила по лицу, спине. Ислам стал догонять его. Он с удовольствием подставлял лицо приближающимся мокрым ветвям.

Исмаил запел. Ислам, догнав его, стал подпевать.

В селе Георгиевском-Осетиновском сделали остановку. Старый Леван Хетагуров встретил их у ворот своей усадьбы. Велел зарезать барашка, угостить на славу дорогих гостей.

До позднего вечера вели задушевную беседу трое мужчин: Леван, Исмаил и Ислам. Они сидели за низенькими столиками. Давно остыла еда, казалось, все уже переговорено, а они все не хотели расставаться.

Утром поднялись пораньше. Ждали, когда оседлают коней. Леван обратился к Исламу:

— Я знаю, сынок, у тебя будет мало времени в столице. Но ты постарайся найти своего брата. Я сейчас принесу кое-какие бумаги, которые надо передать Коста. Маленькие подарки пошлю с тобой, немного денег...

И он вышел.

— Ты давно не видел Коста? — спросил Исмаил.

— С лета.

— Где он учится?

— В Академии художеств.

Глаза Ислама потеплели. Дядя внимательно посмотрел на него.

— Все наши юноши начинают как военные. Но пройдет время, может, ты будешь не офицером, а художником, кто знает... Но помни: военная служба дисциплинирует мужчину, учит его управлять собой, делает сильнее. Не огорчайся, ты молод, у тебя все впереди...

Исмаил помолчал, словно размышляя о чем-то трудном, но очень важном. Потом продолжал:

— Я хотел тебе сказать, дорогой, что в Баксане тебя ждет моя сестра, твоя вторая мать. Она не может без твоего согласия приехать в Карачай, считает себя виноватой перед тобой и братьями. Ты молод и умен, ты не осудишь ее — это я сам в детстве вас к себе забрал, посчитав, что так будет лучше. Узнав, что ты уезжаешь, она приехала просить меня, чтобы я поговорил с тобой. Если не возражаешь, она будет жить в Карт-Джурте, пока ты не вернешься со службы.

Ислам смутился и обрадовался. Обрадовался за тех, кого он оставил в ауле. Конечно же, замечательно, что с ними останется родной человек.

— Ей не надо никого спрашивать, надо приехать, — произнес Ислам.

Он встал. Открылась дверь, вошел Леван с маленькой девочкой, державшейся за его руку. Исмаил тоже поднялся.

— Все уже готово.

Леван протянул Исламу небольшой сверток. Вышли во двор. Лошадей вывели на дорогу.

— Счастливого пути вам, братья!

Всю дорогу мужчины молчали. Ислам спешил. Спешил к своей второй матери, не выдавшей его почти десять лет.

Остановка в Баксане была совсем короткой. Уже приобретены билеты на поезд, упакован багаж.

В Нальчик прибыли совсем незадолго до отправки поезда. На перроне вокзала народу было уже совсем немного, остались одни провожающие.

Ислам и его двоюродный брат Сафар-Али прощались с родственниками и друзьями.

Раздался свисток паровоза.

— Ну, идите, — Исмаил подтолкнул юношей.

Братья поднялись по высоким ступенькам. Подбежали опоздавшие — две женщины, старуха и мужчина — вероятно, одна семья. Стали ставить на подножку баулы, чемоданы. Ислам, помогая им, подхватывал вещи. Опоздавшие, поблагодарив его, пошли вперед искать свое купе. А юноши все продолжали стоять в дверях вагона.

— Идите, идите, — сказал Исмаил и подтолкнул их вперед.

Раздался снова свисток паровоза. Поезд тронулся. Люди стали расходиться.

Вместе с Исламом и Сафаром в купе ехали и супруги — молодая женщина и мужчина лет тридцати пяти. Другая женщина и старуха поместились в соседнем купе. Женщина читала, мужчина копошился в чемоданах. Колеса тихо и методично отстукивали свою несложную мелодию.

Открылась дверь. Молодая женщина просунула в купе светловолосую головку.

— К вам можно?

— Конечно, конечно, Софи. Милости просим, —

оживился мужчина и торопливо захлопнул чемодан.

Его жена подняла голову от книги, улыбнулась.

— Как вы устроились? — спросила она вошедшую.

— Сносно, Мария Петровна, но удобнее было бы вместе.

— А давайте попросим наших попутчиков, — вставил мужчина и повернулся в сторону жены.

Она, ничего не ответив, вновь углубилась в чтение.

— А что — это идея! Представляете, вместе с нами сдет какой-то священник, ну вы сами понимаете, что за атмосфера. Мама с ним уже познакомилась, а мне он совсем неинтересен.

Она искала взгляда Марии Петровны, но та молча перелистнула страницу.

— Может, вы этих молодых людей попросите, Валентин Васильевич? Мне как-то неловко.

Мария Петровна продолжала читать. Ислам и Сафар-Али молчали.

— У вас такие молчаливые попутчики, Мария Петровна, — сказала Софья и опустилась на скамью рядом с женщиной.

— Они, наверно, не знают русского языка, — вставил мужчина и сел рядом с ней. Разговор шел между ними обоими.

— Что в этом удивительного? Должно пройти лет сто, пока до них дойдет цивилизация.

— Действительно, такая кругом красивая природа и такая отсталость.

— Приехать бы сюда лет эдак через сто.

— О, как вы долго хотите жить, Софи! — засмеялся мужчина.

— А что, у них на Кавказе это, говорят, естественно, — заметно оживилась она.

— Да, у них в горах много чему есть поучиться. —

Мария Петровна захлопнула книгу. — У них нет пьянства, воровства. — Помолчав, добавила: — Они очень сдержанны. Их обычаи можно сравнить разве что со спартанскими.

— Ой, не говорите. Вот мой Николай Федорович живет на Кавказе уже несколько лет и утверждает, что это не спартанцы, а варвары. И лучше не обучать их, а то выучим на свои головы.

— Нет, нет, он здесь не прав, — попытался поддержать жену Валентин Васильевич, — обучение горцев необходимо, постепенно мы их переделаем, очеловечим.

— Мне стыдно за тебя, Валентин! — сказала Мария Петровна и вышла из купе. Мужчина растерялся. Он видел спину жены, но не решался подойти к ней.

Ритмично стучали колеса, мелькали за окном вагона деревья. Ислам и Сафар-Али молчали.

Софи, надув губки, с обиженным видом вышла из купе. Мария Петровна вернулась на свое место.

— А она хотела ехать с нами, — некстати сказал мужчина.

— Ничего, общение с духовным лицом ей будет намного полезней, — сказал по-русски Сафар-Али.

— Вы понимаете по-русски? — растерянно спросила Мария Петровна.

— Мы хорошо знаем русский язык, мадам, — произнес Ислам.

— Простите, мы не хотели обидеть вас, — еще больше смутилась женщина.

Глава V

Весь день Ислам потратил на поиски Коста. По адресу, который дал ему Леван Хетагуров, сын его дав-

по не проживал, а новое его место жительства хозяева квартиры не знали.

Решив на следующий день поискать друга в Академии художеств, Ислам направился в сторону Васильевского острова, где снимал комнату его брат Науруз. Темнело. Где-то позади процокали копыта лошади. Ислам решил сначала позвать извозчика, но потом передумал и пошел пешком. Над городом сгустился туман, будто сквозь лепельную марлю рассматривал юноша улицу.

Мимо прошел мужчина. «Кажется, кавказец», — подумал Ислам, заметив на нем черкеску. Он оглянулся. Человек остановился и стал догонять Ислама.

— Крым! Здравствуй, Крым! — услышал Ислам знакомый голос с чуть заметным осетинским акцентом.

— Коста! — бросился Ислам обнимать Хетагурова.

— Какая удача! — воскликнул Коста. — Я слышал, что ты здесь, но где искать, не знал. Ты, конечно, на службе при царском дворе, ты же Крымшамхалов! Пошли ко мне, я тут неподалеку живу. Покажу рисунки. Правда, обстановка в моей келье совсем не та, что тебя сейчас окружает, но ничего... живем!

Коста шутил, смеялся, глаза его лучились счастьем радостной встречи.

Дома Коста сразу принялся читать письмо отца. Но через пару минут опустил листок на колени и спросил:

— Как он там, мой старик? Честно скажи, Крым. Ты же понимаешь — в письме только тревоги обо мне и добрые пожелания опять же мне...

— Не волнуйся. Леваи крепок и бодр. Все хорошо.

Коста продолжал читать письмо. А Ислам рассматривал работы Коста. Рисунки, эскизы были разбросаны повсюду.

— Зря ты приbedняешься, дорогой, — сказал Ис-

лам, когда заметил, что Коста прочитал послание отца. — Немало здесь весьма интересного. Рад за тебя от души.

— А знаешь, — задумчиво молвил Коста, — надо было и тебе поступать в Академию...

— Это ведь от меня не зависело.

— Да, — согласился Коста, — но все же. Когда в Ставропольской гимназии я показал твои рисунки Смирному, он не поверил, что это рисовал десятилетний мальчик. Изрек, что надо обязательно учиться этому юноше, преступление совершит тот, кто не направит его на путь истинный. Врожденное чувство перспективы, легкость линии!

— Ты шутишь?

— Нет. — Коста поднялся, стал ходить по комнате. — Он даже сказал, что в гимназии нет таких, кто мог бы соперничать с тобой. У меня как-то не было случая сказать тебе этого раньше. Да, вот хочу тебе показать...

И Коста выставил большой ватман, на котором были изображены углем осетинские ребятишки возле костра.

— Хорошо. Просто очень хорошо! Только думаю, что вот здесь надо так. — Ислам быстро подошел, поискал глазами уголь, нашел и резко провел несколько линий. — А это надо убрать, — и он пальцами стал вытирать изображение. — А то будто воздуха не хватает.

Коста, посмотрев на него и на картину, удивленно покачал головой. Ислам перехватил его взгляд и посмотрел на свои испачканные углем руки.

— Ничего, ничего. Так делают все художники, руками, — заметил Коста.

— Я еще не художник. Другое дело — ты...

— А я сейчас, как видишь, больше занимаюсь вот этим — пишу на религиозные сюжеты. За это прилично платят и меньше проверяют. Жить-то надо. А мне очень не хватает денег.

— Я всегда к твоим услугам. — Ислам повернулся к Коста.

— Я знаю, знаю... Но твои деньги нам еще пригодятся.

— Кому ж это «нам»?

— Землякам. Ты слышал о «землячестве»? Я тебя обязательно сведу туда. Это как раз для тебя. Там собирается кавказская молодежь разных национальностей.

— А что вы там делаете?

— Тоскуем о Кавказе. — Коста горько улыбнулся. — Придешь — увидишь. Иди, мой руки. Ты когда будешь свободен в следующий раз?

— В воскресенье, вероятно.

— А в другие дни?

— Может, послезавтра, во второй половине дня.

— Давай приходи прямо в Академию художеств. Я тебя познакомлю с интересными людьми, — воодушевился Коста. — И захвати с собой свои рисунки, идет?!

Ислам кивнул головой.

Через день он ждал Коста, как и договорились, у входа в здание Академии художеств. Но Хетагуров все не появлялся. Отчаявшись ждать, Ислам толкнул вперед тяжелую массивную дверь с затейливой бронзовой ручкой и вошел внутрь. Слева от него была приоткрыта маленькая дверь — швейцар спиной к нему возился у стола. Длинная широкая лестница вела наверх. Поднимаясь по ступенькам, Ислам увидел второго служителя, сидящего за маленьким столиком и смотрящего

прямо на него. Ислам, поровнявшись с ним, поздоровался и, не останавливаясь, пошел дальше.

— Вы у нас учитесь? — донеслось ему вдогонку.

— Да, конечно. — Ислам, чуть обернувшись, приоткрылся к работам, которые он нес под мышкой.

Швейцар ничего не ответил, а Ислам отправился дальше по коридору. Шли занятия, коридор был почти пуст, иногда где-то вдали показывалась чья-нибудь фигура и вскоре исчезала. Ислам, осторожно ступая, шел вперед в надежде встретить кого-нибудь и спросить о Коста. Впереди никого не было. Кто-то тронул его за плечо. Обернувшись, он увидел юношу и девушку. «Студенты», — догадался Ислам.

— Вы с Кавказа? Кого ищите? — спросила девушка.

— Коста Хетагурова ищу.

— А, ну это сейчас. Подождите меня здесь, — юноша прошел вперед, оставив Ислама со своей подружкой.

— Вы тоже осетин? — первой нарушила молчание девушка.

— Нет, я карачаевец.

— Никогда не слышала. А где это?

— Тоже на Кавказе.

— А какие там рядом города?

— Нальчик, Пятигорск, Кисловодск...

— А, знаю, знаю, мой дядя — он военный и художник...

— Военный и художник, — повторил Ислам медленно. — Значит, возможно такое?

— Да, а что в этом странного? Так вот, дядя сейчас отдыхает на Кавказе, врачи порекомендовали ему горный воздух, и он даже совсем собирается переезжать в Кисловодск. Так что, возможно, еще встретимся с вами у вас на родине.

— А как зовут вашего дядю?

— Николай Александрович Ярошенко.

«Ярошенко», — мысленно повторил Ислам, пытаюсь запомнить это имя или что-то вспоминая.

— Ислам, прости, у нас не было перерыва. Я не смог раньше выйти к тебе, — сказал подошедший незаметно Коста.

Ислам простился со своей новой знакомой. В коридор стали выходить студенты, было здесь и несколько девушек. Все они с интересом осматривали Ислама, идущего вслед за торопящимся Коста. Наконец перед одной из комнат Коста остановился, толкнул дверь, пропустил Ислама вперед.

В аудитории, куда привел Ислама Коста, было много юношей. Кругом стояли раскрытые мольберты. Несколько студентов у окна беседовали между собой. На возвышении в кресле сидела молодая женщина, укутанная в длинный, почти до пола, шерстяной платок. Ноги ее были босы. Неподалеку от нее двое юношей рисовали. Один из них что-то сказал женщине, она откинула платок. Ислам вспыхнул. Это была натурщица — Ислам видел такое впервые, раньше только читал о них. Но больше всего его поразило отношение к ней присутствующих. Никого не волновало то, что женщина была обнажена, каждый из них спокойно занимался своим делом. Его потрясло это равнодушие собравшихся, Исламу показалось, что что-то чистое треснуло в его душе. Коста, чуть иронически улыбаясь, наблюдал за Исламом. Потом легонько тронул его за рукав, пригласил к большому столу.

— Ну, давай раскладывай, — смел рукой все со стола. — Мы все сначала теряемся, — сказал он просто.

Ислам открыл папку, вытаскивая рисунки. Коста

помогал раскладывать их на столе, некоторые ставил на небольшие пюпитры, прислонял к стопкам книг.

Студенты придвинулись ближе, оттеснив Ислама. Он видел, как натурщица, встав со стула, изящной походкой прошла за ширму. Ислам оглянулся. Все были заняты просмотром его работ. Он смотрел на мольберты и везде видел рисунки с изображением натурщицы.

«Красивая», — отметил про себя Ислам. Позднее, думая об этой женщине, он всегда вспоминал не ее настоящую, а ту, что была на рисунках.

Особенно заинтересовали собравшихся три работы Ислама: «Поклонение горам», «Судьба» и «Мать и Земля». Первая картина являлась копией той, что он подарил братьям перед отъездом в Петербург. На двух других были изображены женщины. В «Судьбе» женщина смотрела с высоты, ее лицо, обрамленное легким белым платком, было мудрым и строгим, а внизу неуверенно ступал по земле человек с завязанными глазами. На третьей картине женщина была написана со спины. Она сидела на облаке, ее грустное лицо было немного повернуто в сторону, на плече покоилась головка ребенка. Внизу простиралась красивая долина. Лицо матери, ее поза пронизаны желанием оградить дитя от всех горестей и бед.

— Хетагуров, а где учился твой друг?

— Он вообще не учился. Самообразование.

К Исламу подошел юноша, который рисовал натурщицу. В руках он держал один из пейзажей.

— Послушайте, продайте мне некоторые работы. Вот хотя бы этот пейзаж.

Ислам отрицательно покачал головой, отошел от него, ничего не ответив.

— Это все от души, потому и волнует!..

Студенты продолжали обсуждать работы Ислама.

— А я вот прежде чем что-либо написать, обязательно должен перевероршить гору книг и репродукций. Вот так, естественно, не получается.

— Секрет в том, — горячо сказал Коста, — что мой друг рисует на натуре, поистине божественной натуре, какой является природа Кавказа!

Ислам заметил, как в класс вошел немолодой мужчина. Подойдя к группе юношей, он вместе с ними стал рассматривать работы.

— Вот так, учишься, учишься, а увидишь такое и понимаешь, что совсем другое тебе надо было в жизни, — сказал юноша, подходивший к Исламу.

— Хетагуров, не убирай, подождем Мастера.

— А он уже здесь! — раздался голос.

Мужчина вышел в центр. Ислам встретился с ним глазами.

— Чьи это работы? — спросил мужчина.

Студенты расступились. Перед художником стоял смущенный Ислам.

— Вам обязательно надо учиться. Талант несомненный. А технику не мешает пошлифовать. Кто вы?

Ислам растерянно молчал.

— Телохранитель Его Величества, — с пафосом изрек Коста.

— Ну, а если точнее? — настаивал художник.

— Князь Ислам Крымшамхалов, проходит военную службу при дворе Его Величества.

Все с пристальным интересом разглядывали Ислама.

— Мне можно уходить сегодня? — позади Ислама стояла натурщица в темном, наглухо застегнутом шерстяном платье. Аккуратная шляпка красиво лежала на пышных волосах. Ислам посторонился, он был поражен переменой.

— Да, Оленька, на сегодня хватит. Спасибо.

— До свидания, — она пошла к двери.

— До свидания. Спасибо, Оленька, — неслось ей вслед.

Когда Коста и Ислам выходили из Академии, их догнал юноша и обратился к Исламу.

— Ну, так вы продадите мне свои работы, князь?

Ислам снова ничего ему не ответил и прошел вперед.

— Слушай, Гордеев, князь так богат, что ничего не продает, — остудил его Коста.

Уже более полугода жил Ислам в Петербурге. Все здесь казалось молодому горцу необычным, непривычным. Он был переполнен новыми впечатлениями от большого шумного города. Он прежде не видел таких огромных зданий, таких широких улиц, такого обилия экипажей, таких толп нарядно одетых людей, целый день спешащих куда-то.

Ислам старался находить время для занятий, настойчиво углублял свои знания в русском языке, много читал. С особым интересом и удовольствием знакомился с творчеством Л. Н. Толстого.

Рука художника часто тянулась к карандашу. Тетради и альбомы быстро заполнялись множеством набросков, зарисовок улиц города, новых для него пейзажей северного края, эскизами портретов.

Военной службой Ислам явно тяготился. Но служба есть служба, тут уж ничего не поделаешь. Хорошо, что душа отдыхала в занятиях живописью, хотя нелегко было совместить такие различные дела.

Не обходилось без курьезов.

Однажды Ислам нес караул в тронном зале. Была

ночь, все спали. До утра еще было далеко. Роскошь, блеск дворца будоражили сознание. Нельзя было спокойно воспринимать это окружение. Ислам испытывал чувство стыда оттого, что может пользоваться всеми благами, богатством, предоставленными и на родине, и здесь в Петербурге. А многие его знакомые, тот же Коста Хетагуров с товарищами, не только не имеют этого, но иногда не знают, как свести концы с концами... А должна ведь быть справедливость...

Ночь была длинной. Бездействие томило. Ислам вытащил из кармана карандаш и тонкий блокнот, которые всегда неизменно носил с собой, отложил в сторону оружие и сел на трон. Развернул блокнот.

В это время в зал вошел начальник караула, Ислам вскочил, смущенно развел руками.

...Наутро он стоял перед царем.

— Нет, князь, военная карьера не для вас,— говорил император, глядя на стол, где лежали блокнот с эскизами и карандаш, отобранные у Ислама.

Больше Ислама не назначали на дежурство в тронный зал. Он нес караул в других помещениях дворца.

...В свободное от службы время Ислам по-прежнему часто встречался с Хетагуровым. Вот и на этот раз Ислам шел по узкой улочке, ведущей к дому, где жил Коста. Здесь обитали лавочники, ремесленники, и обычно переулок был безлюден. Поэтому, увидев впереди себя группу полицейских, торопящихся куда-то, Ислам насторожился. «Уж не к Коста ли?» — мелькнула догадка, и он решил поспешить.

Обогнав полицейских, он завернул за угол, быстро заскочил в подъезд и стал бегом подниматься по лестнице. Снизу успел заметить, что окна комнаты Коста занавешаны. «Может, его нет дома? — обрадовался он и тут же спохватился. — Обыск без Коста, это же опас-

но, а вдруг что найдут». Ислам вытащил из кармана запасной ключ, просунул в скважину, но повернуть не мог, дверь не открывалась. Ислам постучал условленным стуком.

Дверь быстро распахнулась. Ислам вошел в полутемную комнату.

— Что за конспирация?

— Тихо. У меня Хамзет. Избил полицейского. Ищут по всей улице. Здесь оставаться ему опасно. У меня хранятся компрометирующие зямлячество бумаги.

— Они уже идут, я их обогнал.

Ислам поздоровался с молодым горцем, стоявшим у окна и наблюдавшим через узкую щель за улицей. Ислам дернул шнур, занавеска отодвинулась, осветив комнату ярким светом. Улица была пуста.

— Давай, Хамзет, уходи через окно. Там внизу сарайчик, прыгать невысоко. Быстрей, быстрей.

Ислам распахнул окно и подтолкнул юношу. Потом повернулся к Коста.

— Бумаг много?

За дверью послышался шум.

— Не очень, — ответил Коста.

— Давай все сюда, быстрее, быстрее.

Ислам стал рассовывать бумаги по карманам, внутрь шинели.

В дверь постучали.

— Ты мой портрет не закончил? Где он?

— Вон в углу стоит, накрытый. А зачем он тебе понадобился? — Коста вынес портрет на середину комнаты.

— Ставь здесь. Быстрее, быстрее!..

За дверью уже кричали: «Откройте немедленно, иначе сломаем дверь!»

— Иди, открывай! — распорядился Ислам.

— Ты с ума сошел. Лучше уходи, беги через окно, я сам постараюсь выкрутиться.

В дверь уже ломились.

— Открывай! — закричал Ислам.

Коста подошел к двери, щелкнул замок. В комнату ввалились полицейские. Ислам стоял спиной к ним перед своим незаконченным портретом. Он быстро обернулся.

— Где он? — закричал на жандарма.

— Кто? — опешил тот от неожиданности.

— Я сколько раз буду сюда приходить, несчастный художник? Сколько ты будешь водить меня за нос! — он с грозным видом направился к Коста, незаметно подмигнул ему. — Почему портрет до сих пор не закончен? А здесь, слева, я просил сделать изображение портрета государя!

Полицейские растерянно уставились сначала на портрет, потом на Ислама.

— Я служу в охране государя, прихожу сюда уже третий раз, — жандарм, к которому Ислам обратился, подтянулся. — И каждый день он говорит мне: «Приходите завтра!» А я нахожусь на государственной службе!

— Все будет готово, завтра будет готово, — подключился в игру Хетагуров.

Ислам снова повернулся к жандарму.

— До чего дожили! Безобразие! А что вы хотели здесь? — спросил уже тише Ислам у жандарма.

— Да вот, человека ищем... Шел как будто сюда... И исчез... Опасный человек...

— Высокий такой, чернявый?

Жандарм кивнул.

— Так что же вы стоите? Смирно! Кругом, шагом марш!

Полицейские послушно исполняли команды Ислама.
— Ищите его, он далеко не мог убежать. Я видел его только что на противоположной стороне улицы.

Жандармы неуклюже затопали вниз по ступенькам. Ислам притворил дверь. Коста стоял у окна и осторожно выглядывал на улицу. Ислам подошел и стал рядом.

Из подъезда выбежали полицейские. Остановились. Жандарм поднял голову, поглядел на окна верхнего этажа, махнул рукой и пошел со двора. За ним двинулись остальные.

— Ну, уж теперь я точно твой портрет закончу.

— Надо сменить квартиру.

— Обязательно! Уже скоро не будет такого дома в Петербурге, где бы я не жил. Что ж, по такому случаю надо делать курманлык, — оживился Коста, — вечером приходи к Тотрову. Приехал его племянник, умудрился привезти в Петербург барашка.

— Сегодня я не могу. Иду на концерт.

— Ну, тогда завтра. Обязательно приходи. Мы будем ждать.

Глава VI

После двух лет военной службы у Ислама появилось непреодолимое желание выйти в отставку. Поручик Крымшамхалов подал рапорт, но получил отказ. Он вновь обратился с ходатайством, ссылаясь на ухудшившееся здоровье.

Наконец рапорт был подписан. Так легко стало на сердце. Таким милым и добрым казался теперь туманный, чопорный Петербург. Ислам шел по улице и готов был петь и плясать от счастья. День выдался пасмурным. Но перед мысленным взором молодого горца синело небо Карачая, сияло южное щедрое солнце.

Перед отъездом Ислам решил навестить друзей. Неутомимый, энергичный Коста Хетагуров взялся устроить эту встречу.

— Я так рад за тебя, — восклицал Коста. — И завидую тебе по-хорошему. Подумать только — скоро ты увидишь наши горы!

...За столом сидело много мужчин. Можно было подумать, что это один большой род, настолько все казались похожими друг на друга: в основном черноволосые, стройные, в черкесках. Это было так называемое «кавказское землячество» в Петербурге. Они собрались по случаю проводов Ислама на родину. Все тихо переговаривались между собой. Ислам смотрел на них, слушал их гортанные голоса, и ему казалось, что все они говорят на одном, всем им родном языке.

В комнату вошел Коста Хетагуров. Его брат, студент медицинской академии Андукапар, и Сафар-Али Урусбиев готовили шашлыки. Доносился ароматный запах. Коста подошел к столу, сел рядом с Исламом на место тамады, оглядел всех и спросил оживленно:

— Что, джигиты, соскучились по нашему Кавказу?

— Еще бы! Дым отечества...— сказал кто-то.

— Ничего, ничего. И нам осталось быть здесь самую малость.

Коста повернулся к Исламу:

— Зайдешь к отцу?

Ислам удивленно посмотрел на него.

— Извини, извини. Не то сказал. Я же знаю, что ты мимо моего дома не проедешь. Посмотри, как они там, сам напиши. Как увидишь, так и напиши, хорошо?

Ислам кивнул.

— Ты посмотри, как тебе завидуют все, а больше

всех я. Я хотел бы быть на твоём месте, поехать в Осетию, увидеть Нар, — размышлялся Коста.

— Закончишь учёбу и увидишь, — ответил Ислам.

— Ах, если б ты знал, как я хочу быть во Владикавказе, жить среди иронцев, петь по-иронски и чувствовать, что все меня понимают! Я и учиться хочу и домой — тоже.

— То есть, хочу учиться дома? — пошутил Ислам.

— Да, а что? Учиться на родине, на родном языке... Мне этого, конечно, не испытать, но, может, детям? Хотя вряд ли. Может, внукам, а? Ты хотел бы иметь внука, а, Ислам? — оживился вновь Коста.

Ислам весело расхохотался. Он смеялся долго. Все собравшиеся смотрели на них и тоже смеялись. Развеселился и Коста.

— А ну, джигиты, мясо на стол. Вино есть, зелень есть. Гор — нет, горцы — есть!

Все зашевелились, ободрились.

— Друзья! Горцы! Сегодня у нас грустный день — уезжает наш Ислам. Кем он был для нас эти годы — я не буду говорить, да и он сам не разрешит. Он был печален, я не знал, чем его развеселить. И вот он смеется. А знаете, почему он смеется? Я спросил: хотел бы он иметь внука?

Все вновь расхохотались.

— Хотел бы он жениться, спросил бы вначале, — проговорил смеясь Сафар-Али.

— А что, кто из нас не хочет жениться? Я бы женился, как турецкий султан, — чтобы в год 300 осетин рождалось, — пошутил Хетагуров запальчиво.

— Тогда это мясо никому из вас не досталось бы, — сказал Андукапар, устанавливая в центре стола большой поднос с дымящимися кусками баранины.

Двое мужчин стали разливать вино по стаканам. Установилась тишина. Коста сказал:

— Пусть говорит Ислам.

— Я горец, и где бы я ни был, что бы ни делал, я всегда думаю о своих горах. Они превыше всего для меня. И я знаю, что для каждого, находящегося здесь, родная земля священна. Первый тост за ту землю, где мы родились! Человек всегда должен знать и любить родной язык, язык матери. А потом он должен овладеть языком брата. Для всех собравшихся здесь русский язык — братский язык, он нас объединил, привел сюда. За это второй тост. У нас у всех есть дом и есть там люди, которые ждут нас. Они вывели нас на дорогу к знаниям, к свету. Этой же дорогой мы будем возвращаться к ним. Наши предки самые дорогие для нас люди. За них — мой третий тост. Мы все знаем друг друга, близки друг другу, но у каждого из нас есть самый первый друг. Для меня это...

— Прости, Ислам, хочу перебить тебя. Кто твой лучший друг, Шора? — спросил Коста высокого черкеса.

— Ислам, — отозвался тот.

— А для тебя, Махмуд?

— Ислам, — послушался ответ.

— А для тебя, Батраз?

— Ислам, конечно.

— Вот видите! Я прямо спросил у вас, и вы мне прямо сказали, даже как будто удивляясь моему вопросу. Правда же? Так вот я хочу сказать: счастливы те, у кого есть такой друг. Знаю, что поступаю немножко нескромно, хваля тебя, Ислам, но поскольку я тамада, то выражаю сейчас наше общее мнение. Здесь, среди нас, нет никого, кому бы ты не помог. Заботиться о людях, любить человека — что может быть благородней? Мы не могли, да и не имели права рекламировать твоё участие в нашем землячестве. Это принесло бы

вред не только тебе, но и всем нам. Я уверен, что будущее отдаст тебе должное. Живи долго-долго, Ислам. За тебя, за твой народ, за твое будущее!

Ислам слушал, опустив глаза. Вообще, он любил смотреть прямо на собеседника, не видя глаз человека, не мог с ним говорить. Тогда казалось ему, что мысли его не доходят до собеседника. А сейчас от смущения он опустил глаза. Всегда такой находчивый и остроумный, здесь он растерялся — столько было сказано высоких слов всеми его товарищами.

Потом на прощанье слово дали опять Исламу:

— Говори, ты так хорошо говоришь, Ислам!

— Спасибо вам всем, друзья мои. Раньше я думал, что у меня один дом, а теперь я убедился, что у меня есть братья в Осетии и в Ставрополе, в Тифлисе и в Дагестане, в Чечне и Адыгее, в Абхазии и здесь, в столичном Петербурге. Вся страна — мой дом. Спасибо вам за все. Я повезу ваш салам на Кавказ. Желаю вам добра и благополучного возвращения на родную землю.

Глава VII

Почему дорога домой кажется короче? Может оттого, что когда едешь по родной земле, путь сокращают воспоминания, картины детства или радость приближения к дому уменьшает трудности пути.

Ислам сейчас четко чувствовал всю разницу между роскошным Петербургом и скромным Карачаем. Но красота родной земли была настолько дорога и близка, что он не мог смотреть на горы без умиления. Конечно, здесь нет такого блеска и роскоши, как в большом столичном городе, но зато здесь, именно здесь, он чувствовал себя свободно, раскованно, легко.

Ислам вез из Петербурга много книг. Мольберт, краски, рисунки были упакованы в отдельные ящики.

Но самым дорогим и объемистым был рояль, упакованный в большой длинный ящик. Это был подарок матери Бориса Шаханова, и Ислам очень радовался, что теперь у него в доме будет такой прекрасный инструмент. В Невинномысске он нанял грузчиков, и те помогли ему грузить все на подводы, чтоб отправить багаж в Карачай.

— О, х-хе, что это, камни, что ли, господин?

— Рояль.

— Что? — не понял грузчик.

— Рояль, дубина, — ткнул его в бок напарник и ответил на его немой вопрос: — Это как большая скрипка, на них господа играют.

Ислам доехал до Баталпашинской станицы, переночевал там у знакомого учителя. Утром посмотрел торговые ряды возле церкви, заглянул в лавки. Купил жене учителя отрез китайского шелка, вручил ей подарок, смутился больше, чем она. Сел на коня и уехал.

Горы приближались к нему. Постепенно они окружили его. Он поднялся по тропинке на вершину хребта. Огромный обрыв зарос лесом. Верхушки сосен торчали у края тропы, спускались вниз. Там, в глубине, сквозь хвою и листья, блестя на солнце, сверкал и шумел горный поток. Высоко над головой парил орел.

«Вот я и дома», — вздохнул Ислам.

От самого Петербурга не покидала его какая-то тревога. Чем ближе был он к родному селению, тем больше росло в сердце волнение. Оно теснило дыхание, сбивало мысли. Воображение рисовало знакомые с детства картины родного селения.

В горах было светло, радостно. Все цвело, зелень заполняла все кругом, а перед мысленным взором Ислама была серая улица, строения, родной дом.

— Что не весел, князь? Или что драгоценное оста-

вил в России? — услышал он за спиной насмешливый голос.

Оглянувшись, увидел девушку и юношу лет четырнадцати на конях. Девушка сидела на лошади очень прямо, лицо ее было гордым, взгляд с лукавникой, тонкие брови изящно изогнуты.

«Таукоз, это Таукоз!» — вдруг узнал девушку Ислам и повернул лошадь к путникам. Глаза девушки лучились, губы улыбались. Лошадь, на которой девушка сидела, нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, будто и ей передалось задорное настроение хозяйки. Юноша был не по годам серьезен и сдержан.

— Здравствуй, Таукоз! Как я рад встрече!

— Здравствуй, Исламбий. Когда постраниствуешь, воротись домой, и дым Отечества нам сладок и приятен...

Услышав стихи Грибоедова из уст молодой горянки, Ислам поразился ее знаниям.

— Что, удивлен, князь?.. Смотрю, едешь один, грустный, дай, думаю, подъеду. Втроем будет веселее. Ислам, поезжай вперед, — обратилась девушка к своему юному спутнику, — скажи, что Ислам едет, и Таукоз с ним.

Юноша развернул коня. Раздался цокот копыт.

— Подожди, не забудь сказать: «Таукоз петь сегодня будет». Так и скажи! — закончила она решительно.

— Поешь, Таукоз? — спросил, восхищаясь ею, Ислам.

— Пою. С того дня, как слушала Аппу, преодолела свою робость. — Она замолчала ненадолго. — Но сразу же у меня появился враг — Рамазан-эфенди. Сегодня он как раз у тебя в селении. Из-за него мне пришлось уйти из дому. Говорит, Коран запрещает петь, как будто я Коран не читала. Я не нашла там такого

запрещения. Просто Рамазан-эфенди надеется, что люди ему и так поверят. Ему нужно стадо, послушное стадо. А таких, как я, он ненавидит. «Где это видано, чтобы женщины вели себя так свободно? Ты же дочь Шах-Магометовых. Тебе надо сидеть дома, слушаться мужа, рожать детей, почитать старших!» — Все это Таукоз проговорила быстро, гневно, явно кого-то передразнивая. — А у нас ведь никогда женщин взаперти не держали. Что это происходит со всеми? Он внушает чушь, а ему не перечат?! Странные времена настали. Эх, если б все эфенди были как наш Чепелеу Бозиев¹. Он меня не раз защищал от невежд.

— Где ты живешь, Таукоз?

Она усмехнулась.

— В лесу, в горах... Везде!

— Я серьезно спрашиваю.

— А если серьезно, то жилище мое укрыто в лесу. Я не одна. Там живут те, кто ушел от князей или скрываются от власти. Я пою песни, они слушают. Я не могу не петь, а они любят мои песни.

— А юноша, что вместе с тобой, — брат твой?

— Это мой младший брат по духу, а твой настоящий, его мать — из рода Урусбневых. Зовут его Акбаев Исмаил. Даже не знаю, как нашел он нашу стоянку, говорит, надо записывать все, что я пою, что поет Аппа, Касбот, Кязим. Ты не смотри, что он молод, знает арабский, турецкий, грузинский и черкесский. Пишет на этих языках, — подчеркнула она. — Я же только пою. А он все ездит за мной и пишет, пишет.

— А где Аппа?

— В Турцию уехал. Посмотрю мир, говорит, сравню, обязательно вернусь.

¹ Бозиев Чепелеу — карачаево-балкарский просветитель.

Они помолчали.

— Знаешь, Ислам, один язык нужен на земле, или все люди должны знать все языки. Я много путешествую, рассказываю обо всем, что видела, перевожу песни, и знаешь, как мне больно: так много теряется при переводе, иногда будто ветвь без листьев держу в руке. Правду говорю, — закончила она горько. — Ну, как перевести, например, вот это?

Таукоз, слегка откинувшись в седле, глядя на вершины гор, запела. Чуть гортанные звуки ее сильного голоса нарушили тишину ущелья.

Кто же был такой Ерюзмек¹?
Ерюзмеком называемый был из благородных.
Рожденный в горах, выросший в долине,
Много тягот претерпел он.
Брови вразлет. Шуба нараспашку.
Пуля, посланная им, камень разбивает,
Куда ни пойдет — всех побеждает².

Таукоз умолкла. Потом повернула лицо к Исламу.

— По-карачаевски звучит красиво, поэтично. Правда? А попробуй перевести на другие языки... Получается совсем не то... Даже на родственные языки. А, скажем, перевод на русский язык, наверно, совсем плохо получится. Душа поэзии исчезает...

Ислам внимательно слушал Таукоз. «Как далеко летит ее мысль! Удивительная девушка».

Затем спросил, смущаясь своей смелости:

— Почему ты одна, Таукоз?

Она метнула на него такой пронзительный взгляд, будто бритвой полоснула:

— А что, ты возьмешь меня в жены, князь Ислам?

¹ Ерюзмек — герой карачаево-балкарского нартского эпоса.

² Перевод подстрочный.

Ислам молчал.

— Вот то-то же. Кому нужна жена, которая только и делает, что поет? — усмехнулась она. — А потом, говорят, я колдунья. Вот Аппе предсказала песней его судьбу, он обиделся и уехал.

— Скажи, что меня ждет, Таукоз, — пошутил Ислам.

Девушка пристально посмотрела на него, и Исламу на миг показалось, что ее глаза фосфорисцируют.

— Не скажу, — отрезала Таукоз и отвела взгляд.

Всю дорогу до селения они ехали молча.

* * *

«Как хорошо, боже мой, как хорошо! Я дома. Наверно — это и есть счастье — быть среди тех, кто тебе дорог, любить их. Как я скучал, как мне не хватало этого воздуха! Здесь я дышу глубоко, свободно, с наслаждением. Опять купаюсь в лучах солнца — такого щедрого у нас на Кавказе и такого робкого и скупого в северном краю». Ислам глубоко вздохнул и счастливыми глазами оглядел тех, кто был вокруг. Со многими он встречался глазами, и люди улыбались, глядя на его счастливое лицо.

Ислам находился в окружении друзей. В первый же день своего приезда в Карачай он пошел в дом Тамбиевых, где жил его товарищ Магомет, стоящий сейчас рядом с ним.

— А вот идет Рамазан-эфенди, он, наверно, направляется сюда. Давай убежим к танцующим, — Магомет отвернулся в другую сторону и прошел вперед.

Ислам хотел посмотреть на Рамазана. Но когда повернулся к старику, то неожиданно встретился с его цепким, колющим взглядом. Рамазан-эфенди уже стоял рядом и внимательно разглядывал его.

— Это хорошо, что ты уважаешь старших. Я тебя помню с детства, ты всегда был вежлив. А вот Магомет — совсем другой. Ты близко не подпускай его к себе. Ты думаешь, наверно, что я злой, — усмехнулся эфенди.— Но если б ты знал, почему, ты бы так не думал. А о Магомете... время, время все поставит на свои места. Хороший человек и плохого не заметит, думает, все хорошие, как он сам, а плохой плохого издали чувствует.

Помолчали.

— А вот появилась и Таукоз, — заговорил вновь Рамазан. — Ты только послушай, что она поет. Бесстыдство! Женщина должна молчать! У мусульман им положено молчать. Что будет, если все женщины публично начнут петь о своих возлюбленных? Стыд и позор! Мои дети не будут там, где она! Вечно среди мужчин крутится. А что делают мужчины, когда соберутся вместе? Пьянствуют. Что делать девушке в такой компании?

— Вы правы,—вставил Ислам.— В такой компании делать нечего. Но горцы ведь не пьют вообще.

— Ну не пьют, так слова плохие говорят! — поняв, что он наговорил лишнее, Рамазан-эфенди замолчал и стал перебирать четки, беззвучно шевеля губами.

Таукоз издали увидела их, подошла, смерила старика насмешливым взглядом и, повернувшись, что-то сказала Исманлу, стоящему рядом с ней.

— Но я слышал, что молодежь боготворит ее, — произнес Ислам, взглянув лукаво на Рамазана-эфенди.

— Ну да, молодежь, она же еще ничего не понимает. Если ее не держать в узде, куда она пойдет? Туда же, куда и все гяуры. А что они нам дали хорошего? Учат нашу молодежь не подчиняться взрослым, учат пить водку и бесстыдно разлядывать чужих жен! Эта

Таукоз и сама по-гяурски говорит! Она ведьма, колдунья, ее сжечь надо! Когда я ее вижу, у меня кровь закипает от злости.

— Ты не видел хороших русских, наверно. А у меня о них очень прекрасные впечатления остались. У меня много русских друзей, и я скучаю без них,— твердо ответил Ислам. — Нельзя судить о народе, не пожив среди него.

— Что она поет, что она рассказывает — слушать противно! — твердил свое эфенди.

Ислам вдруг вспомнил, как точно Таукоз его передразнивает, и не смог сдержать улыбку. Старик странно посмотрел на него.

— ...А ты приходи и послушай, может, что и узнаешь полезное, — прозвучал рядом тихий, но четкий голос.

— Тьфу, и впрямь ведьма! — сплюнул Рамазан вслед мелькнувшей в толпе Таукоз.

...Молодежь танцевала. Зрители расступились, увидев Ислама. Ведь это в честь его приезда в ауле был устроен праздник. Круг моментально освободился, и все стали хлопать в ладоши, смотря на юношу. Ислам смутился, но Магомет подтолкнул его вперед. Ислам остановился, хлопки стали еще сильнее, музыка звонче, друзья подзадоривали его — «Харс, харс!»¹

Ислам вскинул руки, и сразу на площади стало спокойней. Молодежь ждала: кого же пригласит Ислам?

А он шел по кругу, ни на кого не глядя, потом неожиданно остановился около одной девушки, склонил перед ней голову. Та помедлила секунду, потом плавно вышла вперед и пошла впереди него, мелко перебирая

¹ Харс — призыв, которым подзадоривают танцующих.

ногами. Движения ее ног не были заметны — ни единой складочки не шевельнулось на платье.

— Как красиво она танцует! — вздохнул кто-то.

Девушка двигалась, опустив глаза, но чутко воспринимала малейшее движение партнера, словно бы ускользала от него.

Люди на площади тихо переговаривались.

— Да, кровь Дудовых чувствуется в ней. Красивая девушка.

— А могла бы быть неплохая пара. Я хорошо знаю ее отца Мырзакула, настоящий мусульманин, — тихо говорил эфенди стоящему рядом с ним мужчине.

У него мелькнула мысль, которую он хотел высказать кое-кому. Поэтому он стал незаметно выходить из круга.

— Куда же ты, Рамазан-эфенди? Неблагодарно поступаешь, уходишь, а я петь сегодня буду! — раздался звонкий голос Таукоз.

Рамазан-эфенди зло блеснул на нее глазами, он не любил встречать ее. То ли случайно выходило, то ли на самом деле Таукоз — ведьма, но встречи с этой горянкой всегда приносили ему неудачу.

— Ты зря так себя ведешь с ним, Таукоз, — сказал Исмаил Акбаев, когда старик отошел от молодежи. — Он очень злопамятный, я боюсь за тебя.

Таукоз посмотрела вслед удаляющемуся Рамазану-эфенди и ничего не ответила. Взгляд ее вновь потеплел, когда она обернулась к Исмаилу.

А Ислам все танцевал. Никто не выходил сменить его — наоборот, юноши подзадоривали, громко хлопая в ладоши:

— Забыл, наверно, наши танцы? Харс! Харс!

— Не отпускать его! Харс! Харс!

По горскому обычаю, долго танцевать с одной де-

вушкой считается неприличным. Когда Ислам перетанцевал со всеми девушками, молодежь, наградив его шумными аплодисментами, отпустила в ряды зрителей. Его сменил Магомет. Он также пригласил выйти в круг первую партнершу Ислама. Молодежь веселилась. А Рамазан-эфенди в это время уже вел беседу с почтенным отцом семейства.

— Ты хорошо подумай, Мырзакул, этот брак был бы нам очень выгоден.

— Я сказал «нет»!

— Но почему?

— Она с ним будет несчастлива. А я отец — я нутром это чувствую.

— Но он производит впечатление спокойного, рассудительного человека. Он еще молод, все впереди.

— Значит, и говорить об этом еще рано. Подождем, пока подрастет.

— Я знаю, вы, Дудовы, не любите Крымшамхаловых, но здесь, может, и примирятся ваши фамилии.

— Я не ищу ни вражды, ни дружбы. Кому надо, тот пусть и ищет, чего ему не хватает. А Крымшамхаловы — они одной идее, одной мечте преданы. Ислам только и занят рисованием. А я хотел бы зятя с мужской профессией. Потом, у них много гяурских привычек, а наши обычаи им не всегда нравятся. Начнет исправлять, свои порядки наводить. В общем, дорогой, не надо спешить в этом деле.

Глава VIII

Вечером молодые люди собрались у Ислама. Они находились здесь уже несколько часов, беседовали между собой.

Ислам смотрел на них, и тихая радость освещала

его лицо. Рядом с ним находился Магомет. С тех пор как Ислам приехал домой, они все время были вместе. Исламу нравились твердость и глубина его суждений, была в нем большая внутренняя сила. Слова Рамазана-эфенди о нем казались злым наветом выживающего из ума старика.

— А вот сидит Байрамуков Ахмат. Их четыре брата, и все учились грамоте. Они здесь хотят открыть школы, даже о женской школе поговаривают. В гости приехали сюда к родственникам. — Магомет, стоя у окна, показывал юношей Исламу.

— Да это же прекрасно! Надо мне с ними ближе познакомиться.

— Это нетрудно. Но женская школа... в наших условиях это нереально.

— Но почему? Надо же когда-то начинать. Слушай, как это здорово! Я знаю, чем буду заниматься здесь.

— Ты пока отдыхай,— Магомет опустил глаза.— Извини, что я говорю об этом, но твое увлечение живописью здесь мало кто поддержит.

— Почему ты так говоришь? Я вот утром рисовал, и около меня собралось много народу. Им нравилось.

— Но это не нравится Рамазану-эфенди.

Магомет многозначительно посмотрел на друга, а Ислам уже второй раз за день вспомнил старика.

— Он исподтишка ведет всякие разговоры, религию себе на помощь берет. — Магомет чуть помедлил и продолжал: — Нельзя, мол, рисовать мусульманину людей...

— Но я не могу не рисовать, понимаешь? Это сильнее меня.

— А на днях он сказал Иммолату, что видел его портрет из камня. Тот так испугался. «Я же не умер,

зачем сын Пачи меня заживо хоронит?» — чуть ли не плакал бедняга. Вот такие слухи о тебе ходят. А ты еще о женской школе заговорил...

Ислам рассмеялся.

— Подумай, чем все это может кончиться.

Ислам вопросительно посмотрел на него.

— Они могут все уничтожить, сжечь. Я знаю, у твоего дяди в Баксане тебя понимали, но здесь все смотрят в рот Рамазану-эфенди.

— Ладно, друг, не будем горевать заранее. Пойдем, я сыграю на рояле.

Ислам подошел к инструменту. Помолчал немного, открыл крышку и заиграл...

За окном шел дождь. Казалось, что звуки капель перенеслись в комнату, и здесь, вместе с Исламом, вели свою мелодию, переключаясь с мыслями молодых людей.

— Что это? — к роялю подошел Ахмат Байрамуков вместе с другими юношами.

— Это Моцарт. Красиво, правда? Я, когда слышу его музыку, всегда представляю дождь в горах, шум водопада, радугу, повисшую между вершинами. Очень лирическая, душевная музыка. А вот еще послушайте. — Ислам заговорщически подмигнул. — Узнаете?

— Да это же «Эмина!»¹

Вокруг них собрались молодые люди.

— Знаешь, я могу на сыбызгъы играть, жаль, с собой нет, — смущенно сказал Ахмат.

— У меня есть! — и Ислам быстро вышел из комнаты.

Один из юношей подошел к инструменту и стал по

¹ «Эмина» — «Чума». Известная песня, сложенная Калтуром Семеновым. В XVIII в. во время эпидемии чумы погибло 4/5 населения Карачая и Балкарии.

одной нажимать клавиши. Он нажимал и улыбался, восторг охватывал его.

— Здорово! Дорогая, наверно, штука.

— Он вез инструмент из самого Петербурга, а подарила ему рояль русская женщина, мать балкарца, фрейлина при царском дворе, — объяснил Магомет.

Вошел Ислам, он нес свирели, харсы, скрипку, гитару.

— Давайте все вместе.

Юноши зашумели, выбрали себе музыкальные инструменты, на которых умели играть.

— Давайте! Начали,— и Ислам ударил по клавишам.

Из дома Ислама долго слышалась музыка. Она то прерывалась, то вновь возобновлялась. Теперь играл уже целый оркестр. Люди, заслышав мелодию, оставляли работу и слушали волшебные, чарующие звуки.

На следующий день юноши вновь собрались у Ислама. Все они умели читать и писать, и в этом отношении имели большое преимущество перед своими соплеменниками. Но, сознавая, что образованность одного человека — это богатство только одного, они потянулись друг к другу, чувствовали необходимость поделиться знаниями с другими. Собралась группа единомышленников, которые решили посвятить свою жизнь просвещению народа. Идейным вдохновителем этого кружка стал Ислам.

— На земле что должно быть? — спрашивал он, и сам же себе отвечал: — На земле должен быть мир, должно быть братство, должна быть любовь, должен быть интерес друг к другу. Я убежден, что люди не должны блуждать в потемках, их путь может озарить только свет знаний. Наша цель — сделать грамотными все население гор!

— Это уж слишком. Надо постепенно, — вставил рассудительный Магомет.

— Наш народ уговаривать долго не надо — стремление к учебе, к знаниям огромное! — не слушал его Ислам. — Учкуланская школа не может вместить всех желающих. Я узнавал: новые школы открываются здесь с трудом, и причина не в нежелании горцев, а в нехватке специалистов, людей, знающих наш язык, мало книг, учебников на родном языке. Представьте такое время: в школах в горах преподают наши земляки, издаются учебники на родном языке!

— Это уже из области сказок, — опять перебил Магомет. — Никогда царь этого не допустит. А ты: учителя, учебники!

— Царь тоже не вечный, — остановил его Ахмат. — Продолжай, Ислам.

— Надо собрать всех, объяснить, что просвещение необходимо, что надо знать азбуку своего народа — его историю, культуру, обычаи, нравы, ремесла, фольклор. Без грамоты это невозможно.

— И что же ты предлагаешь? — перебил Магомет.

— Я предлагаю всем нам, — а нас, грамотных, вместе со старшими, наберется человек 15—20, — разработать план, как ликвидировать безграмотность. Подумайте, один Рамазан-эфенди успевает за день побывать во многих домах. Он пугает людей, что русские учителя будут учить плохому, отучать от веры. А нас сколько? Надо быть решительнее и активнее. Стремление к знаниям, совершенствованию — в крови у горцев!

— А на каком языке учить? На нашем или русском?

— Что за вопрос? Конечно, на нашем, родном языке.

— И куда он дальше пойдет с «нашим»? — передразнил Ахмата Магомет.

— Ты интересный человек! Сначала надо знать свой язык, свою грамоту. Сперва фундамент поставим, потом — кровлю. Знаешь, как трудно нашим детям. Русские учителя их не понимают, а дети не понимают учителей. Правда, сейчас есть учителя, которые изучают наш язык, в их классах и успеваемость лучше.

— Да я все понимаю не хуже тебя, но...

— Что «но», что «но»? Скажи ему, Ислам!

— Я думаю, Ахмат прав. Сначала надо знать язык матери — родной язык, а потом уже изучать братские языки — русский и другие. Понимаешь, без родного языка — нет нации. Так что надо действовать, как говорит Ахмат. Давайте соберемся в следующий раз и наметим уже какую-то программу, пусть небольшую.

— Я это организую, — сказал Ахмат.

Потом друзья заговорили о фольклоре, о том, что надо собирать сокровища нартского эпоса.

— Это большое богатство, — горячо говорил Ахмат. — Как много сказаний знает Таукоз. А послушайте, как говорит мой отец. Клянусь, я бросаю работу и смотрю ему в рот. Так красиво!

— Ну, отца — ты сам записывай, а за Таукоз не волнуйся, у нее верный секретарь — юный Акбаев, — рассмеялся Магомет.

— А ты зря смеешься над парнем. Он очень добр и умен, он мудр. Мы когда-то еще, может, помудреем, а он уже мудр, понимаешь, о чем я говорю? Он святой юноша, и смеяться не надо над ним.

— Кстати, где они сейчас? — спросил Ислам, что-то рисуя в блокноте.

— Он в Верхней Теберде, а Таукоз у себя дома — в Балкарнии.

— Я завтра еду в Урусбиево, — предупредил Ислам друзей, — проведу дядю, братьям отвезу кой-какие

книги, а остальные, что привез, сдам в школу, пусть создастся библиотека для детей Карт-Джурта.

— И у меня есть что отнести для школы, — вставил Ахмат.

— Это безрассудство, Ислам. Кто их сейчас сможет прочесть? Лучше ты пока собирай их дома, потом откроем библиотеку.

— Все, закончил! — Ислам отвел руку и поднял голову.

— А ну, покажи, — Магомет подошел к нему. — Похоже. Молодец.

— Нравится? Возьми себе.

— Вот спасибо, — Магомет осторожно взял в руки свой портрет. — А это кто? Узнал. А красивый ты, оказывается, Ахмат.

Ахмат смутился.

— Ну, ты скажешь, это Ислам меня видит таким.

— А это, это? Да никак, эфенди? Смелый ты, Ислам. Уж его-то, будь я на твоём месте, ни за что не стал бы рисовать. Это же наш враг!

— Он меня привлекает не в качестве врага, а как натура. У него очень характерное лицо, ты заметил?

— Да, что у него паршивый характер, я заметил давно, ещё до твоего приезда. А сосны, смотри, какая красивая поляна, Ахмат!

— Если нравится, бери.

Ислам протянул рисунок Магомету. Тот со смущённым видом бережно прижал их к груди, поблагодарил.

...Отношения между Магометом и его отцом были сдержанными и строгими. Магомету казалось, что отец хочет поговорить с ним, но как-то так получалось, что вдвоём они не могли остаться.

Дома Магомет снова стал рассматривать подаренные ему рисунки Ислама, когда увидел, что во двор

зашел отец: «Значит, скажет сегодня», — мелькнула в голове юноши мысль. Магомет собрал рисунки и встал в ожидании отца.

— Ты один?

— Да, отец.

Отец грузно опустился на скамью.

— Чем занимаешься?

Магомет неопределенно пожал плечами.

— Что это? — Отец кивнул в сторону бумаг, а затем не спеша протянул руку за ними.

— Ты рисуешь? — строго посмотрел он на сына и задержал рисунки в руке.

— Нет, это Ислам.

— Исламу можно, — усмехнулся отец и стал внимательно рассматривать рисунки. Лицо его все время менялось, но выражение удивленного одобрения не покинуло его. — Да, да, а ведь молодец он, друг-то твой. Молодец. Но... не положено, — быстро и категорично закончил он и отложил рисунки в сторону. — Ты не держи их здесь или спрячь, чтобы, не дай аллах, их кто-нибудь не увидел. Ты понял меня?

Магомет подвинул рисунки к себе. Отец внимательно смотрел на него.

Скрипнула калитка. Во двор осторожно входил Рамазан-эфенди.

— Ты можешь идти, — сказал отец, продолжая пристально глядеть на сына.

Магомет чувствовал его взгляд, пока не закрыл за собой дверь в комнату.

Послышались легкие шаги где-то рядом.

— Ну, что? Говори, — вдруг услышал Магомет.

Окно было открыто, и он мог все слышать. Выходить было поздно, а отец, судя по всему, забыл о нем...

Эфенди приходился им дальним родственником, ха-

рактера он был скверного, и в ауле его не любили, но когда нужно было узнать какую-либо новость, которую самим узнать было как-то неудобно или невозможно, нередко обращались к его помощи. И тот никогда не отказывался, он говорил: «Люблю плохим людям оказывать услугу. Когда мы поссоримся — пусть вспоминают о моем великодушии». Говорил и ехидно посмеивался, и люди молчали, так как впереди их ждали другие слова, за которыми они посылали его. Три года назад он ходил в Мекку и стал называть себя хаджи — святым. Сначала аульчане подтрунивали над ним, но постепенно свыклись, а потом стали даже бояться его.

— Они сказали, что у их лошади уже есть уздечка, — слышался голос эфенди.

Отец молчал.

«Неужели отец посылал его к Дудовым? — сжалось сердце Магомета. — Этого злого лицемера, да Дудовы его за человека не считают. Неужели никого не нашлось больше?»

— Я видел, как они танцевали, — снова заговорил Рамазан, — отличная была бы пара. Да и тебе породниться с ними, — большая честь, у них много земли, скота.

— Они это сказали?

— Я так понял...

Опять была томительная пауза.

— А что тут сомневаться! Разве мой Магомет плох? Красив, грамотен, смел, что им еще надо? И земли у нас не меньше, почему? — произнес отец.

— Уж будто не знаешь?

— Что, говори!

— Твой сын дружит с Исламом Крымшамхаловым. И им это не нравится. Они хотят отдать дочь за насто-

ящего мусульманина, а Крымшамхаловы все из России возвращаются гяурами.

— Ислам благородный юноша.

— Ну, цену его благородства вы скоро узнаете.

— Поговорим о Магомете. Его судьба волнует меня. Что скрывать, я не ждал отказа.

— Мой тебе совет — не позволяй ему дружить с сыном Пачи.

— И чего ты взъелся на него, уж не за те ли рисунки его? — послышался насмешливый голос отца.

— Как, и ты их видел? Почему ты не уничтожил их, а смотрел?! Гяуры все кругом, одни гяуры! Ну ладно, я еще раз схожу к Дудовым, если... — Рамазан долго молчал, и Магомет подумал, что не расслышал его слов. — Я поговорю с Дудовыми, если ты узнаешь, где находится кош этой проклятой девки и ее телохранителей, — вдруг донеслось до Магомета.

Эфенди ушел. Стукнула калитка.

Отец молчал. Магомет боялся шелохнуться. А отец еще долго сидел на террасе.

Глава IX

Когда Ислам приехал в Урусбиево, его встретил младший сын дяди — Науруз. Самого Исмаила не было дома. Он со своими гостями был где-то на пути к Эльбрусу. Науруз рассказал о гостях. Среди них были композитор, историки, военные. Ислам пожалел, что не застал их. Особенно хотелось увидеть композитора Танеева, с которым он познакомился в Петербурге. Науруз показал двоюродному брату новые книги и репродукции картин, а потом предложил послушать свою рукопись о народных певцах. Ислам знал об увлечении брата фольклором и радовался его успехам. Когда Науруз

поднял голову от рукописи, он встретил недовольный взгляд Ислама.

— Зачем ты наших певцов называешь адыгским словом «гегуако», ведь у нас есть свое карачаевское слово, Науруз.

— Так захотел редактор, говорит, всех горских певцов они решили назвать одним словом. Кабарда больше известна.

— Тебе надо было отстоять свое, это очень важно...

— Но я уже подписал и отправил статью в редакцию в Тифлис.

— И зря, ты поспешил. Если хочешь заниматься наукой, надо быть очень точным, чтобы не навредить ни потомкам, ни истории.

— Но ведь всего одно слово.

— Именно это слово все и меняет. Ты этим словом отодвигаешь знакомство с нами, с карачаевцами, на несколько лет, а может быть, и десятилетий.

— А я думал, ты будешь очень рад.

— Я рад, но...

— Не я же это начал и не я виноват, что в литературе нас называют «татары», «черкесы».

— Правильно, не ты начал, но ты и не протестуешь против этой несправедливости, ты ее распространяешь. Ты же видишь, что делает царское правительство с малыми народами — унижает, уничтожает все самое ценное. Знаешь, что сказал мне и Кодзокову¹ в разговоре Петрусевич²? «У малых народов очень развито чувство

¹ Л. М. Кодзоков — адыгский просветитель.

² Н. Г. Петрусевич — капитан, пристав Карачая. В его бытность в Карачае было совершенно много прогрессивных мероприятий — построены школы, мосты, больницы, дороги. Высокообразованный, гуманный деятель. В совершенстве владел карачаево-балкарским языком. Погиб в Туркестане. Благодарные горцы привезли его прах в ст. Баталпашинскую, где и похоронили.

национального достоинства. Их легко обидеть, так как они ущемлены во многих правах, они очень ранимы, когда затрагивают их национальную гордость. Храните свою самобытность, насыщайте все просвещением...» А ведь он тоже русский, но честный и благородный.

То, что ты делаешь, Науруз, очень важно, но не забывай о будущем, о тех, кто тебя будет читать и писать новые страницы истории. Надо им оставить наследство. Чистое, незапятнанное.

Братья услышали цокот копыт и вышли во двор.

— Кажется, вернулись. И отец с ними, — удивился Науруз.

Юноши вышли навстречу гостям. Танеев и Ислам обнялись. Исмаил давно не видел племянника, но, пожимая руку ему последним, внешне ничем не выдал своей радости. Гости же были возбуждены: «Поразительно, восхитительно!» — то и дело восклицали они, переполненные впечатлениями от поездки.

— Радуйтесь, молодежь. Наши гости пробудут у нас, пока не установится погода, — сказал Исмаил Урусбиев.

Юноши весело заулыбались.

— Для нас тоже большое удовольствие побыть в вашем обществе, — произнес Танеев.

...Вечером в купачьей собралось много народу. Люди все приходили и приходили. Человек сорок слушали игру Исмаила Урусбиева на кьыл кобузе.

— Теперь, когда вспомню Эльбрус, всегда буду слышать эту музыку, — задумчиво сказал Иванюков.

— Я переполнен эмоциями! — воскликнул Ковалевский. — Перед глазами так и стоит Эльбрус во всем его величии и великолепии. Чем ближе подходишь к этому гиганту, тем сильнее он захватывает. Кажется,

будто он живое существо и видит тебя насквозь. Как ни изумительно здесь все на Кавказе, а Эльбрус просто потрясает. Он приковывает к себе взор, вызывает благоговение и трепет души, как-то фантастически настраивает воображение. Что Швейцария? Далеко ей до Эльбруса!

Танеев и Ислам чуть в сторонке беседовали о другом.

— Князь, прошу вас, еще раз расскажите о карачаевских свадебных песнях. И напомните мне, пожалуйста, название вашего танца, — попросил Танеев.

— Какой танец вы имеете в виду?

— Так он же у вас единственный мужской танец... Ваш дядя говорил...

Ислам улыбнулся.

— Вы неправильно поняли. Танцев мужских у нас много. Речь идет о том, что все наши мужские танцы исполняются на согнутых носках — эта манера единственная, она так и называется «аяк бюкген тепсеу». Пожалуйста, не забудьте. Кстати, на согнутых пальцах в Европе танцуют только в балете. Интересно, да? И богиня танца — Терпсихора — очень напоминает наше слово «тепсеу» — танец. Не правда ли, интересно?

— На свете много совпадений, но ваши догадки не лишены интереса и смысла, — ответил Танеев.

К их разговору прислушивались незаметно подошедшие Исмаил и Ковалевский.

— Здесь нет ничего случайного, — включился в беседу хозяин дома. — Похожие танцы, песни, сказания характерны для многих кавказцев и даже далеко от Кавказа для народов, говорящих на тюркском наречии. А вот кто у кого и что позаимствовал — это сложный и тонкий вопрос. И ответят на него люди, наполненные знаниями культур многих народов. Надо анализировать, сопоставлять...

— А вы сами что думаете обо всех этих влияниях? — осторожно спросил его Ковалевский.

— Я сторонник мысли о значительном тюркском влиянии на мировую культуру вообще, — убежденно произнес Урусбиев. — Не отрицаю, конечно, роли других культур, это естественно. Все взаимосвязано.

— Да, мы заметили много общего в культуре осетин и карачаевцев, — подтвердил Ковалевский.

— У карачаевцев и балкарцев много схожих обычаев с осетинами, которые являются нашими ближайшими соседями, с абхазцами, сванами. Мы поддерживаем с ними отношения, у меня есть братья и побратимы в этих землях. Наших девушек охотно берут в жены и грузины, и осетины, и абхазцы, — говорил Исмаил.

— Да, я еще раз убеждаюсь, что историю народа должен писать непосредственный его представитель. Ведь столько нюансов, тонкостей... Все надо глубоко знать... — сказал Ковалевский.

— Что интересно, господа, и музыка у кавказцев своеобразная. Признаться, в первые дни я думал, что князь неверно исполняет мелодии, потому что звуку, производимому вами, я не мог найти точного изображения на нотном стане. Но вот прошло четыре дня, и я убедился, что это особенность горской музыки. Обязательно отмечу это в своей статье, — произнес Танеев.

— Да, да, — вспомнил Урусбиев, — когда-то давно к нам в горы приезжал русский композитор с интересным именем — Милий. Я много исполнял ему мелодий, песен. Вozил по аулам. Он тоже очень удивлялся своеобразию нашей музыки. А потом, много лет спустя, я в Петербурге слушал его концерт. В одном произведении звучали наши горские мотивы.

— Речь идет о знаменитой фантазии «Исламей», го-

спода. Жаль, нет под рукой инструмента, я бы сыграл! — искренне расстроился Танеев и встал.

— Сейчас! — и Исмаил Урусбиев заиграл на своей скрипке быструю, зажигательную мелодию.

Танеев подошел к нему и стал увлеченно отбивать ритм, прищелкивая пальцами, притопывая ногами.

— Эта? — закончив играть, спросил, улыбаясь, Исмаил.

— Да, да. Только у Милия Алексеевича Балакирева немного по-другому, но все равно красиво и очень родственно! Вы знаете, теперь проходят даже конкурсы на лучшее исполнение «Исламей».

— У татар, я слышал, есть нечто похожее на наш «Эстемей»¹, — сказал Урусбиев.

— Вот, господа, что я вам скажу, — промолвил, возвращаясь на свое место, Танеев. — Музыкальный язык каждого народа — это особый язык, который зачастую что-то теряет при «переводе». В то же время музыка любого народа обогащается влиянием других музыкальных культур. Это процесс взаимный...

...Утром следующего дня выглянуло солнце. Вновь сверкали и искрились белоснежные склоны гор. Воздух был свеж и бодрящ.

Гости спешили, быстро собрались в дорогу. Прощание было теплым, дружеским. Танеев, пожимая руку Исламу, сказал:

— Я теперь понимаю, почему вы рвались из Петербурга домой. Балакирев как-то говорил мне при встрече, что у вас он более свободен душой, чем дома.

Когда выехали со двора, то встретились с двумя всадниками. Исмаил Урусбиев приблизился к ним, приветствовал гостей.

¹ «Эстемей» — «Эсламей» — название танца, дословно — «Не замечая».

— Как жаль, что вы не приехали раньше. У нас была такая душевная компания, — сказал он художнику Алехину¹ и адыгскому просветителю Кодзокову. — Я провожу гостей до перевала и скоро вернусь. А с вами побудут мои сыновья и племянник Ислам.

— Чудесно! Беседовать с Исламом одно удовольствие, — оживился Кодзоков. — Мы с нетерпением будем ждать вас.

Глава X

Над обрывом сидела девушка. Ислам узнал ее и спешился.

— Что грустишь, Таукоз?

— Я не грущу, я слушаю, — не испугалась она. И это удивило Ислама. — Когда кругом тишина, такой покой окутывает душу, что хочется вот так сидеть до бесконечности. Садись, послушаем.

Ислам опустилсЯ на землю рядом с ней.

— Знаешь, как мне поется здесь! Вот так прихожу одна, поднимаюсь куда-нибудь высоко-высоко в горы, закрываю глаза и вижу себя летящей над вершинами. О красоте пою! Все прекрасно на этой земле: и люди, и деревья, и птицы. И даже вот этот муравьишка. Кстати, ты знаешь, о чем он думает? Мы, люди, считаем себя самыми совершенными, а не знаем, о чем думает маленький муравей. — Таукоз усмехнулась и надолго замолчала, прикрыв глаза. — Я припадаю ухом к земле и слышу ее разговор, обнимаю деревья и слышу их беседу... Знаешь, а ведь мне очень трудно жить...

Слезы выступили у нее на глазах. Девушка встала, провела ладонью по лицу.

¹ Алехин М. В. — русский художник, жил в Нальчике, вел переписку с Л. Н. Толстым.

— Сегодня высота во мне не поет, а плачет, — сказала она тихо и печально.

«Какая красивая ладонь, ей бы покониться на детской головке, гладить кудряшки», — думал Ислам, а вслух сказал:

— Я еду домой, увидел тебя, решил подойти.

— И правильно сделал. Можно, я с тобой поеду, что-то не хочется мне сегодня здесь оставаться?

Она легко встала, прошла за дерево и вышла оттуда, ведя за узду лошадь, вскочила в седло. Ислам сделал то же самое. Он подождал, чтобы пропустить Таукоз вперед. Но она медлила.

— Я не люблю, когда едут позади меня, — сказала девушка задумчиво, но все же проехала вперед.

Ислам направился следом. Они ехали и молчали. Неизвестно почему, но у Ислама появилось желание оглянуться назад.

— Не поворачивайся! — Вдруг предупредила его желание Таукоз, находящаяся впереди. — Сейчас мы пройдем через туман, а вон с той вершины посмотрим, кого оставили позади, — закончила она медленно.

Ислам все же не послушался и оглянулся, но ничего и никого не заметил. Тихо трепстали листочки, одинокая тропинка уходила внутрь леса. Он повернулся, ожидая увидеть спину девушки, но увидел ее горячие, огромные глаза.

— Я в лесу очень хорошо слышу и вижу отлично, — сказала она строго.

— У тебя глаза на спине что ли?

— Нет, это твои глаза на моей спине. Когда тымотришь в мою сторону, я чувствую.

— А как?

— Не знаю. Чувствую и все.

Они поднялись над туманом. Теперь он седыми космами плавал внизу, в глубине ущелья.

— А теперь смотри, как вовремя мы ушли, — Таукоз показала рукой вниз.

Несколько всадников лихорадочно кружились по поляне, оставленной ими.

— Опоздали, оборотни! — Таукоз облегченно засмеялась. — Ну вот и все. Поехали.

И Ислам вновь увидел в ее глазах насмешливый огонек. Какое-то время ехали молча.

— Ты знаешь, где кош¹ Исмаила Акбаева? — спросила Таукоз. — Тут не очень далеко. Поедем со мной, не пожалеешь.

Она стала выводить лошадь на старую тропку, следы которой с трудом угадывались между корней и высокой травы. Но Таукоз правила уверенно. Ислам следовал за ней.

— Я часто бываю там. Никто не мешает. Если кто и приходит туда, то только такой человек, появление которого радует.

Стало темнеть, постепенно все погружалось во мрак. Только снежные вершины все так же белели в ночи, отчетливо проступая на черном небе. Одна за другой загорались звезды. Становилось свежо. В тишине был слышен лишь глухой стук лошадиных копыт. Всадники молчали.

Вокруг по-прежнему был густой лес. В темноте тропинка стала уже совсем неразличимой. Но Таукоз вдруг сказала:

— Вот мы и приехали.

Навстречу им из темноты с лаем выскочил большой волкодав.

¹ Кош — стан горских крестьян.

— Пошел, Бойнак! — прикрикнула на собаку девушка.

Узнав голос Таукоз, пес опустил голову и пошел впереди, добродушно урча.

— А почему ты молчал всю дорогу? — обратилась девушка к Исламу.

— В дороге я обычно молчу.

— И я тоже. Разговор мне мешает слышать окружающее.

Их уже ждали.

— Здравствуй, Таукоз. Здравствуй, Ислам.

Ислам ощутил твердое пожатие руки.

— Проходите. У мусульман пятница считается богатым днем. Так и у меня сегодня, дорогие гости, — звучал в темноте уверенный и спокойный голос Исмаила Акбаева. Он остановился у дверного проема, пропуская прибывших.

— Кто здесь еще есть, кроме нас, ночные птицы? — сказала Таукоз, нагибая голову и проходя внутрь коша.

— Проходи, проходи, Ислам.

Исламу показалось, что Исмаил улыбнулся.

Ислам различил в темноте две мужские фигуры. Он подошел поближе и протянул руку мужчине, что стоял ближе к нему.

— Добрый вечер, — сказал мужчина на чистом русском языке.

— Инженер Кондратьев, — представил его Исмаил.

— Ислам Крымшамхалов, — поклонился Ислам.

— Я очень рад встрече с вами.

— Я тоже очень рад встрече с тобой, Ислам, — кто-то тронул его за плечо.

— Аппа! Какой ты молодец, ты как угадал, что мы приедем?

Друзья шумно рассаживались. В центре, у очага, находился Кондратьев.

— Вы еще хорошо не знакомы, но я уверен, что по-дружитесь, — глядя попеременно на Ислама и Кондратьева, проговорил Аппа. — Когда я ехал сюда, начинало темнеть. Вдруг увидел мужчину, сидящего на тропе. Заблудился, говорит.

— Мне повезло, что вы все говорите на русском языке.

— А мои друзья знают и арабский, и черкесский, и осетинский, а Ислам еще — французский и английский, — радостно сообщил Аппа.

— Давай, Исмаил, я вам что-нибудь приготовлю на ужин, — тихо сказала Таукоз.

— Давай! — обрадовался юноша. — Я так люблю смотреть на тебя, когда ты занимаешься хозяйством. У тебя такое серьезное лицо бывает, — говорил Исмаил, доставая с полок чашки, сушеное мясо, лук, чеснок.

— Как хорошо в том доме, где есть женщина, сразу становится уютно, — сказал Кондратьев, отводя взгляд от девушки и Исмаила, склонившихся над столом. — Завтра на рудник приезжает моя жена.

— Встретим, обязательно встретим, — уверенно пообещал Аппа.

— А вы не женаты? — Кондратьев посмотрел на обоих.

Ислам отрицательно покачал головой. Аппа вообще ничего не ответил и взглянул на Таукоз.

— А почему? — Кондратьев посмотрел также в сторону Таукоз.

Аппа медленно поднял глаза на Кондратьева, посмотрел на него долгим печальным взглядом и промолчал.

— Простите.

— А как вы находите рудник, есть ли какая-нибудь перспектива для расширения строительства? — спросил Ислам.

— О да, несомненно. Здесь богатые залежи серебра, свинца, и при бережной эксплуатации доход составит миллионы в год. Здесь уже побывали многие инженеры, ученые, как русские, так и иностранные, находят это месторождение очень перспективным. Я сам обнаружил несколько сортов серебряной руды, о чем думаю дать статью в кавказские газеты.

— Это очень интересно, — произнес Ислам.

— А знаете, кто первый обнаружил там серебро? — спросил Аппа и показал на Ислама. — Вот он. Пас овец и принес в аул блестящий камень. Кто-то догадался послать находку в Ставрополь. Мы даже звали меж собой то место «Исламовским».

— Не жалеете, что попали сюда? — спросил Ислам у Кондратьева.

— О нет, что вы. Здесь можно остаться па всю жизнь и никогда не пожалеть об этом.

Таукоз и Исмаил вышли из коша.

Юпоша собрал ветки, чиркнул спичкой. Костер задымил, постепенно то в одном, то в другом месте стали прорываться языки пламени. Клубы дыма разносили вокруг запах прелых ветвей.

— Ты ничего не слышишь? — выпрямилась вдруг Таукоз.

Исмаил задержал нож, которым он стругал ветки для вертела и, подняв голову, прислушался.

— Нет, тебе показалось.

Исмаил снова занялся прерванной работой. Таукоз облегченно вздохнула, поддела на палку котел с водой и установила на жердочки.

— Все, неси мясо.

Уже в проеме дверей Исмаил услышал тихий и счастливый голос девушки.

— О, аллах, какой покой!

— А Таукоз где? — спросил Ислам, как только Исмаил вошел.

— У костра. Я пришел за мясом, — ответил Исмаил, беря чашку со стола. — Мы будем готовить тишлик¹.

— Как ты думаешь, Исмаил, где лучше жить, в большом городе или селе?

— Конечно, в горах, — ответил Исмаил, направляясь к выходу.

— А что означает — Таукоз? Необычное имя... У нас женские кончаются на гласные — Мария, Анна, а у вас как-то строго — Фатимат, Сафият, Таукоз...

— Красивое имя Таукоз, — обернулся Исмаил. — Означает — горный орех. Ей очень подходит это имя, — уже выходя, сказал он.

Звезды мерцали на небе. Дрова, подброшенные в огонь, горели ярким пламенем. У костра никого не было. «А где же Таукоз?» — мелькнуло в голове.

Исмаил бросил мясо в воду, отложил в сторону миску, добавил в костер дров. Огонь затрещал, подбрасывая вверх искры. Девушка не появлялась.

— Таукоз! — негромко крикнул он в темноту.

В ответ — ни звука. Исмаил встревожился.

— Таукоз! — крикнул он громко.

Тишина. Ислам вышел из коша.

— Таукоз исчезла, — тревожно произнес Исмаил.

Сердце Ислама испуганно дрогнуло.

— Может, она упала где-нибудь? — сказал подошедший Кондратьев.

— Нет, она хорошо знает все вокруг.

¹ Тишлик — карачаевское, балкарское название шашлыка.

— Их надо догнать. Это они, они! — бросил на ходу Ислам, вскакивая на лошадь.

Аппа и Исмаил побежали к своим лошадям.

— Ты останешься с гостем, Исмаил, мы найдем ее, — быстро сказал Аппа.

— Нет, — категорично ответил юноша и тронул поводья.

— Вы извините, мы сейчас. Посидите пока у костра.

И Аппа бросился догонять Исмаила. Цокот копыт все удалялся. Кондратьев медленно опустился на корточки. «Наверное, не успею встретить Лидию», — подумал он.

...В тишине темного леса раздавалось цоканье копыт лошадей. Послышался голос:

— Он хотел дать мне деньги за то, чтобы прикончить ее. Но я не взял, потому что у нас совпали желания. Не поймешь, кто она: баба, мужик, ведьма? Все портит, все мутит. А поет! Этот бессовестный язык! Когда было, чтобы горянка говорила то, что говорит она?

— Тебе не надо было так близко подносить огонь к лицу.

— А ей какая разница, с каким лицом умереть?

— Это правда... Но зачем же мучить?.. Я боялся, что, оглянувшись, она тебя увидит, да и меня могла бы признать...

— Теперь это не страшно.

— А вдруг там хватятся, станут искать ее?.. Слышишь, стонет!

— Стони, стони... Теперь никто не услышит. Скинем тебя с какого-нибудь откоса, вот и услышим твою лучшую песню.

Раздался громкий смех напарника.

— Перестань хохотать! И так жутко.

— Да мы далеко уже. Ее теленок нас не догонит. А

то и сам попадетсЯ. Люди Рамазана-эфенди знают, как с ним поступить.

— Ты собаку куда дел?

— Там же и оставил.

— Дурак! То подумали бы, что сама со скалы со-
рвалась, а теперь догадаются!

— А! Ладно!

— Давай быстрее кончать. Следуй за мной.

...Аппа и Исмаил не догнали Ислама. Ветви, заде-
ваемые Аппой, больно били по лицу Исмаила, мчавше-
гося за ним, но он ничего не чувствовал. Аппа остано-
вился.

— Ты что-нибудь слышишь, Исмаил?

— Таукоз тоже так спрашивала, — тяжело дыша,
горько сказал Исмаил. — Я ничего не слышу, кроме
храпа коней и нашего дыхания.

— Давай поворачивай обратно. Мы ведь даже не
знаем, где искать... Оставили гостя одного, кто знает,
что там? Ислам и один справится, сделает что надо.

Мужчины развернули коней и поспешили обратно.

— Тебе не кажется, что гарью пахнет?

Аппа ударил коня и понесся вперед. Предчувствуя
недоброе, Исмаил помчался следом.

Издали они увидели большой огонь и одинокий
мужской силуэт. Горел кош. Всадники остановились.
Исмаил прыгнул на землю.

— Что это? — он наклонился и тут же отдернул ру-
ку. — Это Бойнак. Как я сразу не заметил?!

— Их было трое. Двоих я видел только фигуры, а
один направил на меня пистолет и погрозил кулаком.
Что он говорил, я не понял. — Кондратьев, не ожидая
вопросов, сам стал рассказывать.

— А вы узнали бы этого человека?— спросил Ап-

па и, не дожидаясь ответа, произнес с досадой: — Жаль, что нас здесь не было.

— Боюсь, что не смогу узнать его, — сказал инженер. — Вот только выражение глаз запомнил: будто пригвоздить тебя хочет.

— Это как понять? — не понял Исмаил.

— Ну, под его взглядом я просто не мог пошевелиться.

— А я думал, что сюда никто не найдет дороги. Хранил здесь песни Касбота, Таукоз, Калтура, Кязима, сказки и пословицы. Все нес сюда!! — горевал Исмаил.

Пожар затихал. Мужчины сели на землю, смотрели, как падал на землю пепел. Сердце Исмаила сжималось от тревоги за Таукоз.

...Светало. Воздух светлел, стали четче проступать очертания ветвей и стволов деревьев.

Двое всадников тяжело поднимались в гору. У едущего впереди через седло была перекинута девушка. Трудно было определить, кто эти люди.

Таукоз давно пришла в себя, но вида не подавала. Нестерпимо болели лицо, руки, саднило плечо. Там, у коша, неожиданно выросший из темноты человек горячей палкой почти провел по ее глазам. Ей показалось, что сзади еще кто-то стоит. Когда она попыталась оглянуться, крепкая рука больно зажала ей рот. Девушку ударили по голове, и она потеряла сознание. Когда очнулась, сначала ничего не могла понять — земля плыла под нею.

— Буди ее, пусть хоть утро увидит, — услышала она голос, шедший откуда-то сбоку.

— А зачем? Так без хлопот и быстрее.

— Грех, буди. Женщина же.

В ответ хмыкнули. Таукоз почувствовала сильный удар в спину, от боли и унижения она застонала.

— В Коране о них сказано: «и лучшая из них тоже змея». Что, проснулась?!

Ее еще раз ударили.

— Я тебе говорил, не распускай руки... Ты человек или кто?

И голос злой, и прозвучавший в ответ смех тоже был недобрым.

— Я человек, а ты? Ты лучше? Ты рядом со мной здесь, значит, еще хуже, чем я. Понял?

Таукоз стащили с лошади и пытались поставить на ноги. Но девушка была слаба и упала на землю. Человек спрыгнул с лошади и потащил ее к обрыву. Таукоз смотрела на него и молчала.

— Закрой глаза, закрой глаза, тебе говорят! — и ударил ее по лицу.

Дикая боль, казалось, пронзила все тело девушки. Голова снова закружилась.

— Помогите, что ли! — он зло оглянулся назад и от неожиданности выпустил Таукоз на землю.

Прямо на него летел всадник. Быстро, куда-то вбок, исчезал его напарник с криком: «Атлы, Атлы!»¹ Имя это подкинуло мужчину вверх, но девушка неожиданно проворно схватила его за ногу.

— Змея, змея!.. — вырывался он, но Таукоз держала его крепко.

Ислам на ходу спрыгнул с лошади и оказался рядом с Таукоз.

— Отпусти его, Таукоз.

Девушка смотрела на него и ничего не говорила.

— Отпусти, — стараясь говорить спокойно, попросил ее Ислам.

Таукоз продолжала смотреть на него. Глаза наполнились слезами, которые неудержимо потекли по ще-

¹ Атлы — всадник. Так звали Ислама близкие, односельчане.

кам. Ислам подошел, вынул нож и полоснул по штанине.

— А-а-а! — раздался короткий мужской вскрик.

Таукоз не могла разжать пальцы. Она держала их скрюченными, с зажатым куском штанины и плакала. Лицо, фигура были неподвижны, а слезы все лились и лились.

— Ты... уходи! — бросил в сторону мужчины Ислам. — Быстро уходи.

Он поднял Таукоз на руки и пошел вниз по тропинке. Лошадь следовала за ними.

— Остановись, — вскоре попросила слабым голосом Таукоз. — Остановись...

Ислам осторожно опустил Таукоз на траву.

— Помоги мне сесть на коня, — сказала девушка. — Думаю, что смогу держаться в седле...

— Но ты очень слаба, — возразил Ислам.

— Не нести же меня на руках. Еще далеко...

При помощи Ислама Таукоз села на лошадь. Ислам взялся за повод, пошел впереди. Изредка девушка слабым голосом подсказывала дорогу.

Так и добрались они до сгоревшего коша. Исмаил, Аппа, Кондратьев бросились им навстречу. Уложили Таукоз в наспех приготовленную постель.

— За что такая жестокость? — недоуменно спросил Кондратьев.

— Долго рассказывать, дорогой, — ответил Ислам. — Таукоз — прекрасная вольная птица, а ее враги — подлые шакалы...

— Везде, всюду одно и то же. Сильный преследует слабого, богатый обирает бедного, невежество пытается уничтожить талант, — печально произнес Кондратьев.

Он вздохнул и подбросил ветки в огонь. Затрещали

сучья, пламя сильнее осветило лица сидевших у костра.

— Мне совсем не хочется спускаться в аул. Как я теперь смогу смотреть в глаза людям? — грустно сказал Исмаил.

— Нет, мы обязательно спустимся. Я приведу доктора, говорят, на руднике он есть. — Ислам обернулся к Кондратьеву.

— Да, есть, давайте спустимся все вместе.

— Я пойду, посмотрю, как там Таукоз, сменю Аппу. — Исмаил поднялся и скрылся за деревьями.

— Вы знаете, я немного понимаю в медицине, может, смогу помочь? — предложил свои услуги Кондратьев.

— Хорошо. Ей надо подлечиться. Потом я, наверно, отправлю ее к своим родственникам в Тифлис или Сванетию. Пусть отдохнет.

— Да, это очень большое нравственное потрясение. Ей необходим покой, я полностью согласен с вами.

— Как они могли обнаружить кош? Все сгорело. Мы как-то разговаривали с Исмаилом, и я собрался отвезти рукописи в Тифлис в редакцию журнала «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». А теперь поеду совсем по другой причине, — грустно проговорил Ислам.

— Таукоз жива, это главное. Ее надо беречь.

— Она девушка удивительной чистоты, твердого характера и большого таланта. Мы с ней дальние родственники. Несколько лет назад она ушла из дому...

— А почему она не замужем?

Ислам пожал плечами и посмотрел в сторону леса, откуда к ним направлялся Аппа.

— Ну, что? — спросил Ислам.

— Спит. Теперь Исмаил около нее.

Аппа опустился на корточки. Потом поднялся, до-

стал из кармана несколько небольших листов бумаги и протянул их Исламу.

— Вот, на днях Исмаил записал стихи Таукоз.

Ислам придвинулся к костру.

— Так жену вашу мы и не встретили, — Аппа обернулся к Кондратьеву.

— Ничего, ничего, она у меня умница и женщина самостоятельная. Я, может, тоже пойду к Таукоз?

Ислам оторвал глаза от бумаги и хотел встать.

— Ради бога, я прошу вас, не беспокойтесь, — запротестовал Кондратьев.

Отсветы огня плясали на оборотной стороне бумаги. Ислам стал читать.

Я в любви без восторга жила —
Шелестела листва над полями.
Я в любви без восторга жила —
Пролетали года за годами.
...И в объятиях одиночества
Провожу я ночи и дни.
От тебя детей мне хочется,
А рождаются стихи.

* * *

О, любовь, что не разделена,
Сколько поэтов ты создала!..
Обо всем и обо всех
Говорим мы бесконечно.
Но любимых имена
Недотроги — вечно.

* * *

Словно всадника из седла,
Сбил ты пульей любви меня.

* * *

Мой плач звенит на ветру,
Где тебя я найду?..

— Ты читал? — спросил Ислам, внимательно глядя на Аппу.

— Я слышал, — Аппа не сразу поднял глаза.

Некоторое время они изучающе смотрели друг на друга.

— Не падо, Ислам... Я не принесу ей счастья, — тихо произнес Аппа.

Он опустил голову и подкинул дрова в огонь.

— Помнишь, когда-то мы сидели вот так у огня. И появилась Таукоз, — задумчиво проговорил Ислам...

* * *

Ислам уговорил Таукоз поехать в Тифлис и пожить там некоторое время в семье его двоюродного брата. Приближалась зима, и находиться в горах было бы безрассудством, а идти к своим родственникам девушка отказалась.

Ожоги на лице Таукоз прошли бесследно, но в глазах появилась какая-то горечь, как-то угас ее девичий задор. Такая Таукоз наверное не могла бы сказать, что она видит себя летящей над горами. Ислам боялся, что это состояние может не пройти и, посоветовавшись с друзьями, уговорил ее на поездку.

И вот они во Владикавказе. На железнодорожном вокзале Таукоз сидела суровая, от всего отрешенная. Все время молчала.

— Хочешь, пойдем погуляем? У нас еще есть время, — осторожно спросил ее Ислам.

— Мне не хочется, — тускло ответила Таукоз.

— Тогда походи одна, выйди на свежий воздух. Здесь так душно, — настоял Ислам.

Таукоз нехотя встала и пошла к дверям.

Она шла мимо людей, никого не замечая, углубившись в свои мысли. Обходила чемоданы, баулы, узлы.

Издавека увидела мальчишку, тот продавал воду. Добежав до Таукоз, он протянул кружку, Таукоз отрицательно покачала головой, но протянула мальчишке монету.

— Таукоз! Таукоз! — услышала вдруг мужской голос.

Она повернулась на зов и растерялась. Перед ней стоял Аппа.

— Таукоз, — Аппа шагнул к ней.

Однако девушка, неожиданно отвернувшись, почти побежала, быстро смешалась с толпой людей.

Аппа увидел вдали ее белый платок. Ринулся догонять. Но Таукоз исчезла...

Аппа стоял посреди движущихся людей и ничего не понимал. Он долго стоял так.

Тронулся поезд, поплыл мимо перрона. И вдруг в окне вагона увидел Таукоз. Глаза ее были так печальны, что сердце Аппы сжалось от боли.

Подожел Ислам. Положил руку на плечо Аппы.

— Она вернется, дорогой, — сказал просто, как бы продолжая разговор. — Мы еще услышим ее песни...

Глава XI

Вернувшись в Карт-Джурт, Ислам устроился служащим в контору рудника «Эльбрус». День ото дня крепла его дружба с Анатолием Дмитриевичем Кондратьевым. Это был не только горный инженер, знаток своего дела, но и образованный, прогрессивно мыслящий человек. Кондратьев изучил язык горцев, близко к сердцу принимал их беды, старался помочь в трудное время.

Ислам и Кондратьев часто подолгу беседовали, совершали прогулки. Ислам знал немало живописных

уголков в горах, с любовью рассказывал о природе родного края. Иногда он увлекался и пересказывал своему русскому другу красивые, поэтичные сказания и легенды из нартского эпоса.

Как и прежде, в Карачай нередко приезжали писатели, музыканты, туристы, желающие познакомиться с красотами Кавказа. Особенно привлекали эти места художников.

Ислам получил известие, что в скором времени к нему в гости придет известный русский художник Николай Александрович Ярошенко с друзьями. Ислам очень радовался предстоящей встрече.

...Медленно тащились лошади, на телегах были навьючены мольберты, чемоданы. Солнце палило, сковывая все ленью. Мужчины, сидящие на арбе, а это были художники, изредка переговаривались между собой.

— Это удивительный человек, — рассказывал Ярошенко своему спутнику. — Владеет несколькими языками, читает классиков в подлиннике, музицирует, рисует, пишет. Он мог сделать в Петербурге блестящую карьеру, но отказался и вернулся на родину, пытается заниматься здесь просвещением народа. Толстой сказал мне как-то, что князь отвечает его представлению о человеке будущего.

— Они знакомы?

— Не знаю точно. Сам я познакомился с Исламом Крымшамхаловым в Петербурге. Несколько недель тому назад князь гостил у меня в Кисловодске. Вновь поразила меня своей целеустремленностью. Это как надо любить свой народ, чтобы жертвовать всем ради возвращения сюда, где только горы и горы.

— Да, суровый край. Суровый и прекрасный, — скользнув взглядом по горным вершинам, сказал Дубов-

ской¹.—Ну, а как художник каков он, этот Крымшам-халов?

— Несколько рисунков его и три пейзажа вы видели в моей коллекции. Он реалист, манера наша. У него не было учителей, и потому в его работах нет ничьей школы — есть только любовь к живописи, к своему народу, — это очень чувствуется, стоит лишь посмотреть работы, — говорил Ярошенко.

— Ну, а у него нет желания поехать учиться?

— Да ему и учиться особенно нечему, просто познаться с творчеством выдающихся мастеров, окунуться, так сказать, в среду служителей искусства и все такое.

— Чтобы потом бежать от этой среды?

— Вы обо мне? — спросил Ярошенко.

— Нет, что вы?! О себе. Я так устал — все эти группировки вокруг да около. Уж лучше быть одному в каком-нибудь отдаленном от цивилизации месте, на свободе, — Дубовской оглядывал панораму, открывшуюся перед ними.

— Ну, вы не очень похожи на того, кто готов бросить все удобства, — засмеялся Ярошенко, — а потом, как посмотрит на это ваша будущая жена, молодая невеста, что осталась ждать вас в Петербурге?

— О, для нее я веду дневник, хочу поразить ее воображение. Кое-что сочиняю. Трудно, конечно, изложить на бумаге впечатления от здешних красот. Но пытаюсь сделать подарок — последние дни холостяка, словом.

— Ничего, невеста будет смотреть глазами возлюбленного, — засмеялся Ярошенко, глядя на одухотво-

¹ Дубовской Николай Никанорович — известный русский живописец, пейзажист.

ренное лицо молодого коллеги. — Кажется, мы приближаемся к месту назначения.

Вдали показался всадник. Когда он приблизился, Ярошенко воскликнул:

— А вот и Ислам Крымшамхалов!

...Ярошенко, Дубовской, Ахмат Байрамуков сидели в мастерской Ислама. Ярошенко неторопливо листал какой-то альбом. Дубовской же, в отличие от своего старшего товарища, был необычайно возбужден, широкими шагами ходил по комнате.

— Я не ожидал всего этого увидеть. Простите, но я думал, что... ну, словом, меня просто заворожил наш гостеприимный хозяин. Всесторонне образован, истинно талантлив. А его библиотека! И где? В глухом отдаленном селении. Николай Александрович, вы видели эти книги? Я уже несколько дней просматриваю их и изнемогаю от зависти...

— Мы очень дорожим Исламом, гордимся им. Его присутствие просто необходимо здесь, — сказал Ахмат.

— Николай Александрович, — снова воскликнул Дубовской. — ему надо развивать талант художника, учиться в Академии! Он может стать выдающимся живописцем!

— Вы еще не знаете нашего Ислама, — заметил Ахмат. — Он не примет такого предложения. Он предпочтет умереть неизвестным художником, чем безвестным горцем.

— Это кто же меня хоронит? — в комнату, покашливая, вошел Ислам.

— Мы говорили о том, что вам надо ехать учиться в Академию художеств. Нельзя губить свой талант. — Дубовской стоял около Ислама и возбужденно размахивал руками.

— Я и не гоню, просто работаю, и мне хорошо. А

как чудесно художнику работать в горах, вы сами могли убедиться. — Ислам обнял Дубовского за плечи, но тот выскользнул и вновь оказался перед ним.

— Но пока в горах построят академию, может, у вас уже будут внуки. Вам надо ехать в столицу, чтобы получить образование, чтобы, наконец, вас узнали. Ведь все не могут ехать сюда, чтобы видеть ваши работы.

— Пока, брат, я не могу никуда ехать. Мне сейчас здесь необходимо быть, — успокаивающе сказал Ислам. — А потом, что значит признание? Признание в каком-то официальном порядке? Мне кажется, не это главное. Я вот однажды был в Тифлисе, ездил проводить родственницу, и в одном духане увидел работы грузина-художника — они привлекли мое внимание. В них было много чистоты и откровенности. Картины вызывают восхищение многих людей. Разве это не признание? Я купил у духанщика три картины и привез с собой. Сейчас покажу вам. — Ислам достал небольшой сверток, развернул его, там оказались три клеенки. — Мне кажется, что у моих соплеменников такие же глаза, как у этого художника — грустные и умные. Посмотрите на эту лань — какая грация...

— Ваша привязанность к горам погубит вас. Вы не должны принадлежать только этой местности, вас должны знать в столице, — не унимался Дубовской.

— Я к этому не стремлюсь. И потом, не хочу вас обидеть, но... знаете, никогда не говорите, что привязанность к горам губит таланты. «Лучше гор могут быть только люди», — эту нашу древнюю пословицу не забывал великий русский писатель Лев Толстой. И я не хочу уезжать отсюда.

Дубовской был растерян.

— Мы поговорим на эту тему еще раз, — привет-

ливо улыбнулся Ислам. — А сейчас прошу вниз, мама ждет нас.

— Ислам, вы поиграете нам горские мелодии? В прошлый раз вы буквально потрясли меня и моих друзей, — сказал Ярошенко. — Аглинцев и Кузовлев даже купили ваши свирели.

— Выучиться играть на сыбызгы очень трудно, надо специально подворачивать язык. Петрусевиич играет, и недурно, Аглинцев¹ — не знаю, а свирель Кузовлева² покоится на даче его жены в местечке Теберда, куда кто-нибудь из гостей не возьмет ее в руки. Идемте, господа, вниз. Я поиграю, обязательно поиграю. В нашем доме музыка не звучала давным-давно. Зимой умер наш друг и родственник, скрипач и композитор Султанбек Абаев. Вот он какой был, — и Ислам показал на портрет, висящий на стене.

Дубовской подошел поближе.

— Это ваша работа? — он оглянулся на Ислама.

— Да.

— У кого учился Султанбек Абаев?

— У Генрика Венявского. Знаете, как они встретились? Это занятная история. Султанбек приехал прямо на экзамен в Петербургскую консерваторию в 1862 году. Нотной грамоты он не знал. Венявский спросил, где его скрипка. Скрипки у Султанбека не было. «Как же вы будете играть?» — удивился Генрик Венявский. Абаев ответил: «Тут много скрипок на фортепьяно лежат». Венявский одну из скрипок протянул ему и сказал: «Играйте». Еще больше удивился маэстро, когда Султанбек сказал: «Нет, ты сыграй, а потом я повто-

¹ Аглинцев — подполковник, жил в Кисловодске, дружил с Н. А. Ярошенко.

² Кузовлев — подполковник. В 70—80 гг. XIX века был начальником Баталпашинского уезда.

рю твою музыку». Венявский исполнил сложный пассаж. И каково же было потрясение великого скрипача, когда юноша повторил все точно, нота в ноту. Конечно же, Султанбек Абаев стал учеником Венявского.

— Да, я где-то читал об этом, — сказал Ярошенко.

Гости провели в Карт-Джурте еще десять дней. С утра они уходили в горы. И рисовали, рисовали. В свободное время к ним присоединялся Ислам.

Проводив гостей, Ислам, не заезжая домой, решил навестить Левана Хетагурова.

Сразу, с заходом солнца, наступила прохлада. Лошадь пошла быстрее. «Переночую у Левана, спрошу о Коста», — думал Ислам, въезжая в осетинское селение и представляя, как выйдет на крыльцо седой старик. Он направил лошадь в сторону дома Левана Хетагурова. Лениво заурчала собака, но тут же успокоилась. Ислам соскочил на землю. Заскрипела дверь, и узкая полоска света прорезала темноту.

— Кто здесь? — услышал Ислам знакомый голос. Ислам побежал к крыльцу.

— Пусти, задушишь, карачай сумасшедший, — смеясь, отбивался Коста от обрадованного друга. Свет от лампы судорожно пробегал по стенам, двору.

— Вот уж не думал тебя встретить... Надеялся у отца хоть узнать что-нибудь о тебе, — Ислам был доволен.

— Пойдем, пойдем, все расскажу, — Коста пропустил Ислама вперед.

В комнате, которую занимал Коста, везде были разбросаны книги, бумаги, краски. Беспорядок не смущал хозяина жилища.

— Дома так хорошо работается! — говорил Коста, освобождая место Исламу. — Садись, я сейчас.

Коста вышел и через некоторое время вернулся с подносом.

— Не хочу будить никого. Мясо и айран в нашем доме всегда найдется для такого желанного гостя!

Коста смел со стола бумаги. Кипа конвертов посыпалась на пол. Поставил поднос и, взяв столик обеими руками, придвинул его к Исламу.

— У тебя здесь целое почтовое отделение, — сказал Ислам.

— Пишу друзьям. Да и деловой переписки немало. Я тут одну пьесу задумал... Ну, об этом потом. Ты ешь.

— Ты тоже.

— Я только айран попью, — Коста сел на низенький стульчик напротив друга.

— Слушай стихи! — сказал Коста.

— Твоя?

— Моя. Слушай.

Я смерти не боюсь, — холодный мрак могилы
Давно меня манит безвестностью своей,
Но жизнью дорожу, пока хоть капля силы
Отыщется во мне для родины моей...

Я счастья не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить.

— Смотрю, ты здесь не скучаешь...

— А ведь я нахожусь под арестом.

Ислам удивился:

— Под каким арестом?

— Домашним. Если быть точным, то это не арест, а ссылка. Я выслан из Владикавказа.

— Что же ты молчал до сих пор?

— Я приехал в тот день, когда ты отправился в Нижний Новгород. Ездил к тебе в Карт-Джурт, был на руднике. Живу здесь уже две недели. Когда предают

чужие — это не страшно, когда предают соплеменники — это горько и унижительно, — заключил Коста.

— Ну, а работать тебе можно?

— Можно, конечно, только в пределах Баталпашинской области. Да и то надо взять разрешение.

— Я все улажу, давай поедем утром. У нас на руднике найдется тебе хорошая работа, там интересное общество собралось.

— Я слышал от людей, что с приставом Петрусеви-чем можно найти общий язык.

— Вот к нему я и обращусь.

Петрусеви-ч помог. Коста Хетагуров получил разрешение жить и работать на руднике.

Несмотря на положение ссыльного, поднадзорного полиции, Коста Хетагуров и здесь продолжал политическую работу, помогал горцам, ходатайствовал перед начальством рудника об облегчении труда горняков, писал статьи в газеты. Он занимался кроме того живописью, писал стихи.

В то лето на руднике собралась хорошая компания: Ислам, Ахмат Байрамуков, Коста Хетагуров, Кондратьев и их друзья. После работы они любили весело отдохнуть. Совершали прогулки, читали стихи, музицировали, танцевали. Здесь возникали привязанности, увлечения, которые могли перейти в нечто более сердечное.

Центром внимания являлась Наташа Неглинная, дочь одного из специалистов рудника. Кто из друзей был ей более по душе, так никто и не мог понять. Она была равна в обращении со всеми. Вот и сейчас девушка дружелюбно беседовала с Костой.

— Скажите, Наташа, вам здесь нравится?

— Да, очень.

— А вы могли бы здесь прожить всю жизнь?

— Да, — не задумываясь, ответила девушка.

Они сидели в плетеных креслах-качалках и смотрели, как играют в крокет Кондратьев и Ислам.

Через некоторое время в свободное кресло рядом сел Кондратьев. Ислам продолжал играть с Милей, дочерью инженера. Кондратьев повернулся к Коста и спросил, глядя на Ислама:

— Ты знаком с его женой?

— А разве он женат?

— Ну, как же?.. — опешил Кондратьев. — Мне вроде говорили...

— Нет, он не женат, — перебил его Коста. — Я бы обязательно знал. Как он мог жениться, если я не плясал на его свадьбе!..

Наталя встала и отошла в сторонку, но начало разговора она слышала.

— Ислам слишком много работает. Боюсь, сердце его долго такой нагрузки не выдержит, — говорил Кондратьев.

— Ничего, у художника должно болеть сердце, иначе это не художник.

— Некоторые представительницы прекрасного пола равнодушны к нему.

— Ну, а что здесь плохого? Художник обязательно должен быть объектом поклонения, сам влюбляться, иначе это не художник,— Коста весело посмотрел на Кондратьева, а затем в сторону Натальи.

Девушка стояла неподалеку от них и смотрела на играющего Ислама. Ислам перестал играть и направился к мужчинам. Наташа пошла в сторону дома.

— Она скоро уезжает, — сказал Кондратьев.

Ислам ничего не ответил.

Позже во время танцев Коста сказал Наташе:

— Забудьте его. Вы еще найдете свое счастье, вы такая красивая.

Тогда она ничего не сказала, но танцевать больше не стала.

Ислам утром куда-то уехал. Слова прошел слух о его женитьбе.

Подруги слышали слова Коста, сказанные Наташе на вечере.

— Ой, Наталья, какая ты выдержанная, мы бы так не смогли. Ни один мускул не дрогнул на твоём лице! — шептали восторженные девушки.

Наталья ночью плакала так, как она потом никогда в жизни не плакала: молча, без всхлипов и содроганий, просто по щекам бесконечно долго лились слезы. Их невозможно было унять, они все лились и лились. Утром проснулась оттого, что ощутила холод на щеке. Тронула подушку рукой, она вся была мокрая. Наталья перевернула подушку и встала.

В тот же день Наташа уехала.

Уже потом в Ялте Наташа получила письмо. На обороте значилось «Тохтаул-Чалган»¹.

Девушка быстро отыскала ножницы, надрезала конверт. Дрожащими пальцами раскрыла лист. Там было стихотворение, адресованное ей. Почерк принадлежал Коста Хетагурову.

Наталья читала, перескакивая с одной строки на другую:

Писать, но вам какое дело
До наших мук, до наших слез?
Вы унеслись далеко, смело
В волшебном хороводе грез.
Вы на берегу моря, среди цветов
В стране весны.

¹ Тохтаул-Чалган — название местности в Карачае, где была расположена контора рудника «Эльбрус».

А здесь! Расстались мы давно ли,
А между тем, не видя вас,
У хумаринцев всех до боли
Сердца сжимались не раз.
Игры уж нет... Крокет заброшен,
Художник и поэт Ислам
Стал нелюдим, тяжел и скучен
Совсем уж не товарищ нам...
А. П. сготовила микстуру, —
Хотела «дикарю» помочь,
Но он разлил лекарство сдуру
И убежал куда-то прочь.
Касбот педантом стал, ругается,
Саня, Милия — по-прежнему, Коля
«Баку» худеет (не ест, не пьет по целым дням)
По вас, увь, — теперь не скрою,
Порой скучаю даже я.

Другое стихотворение называлось «Сане и Миле М».

Я пишу вам очень мало,
Тороплюсь весьма.
Вот вам скучное начало
Скучного письма.
Тохтаул-Чалган не в силах
Вдохновить сердца,
Здесь толкуют лишь о жилах
Меди и свинца,

Вот вам общая картина
Нашего житья,
Пожалейте ж осетина
Бедного, друзья.
Сам я очень, очень много
Думаю о вас.
Напишите ж, ради бога,
Пару строк хоть раз.
Передайте папе, маме
Теплый мой привет.
Говорить ли об Исламе?
Фи! Охоты нет.

1892 г.

Карачай-рудник.

Грустная улыбка скользнула по губам девушки. Как далеко все это теперь... Наивные, бесхитростные стихи. Трогательная влюбленность. Горская сказка...

Глава XII

Мырзакул Дудов сердито посмотрел на Рамазана-эфенди.

— Я тебе уже говорил, Рамазан, с таким делом не подходи ко мне.

— Так с тех пор прошло четыре года, — возразил эфенди.

— Не пойму я, с чего это ты таким ретивым сватом заделался... И чего ты к моей дочери привязался, все норовишь ее из дому вытащить?

— Ну, что ты, Мырзакул? Видит аллах, тогда Тамбиев умолял меня сходить к тебе, я долго не соглашался, но, помнишь, неоднократно приходил к тебе. Ты отказал, молода, мол, дочь еще. А сейчас я прошу за другого человека. Фамилия Крымшамхалова — знатная. Что тут раздумывать. Скажи согласное слово, и сваты от Крымшамхалова будут в твоей кунацкой.

— Ты же знаешь мои сомнения, Рамазан. Зачем лукавишь? Боюсь я связываться с Исламом Крымшамхаловым. Не нравится мне его дружба с гяурами, все его поведение...

— И мне не нравится, дорогой Мырзакул, — поддакнул эфенди.

— Так чего же ты хочешь? — удивленно вскинул бровей собеседник. — Зачем нужен мне такой зять?

— Ах, дорогой Мырзакул, аллах велит мне, его слуге, и тебе, правоверному мусульманину, направить на истинный путь человека. Пора заарканить этого скакуна. Негоже, что представитель благородного рода теряет достоинство, отбилсЯ от нашей знати...

— В словах твоих, конечно, есть истина, — степенно произнес Мырзакул.

— Поверь, дорогой Мырзакул, что женитьба в этом случае самый лучший путь. Появится у Ислама семья, заботы, семейные радости, он и остепенится. А на твою Сафиют он давно заглядывается. Еще бы — такая красивая девушка...

— Не знаю, право, Рамазан. Надо подумать...

— А что тут думать? Праведное дело, угодное аллаху. Надо, чтобы Ислам Крымшамхалов был под нашим влиянием. Вот женитьба этому и поможет. Твоя Сафият не только красивая девушка, но и умная, послушная воле отца. Да и тебе зять не посмеет перчить...

— Пожалуй, ты правильно рассуждаешь, — задумчиво проговорил Мырзакул, но вдруг снова заколебался. — А мои родственники? Они будут возражать...

— Им тоже можно все объяснить, — сказал Рамазан-эфенди. — Давно пора прекратить вражду между вашими славными фамилиями. И этому женитьба поможет.

— Ну, хорошо! — согласился наконец Мырзакул. — Главное, что он из благороднейшего рода. Да поможет нам аллах!

— Благодарю тебя Мырзакул, ты настоящий мусульманин, — обрадованный Рамазан не стал задерживаться дольше и выскользнул со двора.

Оставшись один, Мырзакул долго сидел в задумчивости. Он сознавал, что давать согласие на сватовство своей дочери, не посоветовавшись с родственниками, не имел права.

Дудовы принадлежали к горской знати, с давних времен они соперничали с Крымшамхаловыми, считая, что имеют основания быть выше всех. В 1828 году Дудовы потеряли эту надежду, так как представитель их

фамилии тайно показал солдатам генерала Емануэля тропу, по которой можно было войскам пройти в тыл незамеченными. Об этой тропе знали лишь немногие.

Генерал столкнулся с неожиданным сопротивлением горцев. Конечно, он мог взять их измором, переждать. Да они долго и не продержались бы — патроны кончались. Это было генералу известно. Но следовало спешить, территория Карачая — выгодный плацдарм, на нее направлены взоры Турции. И тогда на помощь пришел горский князь.

Обрадованный генерал сообщил царю: «Фермопилы Кавказа взяты!» Князь был выдан горцам, его насмерть забили камнями. Вали (наместник) Карачая князь Крымшамхалов вручил генералу письменное заверение в верности России.

Фактически действия представителей обеих фамилий были направлены к одному и тому же, содействовали присоединению к России. Но методы оказались разными. И между Дудовыми и Крымшамхаловыми возникла вражда. Время давно сгладило ее остроту, молодежь, пожалуй, уже не знала детальных причин конфликта.

Об этом думал теперь Мырзакул: «А впрочем, — решил наконец старик, — наверно, прав этот хитрый Рамазан. Пора нам помириться. Род Крымшамхаловых — благородный...»

Родственники Мырзакула разделились на два лагеря — одни считали, что пора прекратить ненужную вражду, другие не хотели их слушать. Но как бы там ни было, сватовство состоялось.

А Рамазан-эфенди отправился к Магомету. Он продолжал осуществлять задуманное, хитро и тонко плел свои интриги.

— Какой же ты друг ему, Магомет, если не думаешь о его будущем? — издалека начал Рамазан.

— Каждый человек должен сам о себе думать, — предчувствуя неприятный разговор, ответил юноша.

— И тебе все равно, что Ислам целыми днями пропадает на руднике и кругом одни русские девки?

— Он не за этим туда ездит, он там работает.

— Знаем мы, как он работает.

— О чем вы? — удивился Магомет.

— А то будто не знаешь?

— Не знаю. Я вообще решил с ним не встречаться больше. — Магомет отвернулся. — Так будет честно.

— Ты это выбрось из головы. Молодой еще. Дружбой не надо пренебрегать, — тихо, заглядывая в глаза Магомету, сказал старик. — Ты от него отвернулся, вот он с этим русским Кондратьевым дружить стал. А лучше бы горцу дружить с горцем...

— Пусть дружит с кем ему нравится, — резко ответил Магомет и вновь отвернулся от собеседника.

Но от Рамазана не так-то легко было отвязаться. Он еще дважды приходил к Магомету, долго и нудно нашептывал ему свои мысли. А капля, как говорится, камень точит.

Ислам и Кондратьев возвращались домой. День они провели очень удачно и, увлекшись, не торопились спускаться с гор. Их сумка была набита минералами, а мольберт Ислама — наполнен новыми рисунками. Довольные находками, они наконец повернули усталых лошадей к тропинке, ведущей вниз. Следовало торопиться. Надвигалась гроза, а в горах в такую погоду темнеет очень быстро. Но далеко уехать они не успели — сплошная темнота вскоре окутала их.

— Не отставайте от меня, — сказал Ислам, следуя впереди. — Будьте осторожны, Анатолий.

Пошел дождь. Лошади устали, они тяжело дышали, им было трудно идти по скользкой узкой тропе.

— Кажется, впереди огонь светится. Здесь, наверно, чей-то кош. Не отставайте!

Когда они приблизились к кошу, навстречу им с лаем выскочили два огромных пса. На пороге появилась большая темная фигура, слабо освещаемая со спины тусклым светом горящей лампы. Человек прикрикнул на собак. Из глубины показалось еще двое ребят, видимо, сыновья мужчины. Они подошли к Кондратьеву и Исламу, взяли у них лошадей и повели в темноту.

— Добро пожаловать! — приветливо и сдержанно произнес мужчина.

Проходя мимо хозяина, Ислам подумал, что где-то виделся с ним, но не смог сразу вспомнить.

Как только они переступили порог, раздался сильный женский крик. Кондратьев посмотрел на Ислама. Ислам на хозяина. Тот, встретившись с ним глазами, отвел в сторону взгляд и сказал спокойно:

— Устраивайтесь вон там, не стесняйтесь.

В комнату забежали две девочки-подростка. Они не ожидали увидеть здесь гостей и остановились, смущенные, посередине комнаты. Тихо произнесли приветствие, посмотрели на отца.

— Возьмите, что вам нужно, и идите к матери, — пришел он им на помощь.

Девочки взяли два больших медных таза и скрылись. Опять раздался крик, сильнее, чем прежде. Хозяин плотно закрыл дверь. Мужчины все поняли.

Комнатка была небольшая, но опрятная и уютная. Посередине висела очажная цепь, на ней котел, под ним горел огонь. На полу был расстелен войлочный ко-

вер с черно-белыми квадратами. По стенам тоже висели коврики с растительным орнаментом.

Вошла одна из дочерей и стала возиться у огня.

Мужчины были серьезны и молчаливы. В горах хлестал дождь, изредка сверкала молния, освещая темный кош, и гремел гром.

Крики женщины возобновились с возрастающей силой. Кондратьев с интересом рассматривал невозмутимого хозяина. Кондратьеву было и странно, и даже страшно.

Здесь, затерявшись глубоко в горах, обитала семья горца. В эту грозовую ненастную ночь рожала женщина. Судя по всему, никого это не пугало. Был в том доме покой, каждый не спеша делал свое дело. Сыновья разделявали во дворе тушу барана, одна из девочек готовила ужин, другая находилась около матери, а сам хозяин вел с гостями непринужденную беседу. Жизнь шла своим чередом.

Через некоторое время отца вызвали из комнаты. Он вернулся с таким же невозмутимым и суровым лицом.

— Аллах подарил мне сына, пусть он будет настоящим мужчиной, — сказал он и сел у очага.

Гости увидели промелькнувшую в его глазах тихую радость.

Девочка вышла из комнаты. Появился сын и стал собирать ужин на маленький столик. Потом он так же тихо, как и сестра, покинул комнату.

— И давно вы так живете? — спросил Кондратьев.

Мужчина молча смотрел, ожидая, пока Ислам переведет слова Кондратьева.

— Я пришел сюда с двумя сыновьями, а теперь у меня еще две дочери и сын, — улыбнулся хозяин.

— А спускаться в село вы не хотите?— Кондратьев недоумевал.

Ислам перевел.

— Мое село — здесь. Таких, как я, на Кавказе немало.

Ислама вдруг осенило: «Да это же Канамат, знаменитый абрек». Он ушел в горы давно. Молва о нем гремела повсюду, имя его наводило страх на многих богатеев. Может, благодаря тому, что он держал под страхом многих из них, стало меньше унижений с их стороны? Потом о нем долго ничего не было слышно. Исчезла из аула и его семья. Никто из односельчан не выдал их. И вот теперь Ислам встретился с Канаматом. Тот понял, что Ислам узнал его.

— Но неужели вы никогда не хотели жить в доме, по-человечески? — не удержался Кондратьев. — Ведь здесь нет никаких удобств, темно и сыро. В аулах теперь строят удобные русские дома.

Ислам старался перевести помягче, но интонация передала Канамату смысл точнее.

— Скажи ему, что в их домах душно. Там нет вот такого открытого огня, как здесь в очаге. А мои предки издревле сидели у огня, ели, пили, спали, разговаривали, рождались и умирали. Однако вы устали и замерзли. Ешьте, пока горячее, — проговорил Канамат уже спокойно.

Он вышел. Появились его сыновья, неся на подносе жареные кусочки легких, почек. Запахло вкусным и ароматным мясом.

— Да, я давно не спускался в селение, — сказал возвратившийся Канамат. — Иногда скучаю, тогда поднимаюсь на скалу и смотрю туда, где раньше жила моя семья, мои друзья. Я очень хочу, чтобы сыновья и дочери мои жили среди соплеменников. Но есть еще там

мой враг. Притворившись лисой, он обманул меня. Ты, наверное, знаешь его, у него глаза разного цвета.

«Рамазан-эфенди», — сразу мелькнуло в голове у Ислама.

— Я слышал, он ходил в Мекку и его теперь называют «хаджи», — Канамат рассмеялся. — Большого безбожника, чем он, я не видел. Нет в нем ничего доброго, одно коварство и зависть. Он был из богатой семьи, но сдружился с нами, по молодости мы верили ему, думали — он с нами заодно, когда отнимали земли у баев или наказывали их. Народ предупреждал меня, но я доверял ему. А он оказался подлецом, с нашей помощью он расправлялся со своими противниками и богачей. Князьям мстил, крестьян ненавидел, но и тех и других предавал. Из-за него и не иду в аул. Я поклялся никого не убивать, и мне стало хорошо на душе.

...Ислам долго не мог уснуть. Он лежал на мягких шкурах и смотрел в темноту. Заплакал ребенок и тотчас перестал. И все это, казалось, происходит во сне, а не наяву.

— Вы не спите, Ислам?

— Нет.

— А о чем вы думаете?

— О добре и зле, о наших женщинах, о Канамате...

— Да, любопытный человек.

Утром, когда Ислам и Кондратьев вышли из коша, во дворе их ждали сыновья Канамата. Они держали коней под уздцы и приветливо смотрели на мужчин. Девочки стояли тут же, неподалеку.

Юноши помогли мужчинам сесть на коней.

— А что это за деревянный ящик? — спросил Ислам парень, стоящий около него.

— Это называется мольберт, я там храню свои рисунки, краски, кисти.

— А ты не боишься заниматься этим делом? — спросил КанаMAT.

— Сам аллах водит моей рукой, — отшутился Ислам.

— Удачной дороги вам! — сказал на прощанье КанаMAT.

Прошло несколько дней.

Встреча с путниками разбредила желание КанаMATа посмотреть на село. Уже много лет он жил с семьей в горах. Никто не тревожил его, никого не беспокоил он. С прежними друзьями разошлись его пути — кого убили, кто, обманутый обещаниями, вернулся домой и там был схвачен и отправлен в Сибирь. Тогда КанаMAT забрал свою семью высоко в горы — очень нравилась ему одна поляна, рядом речка, кругом лес.

Заблудившиеся путники нарушили его правило — как можно реже спускаться к селению. Был у него верный друг, который приносил еду, рассказывал новости. Звали его Манаф.

Последнее время Манаф почему-то не появлялся. Когда в ауле из труб домов начинали подниматься тонкие струйки дыма, сердце КанаMATа, стоящего на скале, сжималось. КанаMAT вставал и уходил, чтобы не расстроиться еще сильнее. Из родных никто не знал этой слабости, только жена, умная и добрая, по глазам читала его тоску, но ничего не говорила. И КанаMAT был ей благодарен. Сегодня он, немного подержав на руках сынишку, перекинулся с женой несколькими фразами и вышел из дома. Он сел на коня.

— От матери не отходить. Я, может, приеду поздно, — крикнул он сыновьям, вышедшим проводить его.

Десять лет живет он на этом месте, десять лет он ходит к любимой скале и оттуда смотрит на селение. Он хорошо знал лес, понимал язык птиц, читал следы зве-

рей. По тому пути, по которому он шел, давно никто не ходил.

Подъезжая к скале, он подумал, что сможет спуститься поближе, осторожно, чтобы никто не видел. Потом сам себе сказал «нет».

Тонкий слух его уловил рокот реки Уччулан. Канамат стал спускаться вниз. Кругом его окружали горы и деревья. Издалека, на противоположном берегу реки, он увидел большую группу всадников. Они двигались то друг за другом, то рядом в два, три коня, то снова вытягивались в цепочку. У каждого из всадников была на седле девушка, сами же они сидели сзади на крупе лошади, придерживая рукой своих спутниц.

Канамат слышал рев реки и видел большую пеструю толпу, которая извивалась по горной узкой тропинке, ведущей в Карт-Джурт. Он не улавливал ни одного звука, кроме грохочущей рядом воды, но ясно представлял дыхание коней, их ржание и веселые разговоры молодежи. Слезы выступили на глазах Канамата.

Неожиданный хруст ветки заставил Канамата мгновенно обернуться, послать лошадь на всадника, успевшего отскочить в сторону.

— Стой, стой! — закричал незнакомец.

Может быть, в другое время Канамат и убежал бы неузнанным, но сейчас ему захотелось послушать аульские новости, поговорить с этим человеком. И он повернулся лицом к всаднику.

— Ого! — воскликнул Канамат. — Вот так встреча! Почему именно ты, а не другой, а, Рамазан-эфенди?

— Я думал, ты давно убит. — Рамазан не ожидал такой встречи.

— Твоими молитвами, наверно, я живу добрый десяток лет. — Канамат насмешливо поглядел на эфенди, но тот не был расположен шутить.

Они оба были несказанно удивлены и поначалу даже не знали о чем говорить.

— А где ты живешь?

— Это тебе не надо знать.

Они помолчали, потом Рамазан сказал:

— Я искал вас потом, но вас уже никого не было на месте.

В глаза Канамату эфенди старался не смотреть.

— Наверное, ты искал что-то другое. — Рамазан быстро поднял глаза на Канамата и столкнулся с его прямым взглядом. — Ладно, лучше расскажи, что там за люди?

— Невесту везут Крымшамхаловым.

Голос эфенди был нарочито равнодушным. Канамат опять внимательно посмотрел на него.

— Это которому?

— Исламу.

— А девушка из чьей фамилии?

— Дудовых.

Эфенди глядел в сторону процессии.

— Смотри, времена меняются. Прежде их фамилии враждовали. Ну, а ты, — Канамат повернулся к Рамазану, — почему не там?

— Без меня обойдутся, — отрезал эфенди.

— Да, это на тебя похоже: все узнаешь, всех сведешь и исчезнешь, и дело приходится доводить до конца без тебя. Помнишь, как приехал к нам Петрусеви́ч, он уговорил наших родственников, чтобы те способствовали нашему возвращению домой и занялись мирным трудом? Ты всем нам говорил, что это ловушка и надо быстрее уходить. А он обещал тем, кто спустится в селение: «Вы только вернитесь домой, и я дам вам землю и вас никто не тронет. Идите в села, пока слух о вас не дошел до царя. Если это случится, мне будет трудно

помочь вам». Ты помнишь это, эфенди? Мы ушли в горы, но тебя почему-то не было с нами...

Канамат вздохнул, тронул плеткой коня, повернул обратно. Его огорчила и расстроила встреча с Рамазаном. Надо же было ему попасться на пути. Куда девалось враз светлое настроение, владевшее Канаматом со вчерашнего дня?

Отъехав немного, Канамат резко обернулся. Нет, Рамазана не было, кругом стояла тишина. Канамату не хотелось, чтоб этот шакал заметил его путь. Потом он увидел эфенди далеко внизу, спускающегося к аулу.

Глава XIII

Сафият проснулась от звуков музыки. Тихие и нежные, они доносились к ней из соседней комнаты.

«Проспала! Вот лентяйка!» — подумала молодая женщина и села на кровати. Потом снова нырнула под одеяло, с удовольствием потянувшись. Солнце еще не взошло, но в комнате было светло. В приоткрытое окно бело-розовая распутившаяся вишня протянула свои ветви. Они пахли дождем и чисто блестели.

Сафият быстро оделась, отворила дверь в соседнюю комнату. Ислам сидел за роялем спиной к ней, в белой рубашке. Звуки мягко и властно заполняли комнату. Он увидел жену по отражению в рояле и продолжал играть.

— Что это? — тихо спросила молодая женщина.

Ислам, не переставая играть, чуть обернулся к ней.

— Тебе нравится?

— Не знаю, — пожала Сафият плечами. — Я такую музыку никогда не слышала.

— Хочешь научу, иди сюда.

Ислам протянул руку и хотел притянуть ее к себе,

но Сафият застеснялась. Ислам встал и подошел к ней.

— Не бойся, — ласково сказал он, беря ее за руку.

В дверь постучали. Сафият быстро отошла к окну. Приятный аромат цветущих вишен кружил голову. Ислам открыл дверь. Раздался голос Коста:

— Я услышал музыку и понял, что в этом доме уже не спят. Здравствуй, Ислам, здравствуй, Сафият! Ты не забыл, брат, нам надо на рудник?

— Нет, конечно, я сейчас.

Послышались удаляющиеся шаги Коста.

— Я скоро вернусь, Сафият, у меня дела. А ты спустишься к маме, в общем, отдыхай. Я приеду, расскажу тебе кое-что.

Ислам весело улынулся и вышел из комнаты.

Сафият осторожно из-за занавески смотрела, как Ислам и Коста выезжали со двора. Молодой женщине стало грустно. Она погладила блестящую поверхность рояля, тихо опустила крышку инструмента и вышла из комнаты...

— Мне необходимо побывать во Владикавказе, Ислам, — сказал Коста, когда они выехали за ворота.

— Тебе же пельзя. Ты скажи, что за дело, я съезжу сам или пошлю кого-нибудь. — Ислам посмотрел на него.

— Нет, ты и так слишком много делаешь для меня. И потом, дело это деликатное, тут мне самому надо разобраться. Мне сообщили из Владикавказа, что квартиру мою опечатали. Рукописи, рисунки и прочие бумаги частью остались, частью — у знакомых и даже незнакомых людей.

— Можно написать этим знакомым, чтобы на время, пока окончится срок ссылки, они собрали все к себе.

— Ислам! Я не могу их этим обременять. Сам понимаешь — дружба со ссылкой не всем нравится.

— Я беспокоюсь о тебе, и, потом, дорога, дожди, тебе нельзя простужаться, — просил Ислам друга.

— Ничего, я буду осторожен и постараюсь побыстрее вернуться. Тебя попрошу объяснить как-нибудь мое отсутствие на руднике, — сказал Коста.

— Ну хорошо, а приедешь, я свезу тебя и Кондратьева в одно место. У меня грандиозные планы, и, я думаю, ты меня поддержишь. Нас встречают, Коста.

У ворот администрации рудника выстроились несколько всадников.

— Что меня встречают, это точно, — подтянулся Коста.

— Господин Крымшамхалов, извольте отойти в сторону, нам необходимо поговорить с господином Хетагуровым, — отрапортовал старший по чину из жандармов.

— А в чем дело, господа?

— Приказано господина Хетагурова арестовать! За агитацию рабочих рудника, за ложные обвинения администрации.

— Кто приказал?

— Его высокоблагородие капитан Темосев.

— Поехали вместе. — Ислам и Коста в окружении всадников проехали на территорию рудника.

...Вечером Ислам, Кондратьев, Ахмат и Ильяс Байрамуковы тихо подъехали на лошадях к скале. Наверху сидел Коста.

Днем его посадили в самодельную тюрьму, одна сторона которой примыкала к скале. Другим удалось передать через рабочего записку, где они просили Косту подняться наверх. Когда Коста вывели на прогулку вместе с другими арестованными, он залез на крышу. Через некоторое время арестованных повели обратно.

— Хетагуров пропал! — забегал конвойный.

— Да не пропал, вон на крыше сидит! — показал вверх его напарник.

Спускаться Коста отказался.

— Ну, нехай остается. Все равно некуда деться. Здесь мы, а с другой стороны — скала. Прыгнет — разобьется, речка мелкая, — успокаивали сами себя охранники.

Один из них остался во дворе, другой вошел внутрь помещения.

Всадники осторожно вошли в воду. Встали недалеко друг от друга, чтобы в центре образовался квадрат, и растянули большой брезент. Коста сверху наблюдал за ними. Когда мужчины натянули ткань, он прыгнул.

Утром в контору, в кабинет, где сидели Кондратьев и Ислам, вбежал злой капитан Темоев.

— Нет, вы слышали! Испарился! В воду канул!

— Кто? — спросил Кондратьев.

— Хетагуров, анархист, смутьян, щелкопер! — и он выскочил обратно в коридор. Ислам и Кондратьев подмигнули друг другу.

...Через месяц Сафият с подарками привезли в отцовский дом. По горским обычаям, это обязательное посещение, чтобы молодая невестка постепенно привыкала к новым родственникам, свылась с новой обстановкой, чтобы разлука с домом не была резкой.

Сестра отца была против брака Сафият и Ислама. Она имела на нее свои виды и теперь особенно придирчиво относилась к рассказу племянницы, все искала, к чему бы придраться. Оставшись с Сафият наедине, эта женщина заново начала расспрашивать ее:

— Ну, рассказывай, как ты там живешь, не обижают тебя?

— Ой, нет, что вы! Кто меня может обижать? — искренне удивилась Сафият.

Ислам Крымшамхалов. 1904 г.

Ислам Крымшамхалов с сотрудниками рудника «Эльбрус». Тахтаул-Чалгъан, лето 1895 г. (фрагмент)

На этюдах. Теберда. 1894 г. (фрагмент)

1901 г., г. Пятигорск. Фото Раева

Н. А. Ярошенко

Ислам Крымшамхалов
эгиядах. Теберда. На

Тсберда. 1907 (фрагмент)

Ислам Крымшамхалов в Теберде (фрагмент).

Портрет женщины. (Хранится в фондах музея
им. Н. А. Ярошенко, г. Кисловодск)

Портрет юноши. (Хранится в
фондах музея им Н. А. Яро-
шенко, г. Кисловодск)

Теберда. (Экспонируется в
музее им. Н. А. Ярошенко,
г. Кисловодск)

Портрет старика. (Хранится в фондах музея
им. Н. А. Ярошенко, г. Кисловодск)

Клухорское озеро с запада. (Из книги И. В. Мушкетова)
Часть клухорской тропы (Из книги И. В. Мушкетова)

Вершина Бел-ала-къя вблизи. (Из книги
И. В. Мушкетова «Геологический очерк Теберды и
Чхалты...» СПб, 1896 г.)

Лесной уголок. (Хранится в фондах
музея им. Н. А. Ярошенко, г. Кисловодск)

Ледник Аманауз. (Из книги И. В. Мушкетова)

Ледник Алибек-ульген. (Из книги И. В. Мушкетова)

Ледник Алибек-ульген. (Из книги И. В. Мушкетова)

Красные камни. Ярошенко Н. А. На этюдах.
(Масло, экспонируется в музее им. Н. А.
Ярошенко, г. Кисловодск).

Вершина Домбай-ульген издали. (Из книги
И. В. Мушкетова)

— Чем занимается молодой князь? — тетка пристально рассматривала молодую женщину.

— Занимается своими делами. Мне это не очень интересно.

— А где он сейчас?

— Он поехал во Владикавказ, ходатайствовать за своего друга-осетина, Коста Хетагурова.

— И что же случилось с этим его другом?

— Ему нельзя было выезжать за пределы Баталпашинского отдела, а он самовольно поехал во Владикавказ и его там арестовали.

— Да, хорошие друзья у твоего мужа. А кем он работает, твой муж?

— Он служит в конторе рудника «Эльбрус».

— Это разве годится для князя? А что он дома делает?

— Ислам написал пьесу, вместе с Хетагуровым они хотят поставить спектакль.

— Что, что сделать? Какие-то новые слова ты говоришь!

— Ну, сначала пишется книга, пьеса называется, там имена людей с левой стороны пишутся и много места на бумаге остается, а справа то, что они говорят. Вот эту пьесу заучивают несколько человек, а потом выходят перед людьми и каждый читает то, что он выучил. Получается представление. Они даже меня уговорили играть в этой пьесе.

— В такие игры дочь Мырзакула Дудова не должна играть. Что скажут люди? Отдали замуж за гяура, дружат с гяурами, и дочь забывать стала, что она мусульманка. Ты должна мне обо всем сообщать, без моего ведома и разрешения ни одного шага не делать, иначе я все доложу отцу. Ничем хорошим это не кончится. Ну, а ты сама, что делаешь в своем новом доме?

— Я? Я была недавно в Теберде. Ислам мечтает открыть там курорт. Он там хочет для нас дом строить.

— В Теберде? Да там же давно никто не живет!

— Мы были на одной даче, нас там очень хорошо принимали.

— Эти люди русские?

— Да, очень хорошие люди.

— Ну еще бы! А много еще там этих дач?

— Пока одна. Там каждое лето живет одна женщина. Ее муж построил красивый особняк. Она больна чахоткой и говорит, что горный воздух ей очень помогает.

— Не смейте туда ездить, еще заразитесь! Что у Крымшамхаловых мало земли? Если не хватает — мы может добавить. Зачем нужна эта Теберда? Так и передай, когда они приедут за тобой! Тебе еще рожать придется, ты думай о том, чтобы ребенок родился здоровым, а не бегай по горам!

Сестра отца внимательно оглядела фигуру Сафият, недовольно поджала губы.

...Кондратьев и Ислам ехали в Теберду.

— А жену вы тоже заберете с собой? — осторожно спросил Кондратьев.

— Обязательно! Мы переедем всей семьей, — ответил Ислам.

— Да, мужественные у вас женщины. Моя жена не против жить здесь, но говорит, подождем немного, пока Теберда примет более обжитой вид.

Ислам промолчал.

— Но я думаю, что последнее слово останется за мной, а я не любитель долго выжидать и осторожничать. Надо осваивать Теберду. Будем действовать вместе, тем более что на руднике сейчас почти нечего делать. Жаль, что работы свертываются. Вот она, Россия — истратит кучу денег, не подумав, выбросит на

ветер миллионы, а организовать дело не может. А эти бельгийцы, англичане — да ты сам видел, — нам бы, говорят, эти богатства, мы бы знали, что делать. Вот что значит, нет хозяина в своем отечестве, — горько заключил Кондратьев.

— Думаю, что в будущем эти богатства послужат людям, — твердо произнес Ислам.

— Боюсь, что мы не доживем до этого, — мрачно ответил Кондратьев. Потом спросил:

— А что там пьеса ваша, как с постановкой?

— Пока не получается. Мы ездили по селам, уговаривали девушек принять участие — те отказались. Жену мою напугали родственники, а наши знакомые с рудника уехали. Вот мы и остались одни.

— Да, печально. А где сейчас Хетагуров?

— Ему разрешили вернуться во Владикавказ.

Разрешение Коста было дано не без ведома местного атамана, который считал, что нахождение Коста среди рабочих рудника пагубно влияет на их работу. Рабочие стали смело высказывать недовольство, даже уходить с рудника. Полицейские специально делали обыски, чтобы найти что-либо недозволенное. Ислам однажды прогнал их с рудника, за что атаман Баталпашинского отдела публично выразил ему свое недовольство. Ислам отошел от него, не дослушав.

Рудник закрывался, он приносил убыток. Ислам всей душой устремился в Теберду. Он достраивал там дом, хлопотал о развертывании научных работ по созданию курорта.

— Ярошенко жалел, что не смог поехать с нами. Я был у него недавно, приболел там, так он у себя в доме собрал буквально весь цвет медицинской науки.

— Замечательный человек он, этот Ярошенко, — задумчиво сказал Кондратьев.

— У него дача в Кисловодске, он хочет насовсем перебраться туда, у него обострился туберкулез горла. Он поехал сейчас в Петербург окончательно решить дела с переездом. И жена очень надежный помощник ему в этом.

— Туберкулез — это бич. Я наблюдаю, что он уже стал распространяться и на Кавказе.

— Потому я и переезжаю в Теберду. И вам советую сделать то же. Там просто райский уголок. Думаю, что осуществляю свою мечту о создании в этих местах курорта.

Ислам побывал на строительстве своего дома. Там работы шли к концу. Большая часть помещения была полностью готова.

— Следующий раз приеду сюда с женой, — радостно сказал Ислам. — Думаю, что все ей понравится.

— Дом очень красивый и удобный, — поддержал друга Кондратьев.

И вскоре довольный и оживленный Ислам приехал в Теберду с Сафият.

— Я специально привез тебя сюда, чтобы ты первой перешагнула порог нашего нового дома. Я очень хочу, чтобы тебе понравилось здесь. — Ислам отворял двери в комнаты. — Дом мы сделали из сосен, что росли на солнечной стороне. Это будет прочный дом, и через 100—150 лет он будет стоять, вот увидишь! Что я говорю?! — он рассмеялся. — Здесь будут тогда жить наши внуки. Двери у нас с двух сторон. Вот так от одной двери к другой постелим красивый кийиз. Тебе нравится?

Сафият кивнула головой.

— Это кухня, это столовая, это гостиная, а на этой стороне — мастерские, одна для меня, другая для моих

друзей. Как ты захочешь, так все и будет в нашем доме. Второй этаж — на твое усмотрение. Я хочу, чтоб ты была довольна и счастлива.

— А вы и здесь будете рисовать? — осторожно спросила Сафият.

— Ну, конечно. Здесь так красиво — разве можно не рисовать? — Ислам не ожидал такого вопроса и удивился. — Хочешь посмотреть мастерскую, я там уже все разместил?

Ислам открыл дверь. Сафият вошла за ним.

— Ну, как? — торжественно спросил он.

— Кто это? — молодая женщина остановилась у вырезанного из дерева скульптурного портрета.

— Это Лев Николаевич Толстой, русский писатель. Вот поедem в Москву, постараемся вместе побывать у него.

— Он живой?

Ислам кивнул головой. Сафият со страхом смотрела на мужа.

— И вы не боитесь живому ставить памятник? Он же все равно не живой на картинах, вот в этой деревянной фигуре. Неужели ваш писатель не обижается на вас?

Ислам сел на стул и опустил голову.

— Опять ты за старое. Давай здесь будем жить по-другому, ты никого не слушай, так будет лучше нашей семье. Я же не враг тебе — твой муж, — печально сказал он.

— А Халимат говорит, что муж — это первый враг женщины и что ничего ему не надо говорить, потому что потом он этим откровением будет упрекать тебя, — запальчиво проговорила она.

— Ты ей все рассказываешь о нас?

Сафият промолчала.

— Милая моя Сафият, — ласково произнес Ислам, — я ведь тебя люблю и хочу, чтобы мы были счастливы. Муж и жена — это самые близкие друг другу люди...

Сафият не произнесла ни слова.

— Вот ты обращаешься ко мне на «вы». А мне бы хотелось услышать от тебя «ты» — слово более теплое и близкое.

— Так учили меня в доме отца, — резко сказала Сафият, не поднимая глаз.

— Но теперь у нас с тобой своя семья, свой дом. И все у нас должно быть так, чтоб нам с тобой счастливо жилось.

— А что же мне больше не слушать своих родственников? — исподлобья глянула Сафият.

— Нет, почему же, родственников надо уважать, но не жить же нам только по их приказам...

Сафият молчала.

— К нам обязательно придет сюда в гости Ханифа-ханум, так ее зовут в Баку, сестра Султанбека. И ты узнаешь, что есть на свете другое у супругов, кроме недоверия и неприязни, — продолжал убеждать жену Ислам.

Но молодая женщина замкнулась. На щеках ее горели красные пятна.

Трудно складывались отношения между Исламом и его молодой женой. Сказывалось патриархальное воспитание Сафият, влияние родственников, неприязненно относившихся к Исламу.

Однако Ислам верил, что все изменится к лучшему. Сафият еще так молода, не сможет она не откликнуться на зов его сердца. В новом доме станут бывать его друзья — образованные, умные люди. Они тоже окажут свое влияние.

Во двор въехали телеги с имуществом.

— Пойдем, Сафият, — надо распорядиться, куда ставить вещи, — спокойно сказал Ислам.

Сафият отправилась вслед за ним на крыльцо.

В 1893 году Ислам перевез в новый дом жену. Следом переехал в Теберду Кондратьев с женой. Рядом пустовала дача Кузовлева. В разных местах сооружались еще несколько особняков.

Сафият было трудно и непривычно одной без родственников, особенно без сестер — они были далеко. Но характер молодой женщины стал как-то мягче, она перестала скрытничать. Ислам радовался этим переменам, старался больше бывать вместе с женой, подолгу беседовал с ней.

Однако и о делах нельзя было забывать. Освоение Теберды как нового курорта требовало немало внимания. Ислам совершал поездки в другие селения, звал людей в Теберду. Он хорошо понимал, как здесь нужны школы, магазины, больницы. Ислам снова ездил, доказывал властям необходимость строительства подобных объектов. Самое большое значение он придавал медицинскому персоналу. Ведь речь шла о курорте, о лечении людей. А его в Теберде не было. В этих нелегких хлопотах самое активное участие принимал и Кондратьев.

Однажды Ислам пригласил к себе гостей. Особенно просил быть женщин. Когда гости уже собрались, хозяина почему-то еще не было. Жена сказала, что он скоро должен подъехать.

Гости собрались под деревьями, фотографировались, шутили, вспоминали всякие забавные случаи. Все уже устали ждать, когда раздался топот копыт.

Жена Ислама смотрела на дорогу. К их дому приближался фаэтон, там сидела женщина со светлым лицом и золотистыми волосами. Рядом на скамейке ле-

жали узлы, баулы, саквояжи. Чуть позади верхом ехал Ислам. Вид у него был торжественный.

Все присутствующие поспешили навстречу. Ислам соскочил с лошади, подошел к женщине и протянул ей руку.

Женщина окинула всех смущенным взглядом, протянула руку Исламу и сошла на землю.

— Благодарю вас. Здравствуйте, — поздоровалась она со всеми.

— Это Мария Александровна Некрасова, — представил Ислам свою спутницу. — Я украл ее у мужа. Наверно, он тоже скоро сюда приедет. Мария Александровна — акушерка, а ее муж — учитель. Я о них услышал в Баталпашинске. Хотел встретиться с мужем, но его все время не было дома. И вот тогда я похитил его жену. Прошу любить и жаловать.

Ислам познакомил Марию Александровну с гостями.

— А это, Мария Александровна, моя жена, Сафият. Она вас полюбит, я не сомневаюсь.

Ислам весело посмотрел на Сафият. Мария Александровна улыбнулась молодой хозяйке дома.

— Идемте в дом, я покажу вам вашу комнату. — Сафият говорила по-русски довольно хорошо, хотя и с заметным акцентом.

— Как вам дорога? Не устали?

— О нет, что вы?! Разве от красоты устаешь? — донеслось до Ислама.

— Ну, вы, Ислам, герой! — к нему подошел Кондратьев. — Как это вы ее уговорили?

— Это она меня уговорила, — засмеялся Ислам. — «Покажите мне Теберду и все!» Я с ними познакомился несколько дней тому назад. Они собирались ко мне погостить. А вот сегодня нагрязнул к ним, а муж в отъез-

де. Оставили ему записку. Если ей здесь понравится, может, и жить останутся в Теберде. Они недавно поженились, решили совершить путешествие по Кавказу. Хорошие люди. Они мне внушают доверие. Я радуюсь появлению в Теберде каждого нового человека...

— А тут не просто люди, а учитель и акушерка! — понимающе улыбнулся Кондратьев.

Вечером Ислам постучал в комнату, которую отвели госте.

Сафият и Мария сидели друг против друга и беседовали. Когда Ислам вошел, Сафият, извинившись, вышла. Мария проводила ее взглядом и сказала:

— Какая красивая и гордая у вас жена.

— Я рад, что она вам понравилась, — произнес Ислам. — Мы здесь живем недавно, и Сафият скучает. Мне кажется, что она очень рада знакомству с вами.

— Да, мы разговаривали весь вечер как хорошие подруги, — ответила гостя.

— Понимаете, Мария Александровна, я стал беспокоиться, как к вашему отъезду отнесется Николай Васильевич, — сказал Ислам.

— Вы не волнуйтесь, он очень хороший и все правильно поймет. Он даже язык ваш выучит, ему нравится это — изучать языки.

— Если он завтра утром не будет здесь, я поеду за ним. Вы поедете со мной?

— О, нет. Я подожду вас здесь в обществе вашей очаровательной жены.

Но ехать не пришлось. Утром у дома остановился экипаж. На втором этаже дернулась занавеска, хлопнула дверь, и послышался топот бегущих ног. Обгоняя Ислама, бежала Мария Александровна.

— Николай! Я здесь! Я знала, что ты меня найдешь! — и с разбегу бросилась мужу на шею.

Муж был заметно старше Марии Александровны. Он нежно обнял ее, ласково гладил по золотистым волосам. На них чуть удивленно смотрела Сафият, не привыкшая к столь откровенному проявлению чувств, и улыбалась светло и радостно.

Вечером вновь собрались друзья Ислама. Хозяин дома был в ударе. Он весело шутил, переходил от одной группы к другой. Но чаще всего оказывался рядом с Марией Александровной и Николаем Васильевичем. Какое-то уютное тепло исходило от них.

«Я завидую им. Они понимают друг друга с полувзгляда. Они единомышленники. Ах, если бы и у нас с Сафият стало так же. Какое это счастье», — думал он, глядя на них и наблюдая за своей женой.

К Исламу подошла Фатьма, протянула альбом.

— Напиши мне что-нибудь на память, Ислам.

— Давай!

Ислам задумался, потом стал писать.

— Вот, держи.

Фатьма взяла альбом, стала читать и смеяться.

— Читайте вслух. Что там такое веселое? — стали окружать их гости.

— Фатьма прочла сначала по-карачаевски. Мелодично, чуть гортанно звучал голос девушки. Иногда чтение прерывалось ее веселым смехом.

— Переведите же нам поскорее! — потребовали собравшиеся.

Фатьма скорчила забавную рожицу, лукаво улыбнулась.

— Слушайте же. Правда, в отдельных местах я затрудняюсь, как точно перевести. Очень специфические выражения.

— Говорите, мы поймем. Да и автор поможет, — сказал Николай Васильевич.

Фатьма стала переводить шутливые остроумные стихи. В них содержались советы молодой невестке, как вести себя, чтобы ею были довольны и свекор со свекровью, и муж, и золовки, и соседи. Надо быть скромной и работающей, уважать старших, любить мужа. Болтовня и пререкания не украшают женщину. Но несправедливые слова не следует проглатывать. В ответ на обиду можно быть жгучей, как редька.

— Вот такой, примерно, перевод,—закончила Фатьма. — Спасибо, Ислам!

— Слушайся старших!—шутливо улыбаясь, с нарочитой строгостью молвил Ислам.

— Милая девушка!—воскликнула жена Кондратьева.—Наверно, вы ее очень любите?

— Да, — она наша общая любимица, — сказал Ислам.

Вдруг Ислам пошатнулся. Лицо его стало белым, как лист альбома, что держала в руках Фатьма.

— Что с вами? Вы так побледнели, — испугалась Мария Александровна.

— Ничего, это иногда бывает, когда устаю. Я на время покину вас.

— Басханук! — позвал он младшего брата. — Побудь с гостями, я скоро вернусь.

Ислам вошел к себе в мастерскую. Трудно было дышать, кашель разрывал грудь.

— Ислам, опять? — в дверях стояла мать. Она была очень встревожена. — Может, ты приляжешь, а я выйду к гостям.

— Нет, мама, не волнуйся. Это же не первый раз. Сейчас я прилягу, выпью сосновой настойки, и все пройдет. Ты иди, не беспокойся, — он слабо улыбнулся.

Мать, немного постояв рядом, тихо вышла.

Ислам принял лекарство. Кашель утих, дышать стало легче. Ислам остановился у окна в раздумье, потом подошел к мольберту и сел на стул. Перед ним был рисунок карандашом — портрет Сафият. Она никогда не разрешала себя рисовать. В первые дни, месяцы она особенно не возражала, просто очень стеснялась, а потом стала отказываться позировать категорично, порой даже грубо. Ислам старался не обидеть жену резким словом, просил мать осторожно поговорить с ней, объяснить все. Гошаях, много испытывавшая и повидавшая в жизни женщина, старалась помочь Исламу в установлении добрых отношений в семье.

Перед мысленным взором Ислама возникли Николай Васильевич и Мария Александровна. «Вот настоящие супруги! — подумал Ислам и вздохнул. — Хоть бы Сафият подружилась с этой славной женщиной. Может, и у нас все наладится».

* * *

Петрусеви́ч сидел за столом, когда к нему в комнату вошли Ислам Крымшамхалов и местный богатей Тохтар Аков. «Странные обычаи у этих карачаевцев, — глядя на них, думал Петрусеви́ч. — Здесь, в горах, почитают не столько богатство, сколько происхождение. За примерами и ходить никуда не надо, вот он передо мной. Этот Аков богаче многих горских князей, у него несметное количество баранов, табуны лошадей, а вот на равных ему никогда не быть ни с одним даже из обедневших князей, да что там князей, просто свободных, или «узденей» — «благородных», как они сами говорят».

Петрусеви́ч не любил Тохтара Акова, но никогда не показывал ему этого. Раздражала его угодливость, показная готовность к послушанию. Но и прогнать его

он не смел: в незнакомых местах от таких людей есть и польза: они приносят массу информации.

Петрусеви́ч выхлопотал для нескольких семей разрешение на строительство домов. Получил разрешение и для Тохтара Акова.

— Я выполнил вашу просьбу, господа, — сказал Петрусеви́ч и посмотрел на посетителей поверх очков. За эту привычку горцы прозвали его «Зукку пристоп» — «Косой пристав».

Ислам сдержанно поблагодарил, слегка наклонив голову. А Тохтар Аков стал часто-часто подобострастно кланяться Петрусеви́чу.

— Мы так вам благодарны. Спасибо, мы никогда этого не забудем, мы всегда это будем помнить, — и стал, кланяясь, приближаться к столу. — Мы рады служить вам.

Петрусеви́ч поднялся из-за стола, ему было неловко.

Резко хлопнула дверь — это вышел из кабинета Ислам. Звук хлопнувшей двери как будто отрезвил Акова, и он оглянулся. Однако через секунду снова зачастил:

— Я благодарен вам, я всегда рад служить вам. Прошу прощения за беспокойство,— и, пятясь, шел к двери.

Петрусеви́ч подошел к открытому окну и крикнул:

— Уважасмый Исламбий, если не возражаете, мы сейчас и отправимся.

Ислам согласно кивнул головой.

Из окна Петрусеви́ч увидел такую картину. Ислам вскочил в седло, хотел уже трогаться, но, увидев Тохтара, спускавшегося со ступенек, направил лошадь на него. Аков попятился.

— Слушай, ты! Никогда, слышишь, никогда ни перед кем не становись на колени. Стыдись! Зачем про-

сишь новый дом? Те — семьи бедняков, а у тебя денег нет, что ли!? И не говори от имени народа или от моего имени. Ты понял?! — и, хлестнув Акова плетью, Ислам ускакал.

Из дома вышел Петрусеви́ч, сел на коня и вскоре присоединился к Исламу.

Петрусеви́ч и Ислам ехали в аул Карт-Джурт. Они специально отстали от остальной кавалькады, чтобы уединиться для беседы. Далеко впереди ехал Братков — атаман Баталшапинского округа — с солдатами.

— Скажите, Исламбий, как вы относитесь к сословным делениям?

— Отрицательно. В этом я — толстовец, полностью разделяю точку зрения Льва Николаевича Толстого. Все должны быть равны, все должны трудиться, учиться.

— Но это невозможно: сама природа создала нас неравными.

— При чем здесь природа?

— Я не точно выразился. Но социальное неравенство существует с древнейших времен. Мне же думается, что можно быть богатым, именитым и не быть жестоким, стремиться к прогрессу.

— А быть прогрессивным — это значит иметь совесть, стесняться, что ты богат, а другие лишены самого необходимого. Я стесняюсь, буквально страдаю от того, что многие мои соплеменники не имеют того, чем владею я.

— Но это не ваша вина...

— Да, вы правы. Так вот я хочу быть полезным своим землякам. Поэтому и ратую за просвещение горцев. Сейчас вот забочусь о создании курорта в Теберде.

— Да, ваша деятельность заслуживает быть отмеченной.

— Я это делаю не ради наград. Я этим живу, это мои убеждения.

— У вас много врагов.

— Еще больше друзей. Вы заметили: карачаевский народ очень склонен к образованию, а ведь без культуры нация не может состояться. Люди должны хранить и умножать культурные ценности своего народа.

— Скажите, а вот если б ваша дочь решила выйти замуж за неровню. Как бы вы отнеслись к этому?

— Неровню? Фамильную вы имеете в виду? Ну так вот, своей дочери я никогда бы не препятствовал, если ее избранник порядочен и честен, если у него есть любимое дело. А фамилии — не мы их раздавали. И потом, подобное деление очень вредит: нас и так мало, а тут еще дробление внутреннее. Я думаю, что наши дети это поймут. У народа должно быть единство. Единое мышление по самым узловым вопросам развития.

Некоторое время они ехали молча. Начал Петрусеви́ч.

— Как-то ко мне приходил Тохтар Аков, тот самый, с которым мы встречались сегодня... Жаловался, что часто, несмотря на свое огромное богатство, чувствует себя униженным по сравнению с представителями благородных фамилий. Все напирал на свое богатство... Спрашивал, что ему сделать, чтоб встать вровень с благородными....

Он замолчал.

— Ну, а вы? — спросил Ислам, не глядя на него.

Петрусеви́ч некоторое время изучающе смотрел на собеседника, потом продолжил.

— Я ответил, что о том равенстве, которое он имеет в виду, ему лично уже нечего мечтать... Все могут исправить его дети. Я посоветовал ему женить сыновей на девушках из благородного сословия. Вы думаете — это выход?

— Этого не надо делать специально, все исправится само.

— Вы идеалист, Ислам, а я практик, политик и убедился, что иногда только силой можно добиться результата.

— Да, я представляю, к каким последствиям может привести такая сила, — к нездоровым семьям, так как морально молодые будут очень разными, а их союз — насильственен. То, что вы предлагаете, даст хорошие результаты только в том случае, если будут упразднены сословия.

— Я уверен, что мое предложение только сплотит нацию. Я внимательно изучаю ваш народ и скажу так, что этим разделением очень удобно пользоваться в корыстных целях. Ваша земля слишком прекрасна, чтобы принадлежать только вам, в вашей истории могут быть драматические страницы из-за желания обладать ею. И послушайте, Ислам Пачаевич, ведь у вас сословные различия — это чистая фикция. Стереть их не составило бы большого труда. Вы не согласны? Ну, подумайте сами — этот Аков гораздо богаче вас, даже и не подсчитаешь, во сколько раз, а вы принадлежите к первой фамилии Карачая.

— Все это не так просто, как вы сейчас видите.

— У нас, например, никогда князь и крестьянин вместе рядом не пройдут, не сядут, не поговорят, а у вас простота нравов, даже в фольклоре есть этому подтверждение.

— В этом наша сила и загадка, — улыбнулся Ислам. — Мы — горцы, и чувство собственного достоинства у каждого из нас сильно развито. Мы можем много перетерпеть, но любой из нас не допустит оскорбления чести. Честь — лицо горца.

— Между прочим, — сказал Петрусевич, — сегодня я был невольным свидетелем, когда вы довольно

грубо обошлись с Аковым. Вы не опасаетесь мести за оскорбление чести?

— Ничтожество этот Тохтар... — поморщился Ислам. — И нет у него никакой чести...

Затянувшееся было молчание снова нарушил Петрусеви́ч.

— Я вот иногда задумывался о нашем абречестве. В абреках ведь можно встретить представителя любого сословия — тоже своего рода сословие. Между прочим, говорят, несколько лет назад в этом месте был оплот абреков. Теперь-то все стихло,— сказал Петрусеви́ч, оглядывая вершины.

— Не совсем,— донесся до него голос Исмаила.

Петрусеви́ч удивленно обернулся в его сторону и увидел прямо перед собой человека на коне. В руках он держал оружие. Лошадь была настороже. Мужчина и Ислам не сводили глаз друг с друга. Они заговорили по-карачаевски. Петрусеви́ч все понимал, но молчал.

— Салам алейкум, Крымшамхал улу.

— Алейкум ассалам, Канамат.

— Я убью его.

— Ты не сделаешь этого. Его смерть может принести нашему народу много горя.

Лошадь под мужчиной начала перебирать ногами. Мужчина медлил. Затем он убрал витовку и исчез за деревьями так же неожиданно, как появился.

— Кто это? — спросил Петрусеви́ч.

— Один из лучших охотников Северного Кавказа, — улыбнулся Ислам.

Глава XIV

Было раннее утро. Солнце еще не взошло. Дул свежий ветер. Ущелье в сумраке казалось мрачным и загадочным. Но постепенно вершины гор начали розо-

веть. Еще немного, и они вспыхнули, как грани алмаза. Солнечный свет озарил все вокруг. Магомету стало так хорошо на душе, как когда-то в юности, когда он имел столько планов, чистых и наивных.

Так рано его сюда пригласил Рамазан-эфенди. При воспоминании о нем лицо Магомета омрачилось. Он ненавидел этого старика, но не мог порвать с ним, боялся его коварства и подлости. Когда-то по неопытности и от ревности он принес своим друзьям страдания. Тогда он смалодушничал, не выдал им преступных планов эфенди. Вот и получается, вроде теперь они связаны одним арканом.

Хрустнула ветка. Магомет оглянулся и встретился взглядом с эфенди.

— Салам алейкум, племянник. Охо-хо, какой у тебя неприветливый взгляд.

Глаза самого Рамазана забегали по лицу стоящего напротив мужчины. Он долго рассматривал Магомета, потом выражение его лица стало жестким.

— Ну, вот что, хватит! Ты должен выбрать одно — быть со мной или с ним, — закончил он грубо.

Воцарилось тяжелое молчание.

— Ладно, говори, зачем звал? — не глядя на него, сказал Магомет.

— Ну, вот, так-то лучше. Ты бываешь в Теберде? Ну, не смотри ты такими глазами.

— Нет, — Магомет отвел глаза в сторону. — Давно там не был.

— Тебе надо туда переехать. Купишь землю, построишь дом, перевезешь семью. Ислам ничего не знает, обрадуется твоему приезду. И ты будешь мне сообщать обо всех его делах. А что надо будет делать потом, я скажу. Тебе надо как можно скорее туда переехать.

— Почему такая спешка?

— Потому, что он творит не угодные аллаху дела. Привез акушерку, учителя. Те ходят по домам, переписывают семьи, говорят людям, что эфенди и муллы — это обманщики и мошенники. Уже к уста-Марджанат никто не обращается. Эти русские, эти проклятые гяуры не глупы, язык наш изучают. Только нам не годится терпеть все это. Я сумею выжить их оттуда, мне только нужны там свои люди.

Магомет молчал.

— Не понимаю, что ты медлишь. До возвращения этого Ислама из России ты был первым среди всех, и Дудовы тебя отличали. А приехал Крымшамхалов, и ты стал ходить за ним восторженной тенью. Вот и потерял свое будущее. Невесту у тебя увели. Дороги ваши разошлись. Я тебя предупреждал.

— Ладно, хватит об этом. Я поеду в Теберду, а ты уходи сейчас от меня. — Магомет встал со ствола, на котором сидел, и пошел по еле заметной тропинке, не простившись с Рамазаном.

Внизу грохотала, бурлила река, в узких местах она щедро обливала камни, расплескивая радужные брызги. Магомет отошел от пропасти, свернул в сторону, и сразу его окутала тишина. Но на душе покоя не было.

* * *

Вечером Ислам постучался к Некрасовым. Дверь ему открыл Николай Васильевич. Он был в накинутом на плечи пиджаке и в руках держал карандаш.

— А, входите, входите. Всегда рад вам.

— Простите, может, я не вовремя.

— Ну, что вы. Мы ложимся поздно. Столько впечатлений за день, работа. Спать некогда, Ислам Пачаевич. Хочется подумать, почитать.

— Я рад за вас. А где Мария Александровна?

— У Хубиевых роженица. Она там.

— Она у вас молодец. Устает?

— Конечно, устает. Но знаете, что я скажу. Мы счастливы. Я вот долго боялся жениться. Знаете ли, не всегда в жене находишь друга. Но мне очень повезло. Потом у нас интересная работа. Она нас вдохновляет. Мы просто влюблены в ваш край, в ваших людей. Такая душевность, доверчивость. — Николай Васильевич перескакивал с одной темы на другую, видно было, что он рад приходу гостя. — Доверчивыми бывают те, кто не умеет обманывать и воровать. Правда, ведь?

— Да, но иногда ее используют в других целях, — проговорил Ислам.

— Случается, но постепенно все меньше будет такого, — уверенно сказал хозяин. — Может, чаю? Я, знаете ли, очень вкусно его завариваю.

Учитель ушел в другую комнату. Ислам огляделся, он давно не был тут. Супруги занимали две небольшие комнатки. На другой половине была аптека, где Маша держала все медикаменты и лекарственные травы. Она собирала растения, изучала народные рецепты, дотошно выпрашивая их у стариков и старух.

— Да, что я говорил? — сказал, входя, Николай Васильевич. — Мы с Машей познакомились в Узбекистане. Там очень любят чай. Я обязательно научу вас его заваривать. Вы передадите рецепт Сафият.

Разговаривая, он налил чай в чашки, пригласил к столу Ислама. Сдвинул бумаги.

— Пиште что-нибудь?

— Да, мы с Машей решили заняться языком. Говорить-то мы уже говорим. Маша считает, что именно знание карачаевского языка сближает ее с пациен-

тами. У вас есть такая поговорка: человек сначала должен знать материнский язык — родной, а потом братский. Я думаю, что для вас братья — это русские. Вот здесь,— он показал на бумаги,— я пытаюсь составить алфавит, используя русскую азбуку. Правда, это не очень удобно — в русском языке нет некоторых звуков, характерных для вашего языка. Но если договориться, что сочетания букв будут означать определенные звуки, то получается совсем неплохо. Вот смотрите. Я думаю, чтобы передать носовое «н» надо писать «нг», и все.

— Да, но тогда самостоятельно язык будет невозможно изучить, надо договориться о транскрипциях, а это сложно. Я читал, что даже англичане хотят для себя сделать новый алфавит. А латинский вы не пробовали? Знаете, очень удобно, хорошо запоминается.— И Ислам вопросительно посмотрел на Николая Васильевича.

— Латинский? А, ведь, это мысль...— Он задумался.— Но, знаете ли, мне кажется, что детям горцев сейчас очень нужен русский язык, а мой алфавит приближает именно к русскому языку.

Николай Васильевич снова налил чай.

— Ислам Пачаевич! А почему у вас нет детей? — совсем неожиданно спросил он.

Ислам промолчал.

— Простите, я понимаю, это бестактно, но Маша так хочет сделать вам и вашей жене приятное, только и говорит о вас и вашей жене. Она интересуется этим как медик...

— То, что вы здесь оба делаете, необходимо моему народу, вы уже доставили нам приятное. А детей... Детей, наверное, у нас не будет. Сафият рождает, но дети вскоре умирают или рождаются мертвыми.

— А вы возили ее куда-нибудь? Показывали хорошим врачам?

— Она не хочет выезжать куда-либо.

— Да, говорят, она у вас с характером. А у нас детей вообще не будет. Это, к сожалению, диагноз медицины. Но мы хотим взять ребенка, да... Вот Маша у Хубиевых. У женщины это будет одиннадцатый ребенок, муж недавно погиб в горах, ей трудно... За Машу уже другие женщины просили, в общем, она согласна. Женщина эта.

— Я смотрю на вас и завидую, какие вы счастливые. А моя жена не хочет приемыша, хочет только своего ребенка.

— Надо надеяться. Вы еще молоды. Я скажу Маше, чтоб она чаще заглядывала к вашей Сафият.

— Да, Мария Александровна единственная женщина, в обществе которой Сафият хорошо. В основном, она у меня сидит дома, рукодельничает.

В дверь постучали. Николай Васильевич пошел к двери, через некоторое время вернулся вместе с подростком. Увидев Ислама, мальчик поздоровался с ним.

— Говори, с какой вестью.

Мальчишка был серьезен.

— Мария Александровна просила передать, что родился мальчик. Все хорошо. Завтра приедут. Женщины дали мальчику имя Таулан.

«Сын гор», — машинально перевел Николай Васильевич и засуетился. — Какая радость, какая радость! Подожди, юноша, подожди. Что же тебе подарить? — бросил взгляд на книжные полки и вытащил оттуда большой альбом.

— Вот, — сказал он, бережно поглаживая его руками. — Это моя любимая книга. Когда я был молодым, родители повезли меня в Париж, я посетил Лувр.

Здесь прекрасные картины. Когда я был чуть старше, чем ты, я любил смотреть эту книгу. Смотри и ты. Учись! Держи!— и Николай Васильевич протянул подарок.

Мальчик бережно прижал альбом к груди.

— Ну, я пойду. Что передать Марии Александровне? — глаза его сияли.

— Скажи, что я, что мы очень рады и завтра придем за ними.

— Скажи, что мы пошлем за ними подводу и все, что нужно, — сказал Ислам.

— Спасибо, Ислам Пачаевич.

Когда Николай Васильевич, проводив мальчика, вернулся в комнату, Ислам сидел, задумавшись, за столом. Увидев счастливого хозяина, он тоже улыбнулся.

— Знаете, я хочу вам что-то показать. Это уже из Машиной библиотеки. Раньше я этого не делал, а теперь можно...

Пройдя к полкам, он вытащил большую книгу «Искусство», нарядно и красочно оформленную.

— Вот, читайте! — Учитель открыл обложку, наверху было написано:

К тебе, еще не рожденному мною,
Переполнено сердце любовью...

— Тогда Маша еще не знала, что у нас не будет детей, — говорил Николай Васильевич.

— Теперь в вашем доме будет звенеть детский голос. Я рад за вас, — произнес Ислам.

Он простился с Николаем Васильевичем, пообещав зайти вместе с Сафией, когда вернется Маша.

Ислам шел в ночи домой, и в голове стучали строки:

К тебе, еще не рожденному мною,
Переполнено сердце любовью...

...Торопится, бежит время. Вот уже и зима пожаловала — снежная, морозная.

Маша закончила обязательное посещение женщин поселка. Она торопилась в свой маленький домик, где ее ждали черноглазый карапуз Таулан и серьезный, весь в новых заботах Николай Васильевич.

Маша бежала за своей тенью. Она с удовольствием шла прямо на опущенные снегом ветви. Сыпался сверкающий, казавшийся невесомым снег, опускаясь на плечи, на пушистую шапочку, связанную матерью Таулана. Маша запела. В чистом, солнечном воздухе ее голос был слышен особенно отчетливо.

«Ого, здесь уже поселились, пойду проведаю и познакомлюсь заодно», — решила молодая женщина и остановилась у нового дома. Она поднялась на крыльцо и постучала. Ей никто не ответил. То же самое повторилось, когда она постучала второй раз. «Кажется, в доме кто-то есть, может, не слышат», — и Маша решительно толкнула дверь. В темном коридоре было холодно и неуютно, как обычно случается, когда хозяева еще окончательно не переедут, не наведут порядок. Около одной из дверей она услышала мужские голоса. Разговаривали двое.

— Ну и чего ты добился? — произнес один. — Мои люди помогли тебе избавиться от Таукоз. Но появилась Карма. Ты слышал ее песни? Почему ты такой злой, эфенди?

— Много ты болтать стал, — прозвучал старческий, с хрипотцой голос. — Смотри, как бы не пришлось укоротить тебе язык...

Маше стало страшно. Она хотела побыстрее уйти, но в темноте что-то уронила. Разговор прекратился и сразу же отворилась дверь. За дверью стоял красивый

мужчина с холодными глазами, а в глубине комнаты на тахте сидел старик.

— А, доктор Маша, прошу, прошу, — старик неожиданно проворно устремился к ней, приглашая ее присесть.

Этот чуть хриплый голос Маша слышала, стоя в коридоре. Женщина оглянулась. Мужчина прикрыл дверь и остался стоять позади нее. Маша прошла и села на единственный стул, на нем, должно быть, сидел молодой мужчина.

— А откуда вы меня знаете? Я вас не знаю.

— Я знаю про все и про всех в наших горах. Как Николай Васильевич? Как его здоровье? — быстро спрашивал старик, бегая глазами по ее лицу.

— Хорошо, благодарю вас. Он здоров.

— А как сынишка? Не болеет?

— Нет, благодарю вас.

— А как ваши дела? Не трудно работать?

— Нет, я...

Маша не успевала ответить на один вопрос, как странный старик задавал уже другой.

— Домой не тянет? Все-таки здесь суровая природа.

— Наш дом теперь здесь.

— Я думаю, что скоро вам у нас надоеет. Русским лучше в России.

— Я хотела...

— А как Ислам Пачаевич? Он бывает у вас? — быстро перебил ее настырный собеседник.

— Да.

— Передайте ему привет. И часто он бывает у вас?

— А мы ходим друг к другу в гости. Правда, его жена сейчас не совсем здорова, так что я навещаю ее.

— Больна? А что с ней? — оживился старик.

— Она ждет ребенка. Я и к вам пришла, чтобы познакомиться с вашей женой или с вашей невесткой.

Мужчина, что стоял позади нее, отвернулся и прошел к окну.

— Вот его жена у родителей, в Карт-Джурте, — сказал старик. — Ей ваша помощь вряд ли понадобится. Мы наслышаны о вашей сердечности, но наши женщины чаще привыкли обходиться без врача. Зачем вас беспокоить?..

— Ну, извините. До свидания, — и Маша решительно направилась к двери.

Ей вдруг стало душно. Молодой мужчина молча открыл ей дверь. Как только она вышла на крыльцо, он закрыл дверь. Маша не сразу смогла закрепить лыжи и сердито оттолкнулась палками, торопясь быстрее отойти подальше от этого неприветливого дома.

— Мария Александровна, Мария Александровна! Да вас не догонишь. Что это с вами? — к ней приближался Кодратьев.

— Холодно очень, замерзла.

— Да? А мне почему-то кажется, что сегодня довольно тепло. Солнце как сияет...

— Вы не знаете, кто живет вон в том доме?

— Нет, не знаю. Дом недавно достроили, и я еще не видел новоселов. Надо будет поинтересоваться у Ислама Пачаевича. Если вы не против, я провожу вас.

...Сафният ждала ребенка. Ислам радовался и очень тревожился. Надежда сменялась печалью. Он очень беспокоился о жене, не знал, как помочь ей, чем утешить в трудных переживаниях.

Чем ближе было время родов, тем больше нервничала Сафният. Замкнутая, необщительная и раньше, теперь она совсем ушла в себя.

Услышав шаги, Ислам понял, что Сафият остановилась за дверью. Он подождал, но она не входила.

Ислам встал, отложил кисти и открыл дверь.

— Заходи, зачем таишься?

Сафият вошла в комнату, остановилась у дверей. В мастерской она бывала крайне редко и обычно ничего здесь не рассматривала. Скажет, что ей нужно, и сразу же уйдет.

Настроение ее часто и резко менялось. Исламу показалось, что глаза у нее покраснели, видимо, недавно плакала. Он ждал и боялся предстоящего разговора.

— Я хочу поехать к отцу,— сказала Сафият, не глядя на него.

— Сейчас, в твоем положении, это опасно. Потом, ведь Мария Александровна здесь, она в любую минуту может тебе понадобиться.

— А мне хочется. Я боюсь...

— Милая моя, чего ты боишься? Мы все рядом.

— У вас у всех свои дела. Вы полгода были в Москве, а мне одной здесь все время страшно.

— Но ты же сама не захотела поехать со мной. Мы могли бы там быть вместе.

— Зачем вам это рисование, зачем надо учиться, будто вы ребенок? Займитесь тем, чем занимаются все мусульмане. Рисовать картинки — не мужское занятие. Это говорят все мои родные. Даже аллах против вас. Уже второй раз уезжаете из Москвы больным. А все потому, что вы нарушаете заветы аллаха!.. — она все распалась.

— Не волнуйся, Сафият, я отвезу тебя в Хурзук, — как можно спокойнее сказал Ислам и сел перед мольбертом, думая, что она уйдет.

— Что это? Опять вы меня рисуете? Зачем? Вы хотите, чтобы я умерла? Здесь же я мертвая! Похожая, а души нет моей, нет души, нет!

Сафият схватила нож, лежащий на тумбочке, и стала полосовать им по полотну.

Испугавшись, что она может навредить себе, он выхватил у нее нож и откинул в сторону. Увидев ее жалкой и беззащитной, с болью и нежностью обнял за плечи и притянул к себе.

— Ох! Скорей бы! Я так устала. Сама измучилась и вас мучаю. Отвезите меня к матери, — плакала она.

Ислам гладил Сафият по плечу и смотрел на разорванные куски ее лица на холсте...

* * *

Ислам и Магомет встретились на улице. Остановились друг против друга.

— Здравствуй, — Ислам протянул ему руку.

— Здравствуй, — ответил Магомет.

«Какое вялое пожатие, что это с ним?» — подумал Ислам, а вслух спросил: — Говорят, ты долго болел, ездил на курорт?

Магомет не ответил.

— Пойдем ко мне, я сейчас один. Сафият гостит у родителей. Посидим, вспомним юность. Были ведь друзьями, а потом как-то отдалились друг от друга. Пойдем.

— У меня сейчас дела, я приду попозже, — тихо, как бы неохотно проговорил Магомет.

— Ну, ладно, не стану тебя задерживать. Приходи, как освободишься, — и Ислам пошел к дому.

Пройдя несколько метров, Ислам оглянулся и увидел Магомета, неподвижно стоящего на месте. Высокий, в черном квадрате бурки, он очень живописно смотрелся на белом снегу. «А ведь он до меня сватал Сафият, — вдруг подумал Ислам, — но почему-то ему отказали. Может, им было бы хорошо вдвоем?»

Тревога о Сафият не покидала Ислама. Он ничем не мог заняться, все мысли были об одном. «Надо ехать в Хурзук. Что я здесь томлюсь?» — подумал вдруг и ощутил сразу облегчение.

Вечером Ислам сидел перед камином и смотрел, как пляшет огонь над поленьями. Чуткое ухо уловило шаги постороннего. «Магомет», — обрадовался он, шагнул к двери и, прежде чем раздался стук, открыл ее.

— А, это вы, Николай Васильевич? Проходите. Я вот сижу у камина и вспоминаю детство. Я помню, что мама любила сидеть у огня и держать меня на коленях. Я помню, что нам было очень хорошо вдвоем. Проходите, проходите.

— Вы извините за ночной визит, уже поздно, я боялся, что вы уже легли отдыхать, но заметил свет в окне и потому пришел. Меня послала Мария Александровна. Она считает, что вы опрометчиво поступили, отпустив супругу в такую даль, ведь у нее подходят сроки. Мария Николаевна хочет немедленно ехать в Хурзук к вашей жене. Она через полчаса будет готова. Вы соберите с ней также свою сестру, пусть вместе поедут.

— Хорошо, я сейчас, а вы Таулана несите к нам, мама посмотрит.

— Нет, он обычно ночью хорошо спит, не стоит его тревожить. Если мне будет трудно, я лучше утром попрошу помощи.

— Скажите Марии Александровне, что мы заедем за ней. Я уж было сам решил ехать, но теперь останусь в Карт-Джурте, а женщин отправим в Хурзук. Я очень рад, что Мария Александровна будет рядом с Сафият.

...Когда женщины подъехали к дому, уже смерка-

лось. Во дворе толпились люди. Из открытой двери Маша слышала:

— Как я развязываю свой пояс, да будет так же развязана твоя поясница, — говорила повивальная бабка, известная под именем Марджанат. Мария Александровна много слышала о ней.

Женщины, сидящие в глубине комнаты, закивали головами, зашептали. Сафият негромко стонала. Марджанат взбила подушку, из-под которой показались кинжал и шило, положенные туда против злых духов. Над головою бабка привесила чесалку для шерсти, «чтобы дьявол не посмел подходить близко и не заменил мальчика девочкой».

Мать Сафият молча и недружелюбно наблюдала за действиями Марджанат. «Кого уж выбирать тут, лишь бы ребенок здоровенький да живой был, — думала она про себя. — Бедняжка Сафият, хоть бы все у нее хорошо обошлось...»

Пятые сутки мучилась Сафият. Она устала уже и кричать и стонать, и только просила слабым голосом:

— Оставьте меня, не трогайте, дайте мне умереть.

Вдруг Сафият застонала, закричала громко:

— Мария! Где же ты, Мария...

Матери сделалось страшно, жалость к дочери захлестнула сердце. «О, аллах, помоги, сотвори чудо, дай ей радости и покоя!» — молилась она про себя.

— Сарай, выйди, к тебе приехали, — позвали ее женщины на улицу.

Измученная женщина вышла из душной комнаты. Уже почти стемнело. Луна, показавшаяся из-под крыши, поползла по ее краю вверх. Темные вершины занимали полнеба. И если бы не люди впереди нее, мать, наверно, испугалась бы этих огромных каменных глыб, словно нависших над головами.

— Сарай, это доктор Мария, она приехала специально помочь нашей невестке, — узнала женщина голос Фатмы.

— Добрый вечер, — поздоровалась Мария по-карачаевски и заговорила строго и властно:— Где Сафият? Проведите меня к ней. И скажите, чтобы принесли побольше чистой горячей и холодной воды.

— О, моя девочка, какая ты умница. Такая молодая и такая мудрая, идем за мной, — и Сарай торопливо пошла впереди.

— Здесь очень душно. Прошу всех женщин выйти из комнаты. Побыстрее. Побыстрее, пожалуйста. А вы не уходите, — попросила она Марджанат, которая и не собиралась этого делать. — Вы, я знаю, имеете большой опыт, мне очень понадобится ваша помощь...

Женщины, которые еще не успели выйти, слышали эти слова, и польщенная Марджанат, постепенно теряющая свою власть над ними, гордо выпрямилась и приготовилась помогать этой красивой и воспитанной женщине.

— Сафият, Сафият, ты узнаешь меня? Сафият, милая, открой глаза. Это я, Мария. Вот, молодец, узнала! А теперь слушай внимательно...

Через час послышался громкий крик младенца.

— Родилась девочка. Поздравляю вас с внучной.

Мария Александровна обняла плачущую от счастья Сарай.

...Сафият с девочкой, которую называли Мариам, через два месяца привезли в Теберду. Девочка была крупная и неожиданно голубоглазая, с пушистыми светлыми волосиками. Все родственники в основном были черноволосы и черноглазы, а эта малышка была не похожа ни на кого.

— Она похожа на вас, Маша, наша добрая фея,— сказала Сафият.

Ислам с первого взгляда привязался к ребенку. Он хотел, чтобы Сафият кормила девочку сама. Но из Хурзука вместе с ними приехала кормилица, и Сафият, боясь нарушить приказ родителей и не желая обидеть добрую женщину, разрешила ей кормить девочку. Мариам сделали «дуа»¹ от сглаза, потому что не было никого, кто не обратил бы на девочку внимания.

После стольких лет ожидания ребенка Сафият была счастлива. Ее словно подменили. Радостная улыбка озаряла лицо. Радость материнства преобразила женщину.

Когда ранним утром Ислам вошел к ней в комнату, Сафият сидела еще раздетая в постели, держа на руках ребенка. Она смутилась, успев блеснуть счастливыми глазами.

— Не смотрите, мне стыдно.

— Это не стыдно, это прекрасно,— шепотом сказал Ислам.

Он наклонился, обнял жену за плечи и почувствовал, как Сафият доверчиво приникла головой к его руке.

«Может, эта малая крохотуля принесет счастье в наш дом. Я никого так сильно не любил. Как увидел— так сразу и полюбил», — думал, легко сбегая по ступенькам, счастливый Ислам...

Глава XV

В Теберду приехал известный геолог Иван Васильевич Мушкетов. Он остановился на даче Кузовлева. В тот же день он пригласил к себе Ислама, Султана

¹ Д у а — талисман.

Байчорова и Нану Семенова. Присутствовала также группа специалистов-изыскателей.

— Господа, господа, прошу чуточку внимания! Ваше путешествие начинается под счастливой звездой: вас будет сопровождать лучший знаток Карачая, князь Крымшамхалов, и его мужественные друзья — Султан Байчоров и Нану Семенов. Вы приехали делать важное дело, необходимое России и Кавказу. Пусть туннель через горы станет дорогой мира, дорогой добрых отношений между многими народами великой России, — сказал Анатолий Дмитриевич Кондратьев.

Мужская компания сидела за столом. В центре внимания был профессор Мушкетов, который приехал с целью ознакомления с горными породами на трассе, по которой должна пройти будущая дорога. Был он немногословен и сдержан. Большой знаток геологии, Мушкетов обладал энциклопедическими знаниями и богатым жизненным опытом. Он возглавлял изыскательскую экспедицию. В нее сразу же профессор включил горных инженеров Алексеева и Кондратьева, работавших ранее на руднике «Эльбрус». Алексеев сам попросил допустить его к участию в экспедиции, на что Мушкетов сразу дал согласие.

Еще набивался в попутчики некий фон Мунк. Однако профессору нужны были люди дела, а не искатели приключений, и потому он ему отказал.

Фон Мунк производил двойственное впечатление: с одной стороны, блестящий молодой человек, с прекрасными внешними данными, остроумный и находчивый, а с другой — крайне невыдержанный, дерзкий в обращении, способный любого вывести из равновесия. Иногда казалось, что он специально ставит людей в неловкое положение, чтобы наблюдать, к чему это приведет. Зачем и к кому он приехал — было непонятно, а спра-

шивать — неловко. У него было много денег, и он вел себя независимо, шутя говорил, что приехал за невестой-горянкой.

— Господа, — сказал профессор Мушкетов, — я хочу поблагодарить вас всех за то участие и внимание к нашей работе, которое заметил с вашей стороны. За те несколько дней, что мы провели в Баталпашинской, на руднике «Эльбрус» и здесь, в Теберде, я успел немного узнать вас. В странствиях хороши верные друзья. О значении экспедиции говорить не буду, это известно каждому. Подробные задания все получают накануне отправки. Я верю в успех нашего предприятия, господа!

Когда мужчины встали из-за стола, к Мушкетову подошел фон Мунк.

— Я хочу вас попросить об одной услуге.

— Я слушаю вас.

— Я повторяюсь, но еще раз прошу взять меня с собой.

Мушкетов молчал.

— Я хочу проверить себя. Вы хорошо сказали — только в преодолении трудностей есть возможность познать себя. Вот и проверю, кто из нас выше, я или горы, мне это важно знать.

— Боюсь, что сравнение будет не в вашу пользу... Ну, хорошо, собирайтесь, только запомните: в группе у нас строжайшая дисциплина.

Не ожидая ответа и не посмотрев на фон Мунка, Мушкетов подошел к Кондратьеву и Исламу.

Когда на следующий день профессор Мушкетов появился возле дома Крымшамхалова, он застал Ислама на открытой веранде за мольбертом.

— Князь, даже не верится, что вы не учились рисованию, — говорил Мушкетов, рассматривая рисунки. —

Просто удивительно легкая рука. У меня набралось уже солидное количество ваших работ, так и хочется собрать все в книгу. Прекрасный альбом получится.

Ислам протянул профессору рисунок.

— Вот сейчас закончил. Это вам на память о сегодняшнем дне.

Мушкетов взял рисунок, молча разглядывал, потом положил в толстую папку, предварительно сделав надпись.

— Вы работы свои подписываете? — неожиданно спросил он.

— А зачем? Здесь пока я один рисую, и все это знают.

— А вы подписывайте. Знаете, всякое бывает. Так вот, о делах. Мы с Кондратьевым и Алексеевым наметили план. Завтра вы пойдете в сторону главного ледника до гребня хребта, это около 10000 футов, точнее, 9863. Солтан отправится по боковому леднику с правой стороны до гребня перевала на Птыш, высота там 10500 футов. С вами, конечно, будут наши изыскатели. А я с Алексеевым, Хельмицким и Нану пойдем до нижнего конца Главного хребта. Потом обобщим все наши записи, плюс ваши зарисовки и сделаем общее описание ледниковой области верховья Домбай-Ульгена. Да, а фон Мунка оставим здесь. Дело есть дело. Он только мешать будет. Они сегодня пошли с Солтаном. Я боюсь, что деликатный Солтан только из уважения к гостю терпит его наглую болтовню...

— Я на Солтана надеюсь, как на самого себя. Не бойтесь, профессор, он не спустит его с высоты, не волнуйтесь, — улыбнулся Ислам.

— Идемте к палаткам, Нану, Алексеев и Хельмицкий ждут нас, — Мушкетов посмотрел на часы, — да и Солтану уже пора спуститься.

Ислам сложил эскизы, краски, уголь, закрыл мольберт. Они пошли по направлению к палатке, около которой темнели мужские силуэты.

— Кажется, и Солтан там, — взглядываясь вдаль, профессор стал осторожно спускаться вниз.

Ислам шел сзади него и часто поглядывал на поляну и людей около палатки. Вон тот в стороне—это Солтан, он что-то возбужденно говорил стоящим напротив него мужчинам. Непроизвольно Ислам сосчитал их—четверо. А где же пятый? Кто он? Кажется, Мунк.

Мужчины внизу тоже заметили их и проявляли нетерпение. Двое из них направились навстречу. Солтан и Нану остались у палатки.

— Иван Васильевич, Ислам Пачаевич, спешите вниз, скорее — Мунк пропал!

— Что, Мунк? — Мушкетов обернулся к Исламу. зачем-то снял очки и близоруко прищурился.

— Давайте поторопимся.

Ислам поровнялся с профессором и пошел чуть быстрее.

— Солтан говорит, что Мунк ушел от него часа два назад и к нему не вернулся. Здесь он тоже не появлялся.

Все были взволнованны и растеряны.

— Не волнуйтесь, господа, он обязательно найдется, — поспешил успокоить их Ислам и направился к Солтану и Нану.

— Говори, что произошло между вами? — быстро спросил он Солтана. Тот пожал плечами.

— Он хотел идти на вершину Белала-Кая, я не пустил.

Ислам внимательно посмотрел на Солтана.

— Ислам, я все понимаю.. Я не трогал его, только сказал, что нельзя. Еще напомнил, что у него нет очков.

— И давно он ушел?

— Еще утром.

Ислам и Солтан одновременно посмотрели на гору. Белала-Кая, невозмутимо величаясь, возвышалась над ними.

— Ну, что ж, пойдем.

Солтан кивнул головой. Ислам вынес из палатки веревку, фонарик, топор, очки.

— Здесь останется Нану, — распорядился Ислам.— Нет, профессор, мы пойдем вдвоем. Постараемся до темноты вернуться.

И он решительно двинулся вперед. За ним Солтан.

...Ислам и Солтан шли вверх уже несколько часов. Снег слепил даже сквозь очки. Они торопились, не позволяя себе даже короткого отдыха.

— Солтан, если пойти чуть вправо, там должна быть небольшая хижина альпинистов, иди туда. Если он там, выстрелишь один раз, если его нет — выстрелишь подряд два раза. Я сделаю то же. Я пойду вперед — это единственная тропа наверх. Мунк плохой ходок — он выберет известное, наиболее легкое.

Солтан молча выслушал и стал спускаться к чуть видневшейся вдаль хижине.

Ислам пошел в другом направлении. Ноги вязли в снегу, подниматься вверх становилось все труднее. Ислам шел, считая шаги. Ему казалось, что так быстрее сокращается путь. Зорко осматривал все вокруг. Но его окружала только белая молчаливая пустота. В бинокль тоже ничего не было заметно. Пройдя еще несколько шагов, Ислам снова приставил бинокль к глазам. В двухстах шагах он заметил странный белый комок. Пошел быстрее. Еще не дойдя до него, понял, что

это Мунк — замерзший и испуганный. Ислам перевернул его, фон Мунк был неподвижен, словно мертвец, но Ислам уловил дыхание. Он стал растирать его, хлестать по щекам. Раздалось два выстрела. Ислам дал в воздух один выстрел, уверенный в том, что Солтан пойдет ему навстречу. От звука выстрела фон Мунк с трудом раскрыл глаза, потом что-то пробормотал. Ислам взвалил его на плечи, но фон Мунк стал неуклюже, растягивая ноги и руки, бить его по спине. Ислам остановился, поставил мужчину перед собой.

— Что, хотите идти сами?

Фон Мунк напряг лицо, сился что-то сказать.

— Нам надо торопиться, а то скоро стемнеет, тогда пропадем здесь, — крикнул Ислам почти в ухо Мунку.

— Та-а-ам англичанин... Эмс, — с трудом выдавил из себя фон Мунк и неуклюже повалился в снег.

Ислам выстрелил еще раз и пошел наверх.

Фамилия Эмса была ему знакома. Это был английский альпинист, женатый на дальней родственнице русского ученого Максима Ковалевского. А Ковалевский как-то приезжал в эти места с экспедицией, гостил у Исмаила Урусбиева. Тогда в горах шел дождь, и русские путешественники отдыхали в Урусбиево несколько дней. Был тогда с ними и Эмс. Тогда его в горах чуть не снесло потоком. И вот еще одна неудача.

Ислам видел следы Эмса и шел по ним, наступая прямо в углубления на снегу. Внезапно следы пропали. Ислам остановился в задумчивости, огляделся. Вокруг — ничего, кроме девственно чистого, сверкающего снега. Он поднял ногу и не успел ее еще поставить, как почувствовал, что скользит. Ислам мгновенно сосредоточился и, оттолкнувшись назад, упал на спину. Снег обвалился и почти прямо перед собой Ислам увидел Эмса. Он стоял на краешке обрыва. Сесть там бы-

ло никак нельзя, вероятно, альпинист стоял так уже давно. Лицо у него было напряженным и очень бледным.

Ислам лег на живот, проверяя руками крепость площадки перед собой, отполз чуть в сторону.

— Хеллоу, мистер Эмс, — крикнул он, собирая в одну руку веревку.

— Хеллоу, мистер... — англичанин сохранял или делал вид, что сохраняет чисто английское спокойствие.

— Мы с вами знакомы. Не хотите ли поздороваться со мною за руку? — пошутил Ислам, взяв моток веревки.

— О, с большим удовольствием, — чопорный англичанин был серьезен и невозмутим.

— Я сейчас брошу вам веревку, обвяжитесь ею, — и Ислам кинул веревку.

Мужчина не шевельнулся.

— Что же вы, мистер Эмс?

— Я уронил очки, — и альпинист пальцем показал вниз, в пропасть. Он ничего не видел.

— Тогда делайте то, что я вам скажу, — Ислам продвинулся по снегу ближе к нему. — Сейчас справа от вас будет веревка. Я брошу ее. Поднимите руку и ждите. Вот так. Теперь обвяжитесь веревкой и слушайте, что я буду говорить.

Ислам отполз назад, отыскал выступ, чтобы можно было упереться, и осторожно вернулся на прежнее место.

— Мистер Эмс, повернитесь очень осторожно на 180 градусов и стойте. Я сейчас отползу. Как только вы почувствуете, что веревка натягивается, хватайтесь крепче за нее руками и помогайте себе ногами, отталкиваясь от стены. Я буду тянуть вверх. Вы поняли?

— Да, мистер...

Ислам и себя обвязал этой же веревкой, дополз до выступа и встал, упершись крепко ногами, потянул веревку. Он увидел, как все выше поднимается шапочка мистера Эмса. Но тут Ислам упал, его потянуло вниз. Дело в том, что мистер Эмс вовремя не сумел оттолкнуться от стенки, его закрутило. Через какое-то время Ислам остановился, ледоруб застрял между щелями каменного выступа.

— Держитесь, мистер Эмс.

— Бросьте меня. Я ничего не вижу. Бросьте, — выкрикивал глухо из бездонной ямы англичанин.

— Перестаньте болтать, — отрезал Ислам и стал осторожно подтягиваться за ледоруб, кажется, он застрял прочно. Ислам вновь встал на прежнее место. Вдохнув глубоко, снова стал тянуть веревку, выпуская на снег ее удлиняющийся конец.

Опять показалась шапочка, потом одна кисть руки, потом лицо с закрытыми глазами. Скоро Эмс уже стоял рядом с Исламом.

— Кто вы? Кого я должен благодарить за свое спасение? — спросил Эмс.

— Меня зовут Ислам Тебердичи, мистер Эмс, — пожал ему руку Ислам.

Ислам тяжело брел по снегу. За ним, держась за веревку, шел мистер Эмс. Фон Муика Ислам нес на спине. Ислам смотрел под ноги, и только когда Солтап заслонил ему дорогу, он остановился.

— Ты устал, Ислам, теперь я понесу.

Наутро незадачливых альпинистов отправили в Баталпашинскую. Мужчины шумно обсуждали происшествие.

— Если б они заблудились даже на Эльбрусе, вы

бы и туда пошли? — допытывался Мушкетов у Ислама и Солтана.

Горцы молчали.

— Откуда в вас такая уверенность, сила? Вот так рисковать ради чужих...

— Они гости. И потом, разве есть русский, живущий у Волги, который не умел бы плавать? Так нет и горца, не знающего гор, — спокойно сказал Ислам.

...Изыскательская экспедиция планомерно и настойчиво продолжала свою работу. Проводилось исследование трассы будущей дороги. Изучался профиль местности, почвы, растительность. Бесконечные обмеры, топографические съемки местности, различные анализы.

Как известно, главная трудность прокладки дорог в горах — это умелый обход ущелий, бурных рек, крутых шиков. При этом будущий путь должен быть кратчайшим, лишенным слишком крутых спусков и подъемов, утомительных серпантинов. Задачи сложнее! Они требовали глубоких знаний, сноровки, точного расчета.

Вот почему с утра группы исследователей отправлялись на трассу. Люди работали много, упорно, увлеченно. Одновременно под руководством профессора материал обобщался, систематизировался.

Работы длились свыше полутора месяцев. Наконец они были завершены. Можно было расслабиться, позволить себе отдых.

В те дни Ислам, отвлекшись от всего, рисовал. Он давно не работал так легко, с упоением. Кругом было тихо. Царил покой. О, если бы в человеческих отношениях всегда была такая же гармония... Красота — источник радости и вдохновения.

— Как здесь прекрасно! — вдруг услышал Ислам.

Оглянувшись, он увидел Мушкетова. Ученый стоял позади него, с восхищением оглядывая горную панораму, открывшуюся перед ним.

Некоторое время они оба молчали, охваченные единым чувством очарования природой.

— Теперь я понимаю, — тихо сказал Мушкетов, — почему в горах так много поэтов. Тут невозможно не стать художником. Люди, которые живут, окруженные такой красотой, сами становятся прекрасными. А может, природа, красота и есть божественное? Не религия, а природа?

Ислам улыбнулся. Он всегда радовался, если хвалили или восхищались его родиной. Он проникался к этим людям каким-то особенным, нежным отношением.

— Знаете, скажу откровенно, — продолжал Мушкетов, — я немало путешествовал, видел много стран и людей, и порою с каким-то снисхождением, свысока думал о туземцах. А сейчас мне стыдно за эти мысли. Как многого я не замечал... Здесь у меня словно глаза открылись. И это благодаря вам, Исламбий. Если б мои сыновья были похожи на вас... Простите, я заговорился. Там, внизу, небольшой пикник затевается. Пока идут приготовления, я решил найти вас... Пойдемте. Там фон Мунк в ударе. Он поправился и приехал опять. Назойливый субъект.

Ислам удивленно посмотрел на него.

— А в чем дело?

— Как? Вы ничего не знаете? Он женится на горянке, полон высокомерия... Удивительно неприятная личность. Боюсь, что Солтан все-таки спустит его с гор... — И они оба рассмеялись. — Пойдемте ж. Все ждут вас.

Мушкетов стал осторожно спускаться вниз по тропинке. Ислам собрал кисти, краски, сложил мольберт, стульчик и тоже стал спускаться вниз.

Все уже сидели вокруг импровизированного стола. Это были ученые, инженеры — серьезные, увлеченные люди. Один только фон Мунк держался как-то обособленно, старался выделиться своими шутками, остроумиями — весьма примитивными, а порой грубыми и циничными.

— Господа, господа, прошу внимания! Князь, вы усаживайтесь рядом со мной. — Мушкетов подвинулся, освобождая место Исламу. — Так, так, я тамада. Прошу внимания! Первый тост я предлагаю за успех нашего дела. Пусть та дорога, которой мы дадим жизнь, соединит этот прекрасный край и его прекрасных людей с Россией!

— Соединит хотя бы с культурой! — съязвил фон Мунк и опрокинул рюмку в рот.

— Я его сброшу с горы сегодня. Он мне надоел, — тихо сказал Солтан по-карачаевски, наклонившись к Исламу.

Так как после слов фон Мунка установилась тишина, то фраза Солтана была отчетливо слышна всем.

— Что вы сказали, господин Солтан? — повернулся к нему фон Мунк.

— Я сказал, что у нас очень культурные люди, — подчеркивая слово «очень» и выразительно посмотрев на фон Мунка, произнес Солтан.

— Говорят, вы решили похитить горянку? — обратился к фон Мунку Алексеев, желая разрядить обстановку. — Господа, предлагаю тост за невесту господина фон Мунка — княжну Бий-Асланову!

Мужчины подняли бокалы, а фон Мунк, подмигнув Солтану, сказал, нагло усмехнувшись:

— Вот так пропадают малые нации.

Ислам и Солтан переглянулись. Солтан встал, но прежде, чем он что-либо успел сделать, по лицу фон

Мунка уже сбежали струи шампанского. Фон Мунк вскочил. Поднялся и Ислам, выплеснувший содержимое своего бокала в лицо фон Мунку. Между ними оказался встревоженный Мушкетов.

— Вы, фон, фон!.. — от волнения не смог вспомнить его фамилию. — Мне стыдно за вас!

— Успокойтесь, господа, успокойтесь. Эти горы слышали и не такое. Но они стояли, стоят и будут стоять. Народ, что живет здесь, был, есть и будет. Давайте за это выпьем. Тамада, простите, я нарушил обычай. — Солтан наполнил бокалы.

Фон Мунк попытался что-то возразить, но на него никто не обращал внимания.

Возвращались домой всей группой на лошадях. Шутили. Смеялись. С фон Мунком только никто не говорил. Он ехал один, вдали от всех, молчал всю дорогу. Когда подъехали к дому Ислама, уже начало смеркаться, горы приблизились к дому, будто воины на страже.

— Прошу, господа, в дом.

Ислам спешился. Мужчины стали подходить к крыльцу. Фон Мунк неожиданно споткнулся, чуть не упал. К нему никто не подошел. Один Ислам, подхватив его под руки, сказал:

— Вот, видите, господин фон Мунк, на той земле, которую вы не цените, вам невозможно даже устоять на ногах.

Глава XVI

В 1895 году Ислам народ избрал общекарачаевским доверенным лицом. Годом позже такой же чести удостоился Ахмат Байрамуков, бывший к тому же старшиной аула Хурзук. Они имели право представлять свой народ на съездах, участвовать в рассмотре-

нии различными инстанциями споров, жалоб горцев, вопросов небольшого благоустройства территории.

Однако доверенные Крымшамхалов и Байрамуков гораздо шире понимали свои обязанности, свой долг перед земляками. Друзья с энтузиазмом принялись за дело. Они энергично добивались от властей средств на строительство дорог, мостов, домов. Особо заботились об открытии школ. По инициативе Ислама и Ахмата и при их самом деятельном участии в ауле Учкулан была даже создана первая горская школа для девочек. Они сами искали учителей для вновь открытых школ, стараясь подобрать самых знающих и опытных педагогов.

Стремление быть полезными своему народу, как можно больше сделать для его просвещения, улучшения условий жизни руководило помыслами друзей.

В это время в Карачай дошли слухи о предполагаемой земельной реформе. Эта идея взбудоражила доверенных Карачая.

— Слушай, Ислам, — восклицал Ахмат, — я давно об этом думаю. Несколько богатеев имеют огромные пространства земель. Часть этих земель они даже не обрабатывают. И это в горах — где каждый клочок земли на вес золота! А сколько у нас горцев, которые совсем не имеют земли! Они бедствуют, не знают, как прокормить семьи. Вот надо и забрать излишки земли у того, кто ее очень много нахватал.

— Ты говоришь правильно, — поддержал друга Ислам. — Только надо все хорошо обдумать. Я написал в Ставрополь. Коста обещал через газету помочь, писал в Петербург о наших неурядицах — ответа все нет.

— Я, наверное, съезжу в Тифлис, буду добиваться чтобы меня принял наместник Кавказа,—решил Ахмат.

Ислам глубоко задумался. Наконец он нарушил молчание:

— Наверно, ты прав, надо самим начинать. Только, смотри, не горячись, Ахмат, а то с нами быстро считаются. Всех, кто будет недоволен, — мы знаем, с ними надо быть осторожными. А мы и те, кто нас поддерживает, должны быть вместе. Нельзя рубить сплеча. Давай с завтрашнего дня поедем по аулам, выступим на сходах, поговорим с людьми.

...Народу на сход собралось очень много. Слух о том, что выступать будут общественные доверенные Карачая — Ислам Крымшамхалов и Ахмат Байрамуков, облетел аул в одно мгновение. Все люди собрались перед управлением. Мужчины, старые и молодые, князья и крестьяне — все стояли и с нетерпением ожидали начала выступления своих представителей. Нетерпение возрастало.

— Давай, Ислам, начинай, — обернулся Ахмат к нему.

Ислам вышел в круг.

— Джамагат! Братья мои! Мысли о лучшей доле для каждого из вас привели нас сюда. И мы хотим поделиться ими с вами. Когда создавали школу, вы поняли нас и помогли в ее строительстве. И сейчас, я хорошо знаю, вы хотите открыть у себя здесь новые школы, нам радостно видеть это. И мы в меру сил своих постараемся вам помочь. Ведь неграмотные люди — это глина, которая может попасть в руки любого человека, как хорошего, так и плохого. Вы стали с охотой направлять детей в школу — это очень хорошо. А сегодня мы к вам пришли с разговором о земле. Вы знаете, что несколько семей у нас владеют сотнями десятин земли, они не успевают ее даже всю обрабатывать, многие угодыя пустуют. А некоторые жители аула вла-

деют лишь жалкими клочками земли или даже не имеют ничего. Мы говорим сейчас только об излишках земли, о тех участках, которые не обрабатываются. Я понимаю, что трудно отказаться от того, к чему привык. Но зачем земля пустует, когда может прокормить несколько дворов вашего аула? Мы не торопим никого и никому не разрешим самовольно отбирать земли. Даем неделю срока. Кто согласен, пусть придет сюда же и скажет Ахмату свое слово. Если же найдутся такие, кто совсем не захочет отдавать излишки земли для справедливого раздела карачаевской общиной, то тот должен будет обязательно платить налог. Раньше князья не платили налога за владение землей, они были освобождены от этого. Теперь же все будет справедливо. Владельцы земли делятся на пять категорий: первая — княжеская — будет платить больше всех, а последняя — малоимущая категория — от уплаты налогов вообще освобождается.

Гул нарастал среди собравшихся, будто разом зашевелился улей. Доносилось: «Наконец-то!» «Эй, Ахмат, молодец, живи долго! Спасибо, Ислам!»

От толпы отделились и стали уходить недовольные. Первым шагал разгневанный Мырзакул Дудов. Ахмат проводил их насмешливым взглядом и громко заговорил, чтобы слышали все:

— Некоторым правда колет глаза, — стекла пенсне поблескивали на солнце, — пусть они пойдут домой и промоют глаза от пелены жадности. А через неделю снова соберем сход.

Когда возвращались со схода, Ислам был озабочен и даже встревожен.

— Может, надо было сперва поговорить с князьями. Видишь, как они сразу ожесточились, — задумчиво произнес Ислам.

— Твой тесть первым убежал, — усмехнулся Ахмат.

— Не понимаю я все же этой алчности. Сам не обрабатывает землю, но не смей ее трогать. «Мос» — и все тут...

— Да, Ислам, ты им как кость в горле. Сам отказался от своих земель. Думаешь, они одобряют это? А тут речь о их богатстве...

— Все равно дело идет к тому, что какой-то порядок здесь, видимо, будет наведен. Но как бы мы не поторопились...

До слуха друзей донеслись ребячьи голоса. Но на улице никого не было видно.

Ахмат подошел к забору, заглянул во двор, прислушался. Потом поманил Ислама. Приложил палец к губам.

— Тихо, а то ничего не услышишь. Вот сюда иди. Смотри отсюда, тут лучше видно.

Ислам приник к щели. Да так и застыл. Он увидел много ребят, человек 25—30, которые, сидя на корточках, смотрели на двоих подростков напротив. У одного из них на носу была самодельная из проволоки очковая оправа без стекол. Он говорил:

— Все должны быть равны. Все должны хорошо жить, не должно быть ни богатых, ни бедных. У кого добра много — тот должен и больше отдавать, у кого ничего нет, что он может дать? Правильно я говорю?

— Правильно, Ахмат! Говори дальше, — кричали возбужденные мальчишки.

— Сейчас будет говорить Ислам Атлы.

Ислам поразился. Атлы, так звали его самого в народе, что означает — всадник, приносящий радость.

— Для того, чтобы мы хорошо и правильно жили, надо много знать, надо учиться, — начал свою речь

другой подросток. — Мы построим в нашем ауле хорошие школы. Взяв знания, надо вернуться домой и все, что знаешь, отдать своему народу. Потому что только знания делают человека мудрым и сильным...

— Ну, как? — Ахмат толкнул Ислама в бок. — Есть смена? Это они тебя и меня копируют. Если из них хоть один получит хорошие знания и отдаст их на благо народа, значит, мы не зря жили, а, Ислам?

Ислам, потрясенный, молчал. Сразу стало легко на душе. Ахмат улыбался. Он потянул друга от забора.

— А меня как изобразили, в очках, — засмеялся Ахмат.

— Кто эти ребяташки?

— Здешние, аульские. Многих я знаю. Хорошие джигиты растут. В общем, пора нам школы новые открывать! Ты видишь, сколько их, жаждущих?

— Будем добиваться. То, что сейчас намечают власти, нас не устраивает.

Ислам говорил спокойно, а выражение восторга еще долго держалось на его лице.

...Наступило время сенокоса. Ислам вместе с другими мужчинами участвовал в косовице. Физическая работа всегда доставляла ему удовольствие. Нравилась дружная согласованность косарей, запахи трав. Красивая картина!

Несколько мужчин в белых рубашках навывпуск, равномерно взмахивая косами, спускаются шаг за шагом по зеленой долине. Ислам мысленно представлял эту картину как бы со стороны, и хотелось перенести ее на полотно. А пока весело звенели косы, словно подзадоривая друг друга. «А ну еще, еще, еще...»

После работы мужчины устраивали отдых. Это был не просто досуг для каждого в отдельности. Карачаевцы, как работали вместе, так и отдыхали сообща. Ра-

зыгрывалась занятная игра. На время ее действия любой из коллектива мог стать исполнителем роли, отданной ему распорядителем представления и его помощником — бегеулом. Это древняя любимая игра карачаевцев и балкарцев. Сколько прошло лет — она не стареет, всегда притягивает к себе, увлекает.

Высоко в горах работали косари и Ислам вместе с ними. Он решил побыть немного здесь, поработать физически. Сафият в последнее время что-то начала капризничать. Зная ее скрытность и замкнутость, Ислам не стал затевать разговора, выяснять отношения. Он боялся как-то неосторожно нарушить то, что с таким трудом восстанавливалось в доме маленькой Мариам. Решил уйти в горы на несколько дней, чтобы все утихло.

Во главе косарей стоит тамада — самый главный и старший среди всех. Кроме тамады, коллектив выбирает его заместителя — бегеула — самого выносливого, сильного, который должен руководить всеми операциями косьбы. Тамада является почетным руководителем, а бегеул — деловым. Вдобавок, последний должен обладать фантазией, хорошо танцевать, петь, быть находчивым и остроумным, словом, являться душой коллектива.

В свободное от работы время бегеул надевает на себя маску козла, называемую «теке-берк». На этой маске имеются рога, белая борода (его поэтому иногда величают аксакалом — белобородым.). Отверстия для глаз в маске обшивают красным материалом, а сбоку на маску пришивают козлиные уши, приготовленные из войлока. Сзади к штанам прикрепляется хвостик, на ноги — копыта. Каждый элемент одеяния имеет свое смысловое значение. Хвостик означает, что бегеул не лишен хитрости, бубенчики на шапке, звенящие при ходьбе, — то, что он любит подарки, палка в руках —

то, что он любит, чтобы его слушались, а копыта — то, что он быстро бегает, и вряд ли кто от него убежит.

Во время косовицы человек, который выполняет роль бегеула, становится полновластным главой коллектива косарей. Он и работает наравне с ними, и обеспечивает им хорошее настроение. Все должны его называть бегеул¹, его маску — ханской короной, плеть — шелковой бахромой.

Заметив отстающего, косарь надевает маску, подходит к нему, начинает блять и фыркать, как козел, брыкаться и бодаться. Значит, надо подтянуться, догонять товарищей.

Как правило, одного из коллектива назначают поваром. Он освобожден от косьбы. В его обязанности входит приготовление пищи для косарей. Хлеб он печет, как обычно, накануне вечером. Ночью бегеул всегда пытается украсть у него хлеб. Повар, прекрасно зная об этом, должен быть настороже. И тем не менее утром он, как правило, недосчитывается лепешек и спешит доложить об этом тамаде...

Ислам рисовал косарей, одновременно наблюдая за действиями бегеула, и смеялся от души над его проделками и шутками.

— Кто-то ночью украл у меня лепешки,— жаловался повар тамаде.

— У нас нет воров! — насккивал на него бегеул, замахиваясь плетью.

Повар шутливо закрывался руками и прятался за тамаду. Присутствующие смеялись. Бегеул, чувствуя поддержку, исполнял пантомиму, в которой намекал, что, быть может, лепешки съел сам повар. Тот пытался оправдаться, но бегеул камчой отпугивал его. Рассерженный тамада, с грозным видом поднявшись со сво-

¹ Бегеул — богатырь.

его места, вынимает сложенный потник седла, раскрывает его, будто страницы книги, и читает:

— Повара Манафа Текеева за халатное отношение к своим обязанностям и ложные подозрения на своих товарищей наказать обедом за свой счет для всех косарей.

Повар, понутив голову, отходит, бегеул торжественно вскакивает на своего «коня» — палку, взмахивает плетью и паезжает на хохочущих косарей, а те, смеясь, восхваляют атрибуты бегеула.

— Вот это скакун! Это же Гемуда!¹ Равных ему нет на всем Кавказе!

— А бахрома? Шелковая-шелковая,— угодничает кто-то.

— Что ты, это не бахрома — это волшебная лента, — усердствуют косари.

Но бегеул уже далеко. Заметив всадника, он бежит ему навстречу. Всадник стоит неподвижно, сурово. «Строгий какой», — подумал Ислам, опуская глаза на мольберт. — Но ничего, бегеул ему покажет».

Скачет, прыгает вокруг незнакомца бегеул. Косари нетерпеливо ждут его...

Бегеул уже мчится назад.

— На, Исламбий, тебе письмо тут из дому, — слышится его приглушенный голос из-под маски.

Ислам берет в руки письмо и улыбается, думает что его разыгрывают, что спектакль продолжается.

— Там написано, что тебе надо спуститься домой,— слышит он тревожный голос бегеула.

Торопливо читает письмо Ислам. На лице его тревога и страдание.

Вскоре притихшие мужчины смотрели вслед удаляющемуся Исламу. Все тише становится цокот копыт.

— Хороший человек Ислам, — сказал кто-то.

¹ Гемуда — имя волшебного коня из нартских сказаний.

Все молчали. Игра прекратилась.

— Случилось что-нибудь, почему так быстро он уехал?— повернулся тамада к бегеулу.

— Дочка умирает, — сказал тот, стягивая маску с лица.

...Мать, стоя напротив сидящей Сафият, выговаривала ей:

— У тебя отцовский характер. Недобрая ты, суровая. Отцу еще куда ни шло, а ты женщина. Если ты каждый раз после ссоры с мужем будешь уходить к нам, а мы возвращать тебя — будет тебе плохая цена. Разведенная дочь — это позор. Какая хорошая невестка придет после этого в наш дом, а у тебя несколько неженатых братьев. Ребенку только девять месяцев, а ты уже четыре раза побывала дома. Ты подумай, что твоё нетерпение, неумение прощать плохо сказывается на здоровье детей. То, что они долго не живут или рождаются мертвыми,— это неспроста. Аллах наказывает тебя за твой плохой характер.

Тут заплакала девочка. Мать подошла к ней. Потрогала ее лобик.

— Горит. Второй день горит. Ну, ничего, это, наверное, зубки режутся.

Она размотала пеленки и освободила девочке руки. Ребенок сразу засунул кулачок в ротик и стал сильно тереть десну. У Сафият выступили слезы на глазах.

Мать внимательно посмотрела на нее.

— Не вздумай вызывать докторов, они ее сразу решат положить в больницу. У ребенка просто поздние зубки, они болят сильнее.

Она еще раз взглянула на девочку:

— О аллах, какая красивая. Ни на кого не похожая. Все черные и у них в роду и у нас. Говорят, у Крымшамхаловых свапских князей Дадашкеллиани есть

кровь — те были светлые и голубоглазые. Наверно, в них уродилась моя внученька.

Мать вышла. Сафият знала, что мать права, но почему-то в ее сердце был холодный осадок от материнских слов. Сафият привыкла, чтобы сю восхищались. Любое замечание, недовольство ее всегда ранили.

Позавчера она снова ушла из дома. Чуть раньше уехал в горы Ислам. Они уже в который раз поссорились.

Ислам был очень привязан к дочке. Как только приезжал, сразу шел к люльке и играл с нею. Играл долго. И такой у него был счастливый вид, что Сафият становилось тесно в груди. Она ревновала.

Да, все окружающие думали, что она очень холодная, высокомерная женщина, а никто не знал ее души. Она любила Ислама. Он редко бывал дома. Она ходила по двору с равнодушным взглядом, но, оставшись в комнате, где ее никто не мог видеть, прислушивалась к каждому стуку, каждому шороху, ждала его, скупала. Она не умела быть искренней, откровенной.

Когда Ислам обращался к Сафият с ласковыми словами, она сразу как-то замыкалась, становилась суровой и неприступной. Отдаляли ее от мужа и бесконечные ехидные нашептывания родственников, не любивших его.

В течение нескольких лет после замужества у Сафият не было детей. Мариам единственная девочка, которая так долго живет. «О аллах, крости, что я говорю», — Сафият позвала кормилицу, и та осторожно взяла ребенка на руки. Девочка жадно начала сосать грудь.

Сафият вышла в другую комнату. Она чувствовала: ничто в жизни не имело для нее столько смысла, не давало столько радости и душевных сил, сколько одно желание просто смотреть на эту девочку.

Оставшись одна с дочкой, она принималась горячо целовать ее. Малышка ей улыбалась. Однажды Ислам ее застал в такие минуты. Он любовался этой прелестной картиной. Сафият не успела прийти в себя, она продолжала лежать и улыбаться растерянно.

— Знаешь, почему я не хочу, чтобы ты уходила? Я знаю, что ты вот такая, как сейчас.— И вышел из комнаты.

После этого дня Сафият стеснялась Ислама, но была ласкова, как никогда раньше и как никогда потом.

— Княгиня! — в комнату вбежала испуганная кормилица. — Девочку опять рвет...

Перепуганная Сафият бросилась в соседнюю комнату. Девочку рвало фонтаном.

— Беги за матерью.

Кормилица выбежала за дверь. Девочка заходилась от крика, лицо ее пылало.

...Когда Ислам соскочил со взмыленного коня, ни дома, ни во дворе никого не оказалось. Пусто, сиротливо было вокруг.

— Эй, есть тут кто-нибудь? — крикнул Ислам и ударил плетью по ступенькам.

Через некоторое время в окне показалась притихшая Фатьма. Ислам быстро направился к дому, рванул дверь на себя. Сестра растерялась, она никогда не видела его таким сердитым и взволнованным.

— Что произошло? Почему никого нет?

— Все поехали за Мариам, — Фатьма заплакала и опустилась на пол, — она утром умерла в Баталпашинской.

...На похоронах Мариам было много людей. Обычно маленьким детям делают скромные похороны. Но к Исламу пришло много людей, они уважали его, признавали, как велика скорбь и боль этого человека.

Пришел даже Магомет. Он жил в Теберде давнѐ, но еще ни разу не навѐстил Ислама. Был здесь и Рамазан-эфенди, стоял недалеко от Магомета. Их часто видят вместе. Казалось бы, что может связывать Магомета с этим лукавым стариком? «Родственники, может, поэтому?» — сам себя спросил Ислам, но сердце подсказывало, что все это не так, что-то есть нездоровое в их общении.

После смерти Мариам Ислам и Сафият стали более терпимыми друг к другу, но и более отчужденными. Когда они видели друг друга, то сразу вспоминали дочку и Сафият начинала плакать. Ислам как мог успокаивал ее. Когда жена, уставшая и измученная от рыданий, замолкала, Ислам выходил из дома, садился на лошадь и уезжал.

Кисти он не брал в руки — не мог. Часами сидел где-нибудь на вершине горы или у реки, углублялся в свои мысли, которые, словно картинки из толстой книги, сменяли друг друга.

Вот и сейчас удрученный и опустошенный Ислам медленно шел по горной тропе. Ему вдруг захотелось обернуться. Перед ним стояла Таукоз.

- Здравствуй, ты давно здесь?
- Я шла следом за тобой.
- И как я этого не почувствовал?
- Я старалась не смотреть в твою сторону, — тихо ответила Таукоз.
- Совсем вернулась?
- Нет, я должна уезжать завтра утром. Приехала потому, что узнала о твоем горе.
- Пишешь?
- Не часто, но пишу.
- Почему не часто?

Она пожала плечами.

— Не пора еще? — спросил Ислам.

— Наверно, нет. А ты слышал, как поет Карма?

— Да, слышал. Ревнуешь?

— Нет, я рада.

— Вечером Карма будет петь. Хочешь, пойдем вместе послушать ее?

— Очень хочу. Спасибо тебе.

Вечером горел большой костер. Огромные языки пламени извивались, поднимались высоко, будто старались жарко лизнуть горы. Темные вершины казались в ночи огромными великанами с большими склонившимися к людям головами. Они были величавы и неподвижны, будто очарованные голосом, доносившимся от огня на земле.

Пела женщина. Она пела, закрыв глаза. Отсветы пламени плясали на ее некрасивом, покрытом оспинками лице. Голос был глубок и чарующ, он улетал высоко в небо. Женщина была в белом платье и платке, отчетливо выделяясь на черном фоне ночи.

— Оказывается, можно полюбить женщину, влюбившись только в голос. Как она прекрасна! — прошептал Исмаил Акбаев.

Певница стояла у костра, и казалось, что этот непокорный бушующий демон огня стелется у ее ног, преклоняясь и сдаваясь на ее милость. Что может быть сильнее красоты? Как хорошо сидеть вот так, закрыв глаза, и слушать чарующий голос, подчиняясь его власти и обаянию. Разве можно объяснить притяжение красоты? Да и нужно ли объяснять? Прекрасно — и все...

Умолкли чарующие звуки. Женщина отступила в тень, прислонилась к дереву. К ней подошла Таукоз.

— Ты часто поешь, Карма?

— Нет, когда попросят, и обычно ночью. Я некрасивая,— смутилась она.

— Ты — прекрасная! — Таукоз не могла сдержать чувств. — Я приехала из Тифлиса к Исламу выразить ему соболезнование в его горе, а он меня отблагодарил твоим пением. Я никогда не забуду этот вечер. Спасибо тебе! Береги себя. Пой на радость людям.

— Спасибо тебе. А кто ты?

— Я? Таукоз.

— Я знаю тебя, — улыбнулась Карма. Потом попросила: — Возвращайся домой. Странствие делает нас тоньше, а признание — счастливей. Делай нас счастливыми. Я хочу, чтобы мои дети слышали и знали тебя. Пойдем.

Карма встала, взяла за руку Таукоз.

— А сколько детей у тебя? — спросила Таукоз, следуя за ней.

— Десять. Я и сейчас жду ребенка, — просто сказала она.

Таукоз посмотрела восхищенно на Карму.

— Мы, горянки, должны много иметь детей. Хороших людей должно быть больше, — пошутила женщина.

Таукоз молчала.

— Ты лучше меня, Таукоз. Я пою то, что слышу. А ты сама сочиняешь прекрасные песни.

— Но твой голос неподражаем. Не зря у тебя такое имя — Карма — ослепительная. Я обязательно вернусь, чтобы еще раз услышать тебя, Карма.

Женщины ушли. Группа мужчин еще сидела у костра. Они молчали, очарованные необыкновенным голосом Кармы.

Кондратьев позвал Ислама.

— Исламбей, я вспомнил ночь, когда впервые уви-

дел Таукоз, — сказал он, глядя в сторону, куда ушли женщины. — Знаете, кто держал передо мною пылающий факел там, у горящего коша? Магомет.

Ислам повернулся к нему. Отражение костра в глазах Кондратьева выросло в большой огонь, бушевавший над кошем Исмаила Акбаева.

— Вы уверены?

— Да. Я не мог ошибиться. Я узнал его в день похорои вашей дочки.

Ислам опустил голову и задумался. Молчал и Исмаил. Остальные мужчины не слушали их разговор, они тихо беседовали между собой, иногда вороша обгоревшие поленья.

Прошло три месяца.

Дома Ислама встретила злая и раздраженная Сафият. Она нервно ходила по комнате, на щеках ее горели красные пятна.

— Вы несправимы. Такое горе. Умерла наша девочка, а вы совсем не бываете дома.

— Что случилось? — перебил жену Ислам.

— Отец приходил. Он очень обижен и расстроен. Долго ждал, так и не дождался вас.

— И что он сказал?

— Он просил вас приехать в Хурзук. Люди говорят, что Ахмат Байрамуков силой забирает земли у наших.

— У кого? — Ислам уже поднимался по лестнице, но остановился.

— У князей, — выпрямилась гордо Сафият.

...Ислам гнал лошадь изо всех сил. Он уже знал, что опоздал. Ахмат вместе со своим помощником Махаем Каракетовым устроил на правах старшины самосуд: разогнал взбунтовавшихся князей, а зачинщика Мырзакула Дудова — тестя Ислама — избил. Князья написали жалобу.

Ислам спешил, чтобы успеть встретиться с Ахматом. Потерять своего единомышленника — вот так неожиданно и глупо — от этой мысли он приходил в отчаяние. Задумано сделать так много добрых дел: открыть школы, повезти устроить на учебу нескольких одаренных детей, открыть женские курсы по медицине, развести сады в Теберде, построить мосты. Да, хорошие это планы, но теперь надо было спасать Ахмата.

В Хурзук Ислам приехал ночью и сразу направился к дому Ахмата. Светилось единственное окошко. «Постучу ему», — решил Ислам и направил лошадь к окну. И в этот момент раздался цокот копыт, утихавший в ночи. «Кто-то у него был», — подумал Ислам и заглянул в окошко.

Ахмат сидел в задумчивости, склонившись над листами бумаги. Тусклая лампа слабо освещала полки с книгами. Блеснуло пенсне, и Ахмат невидящими глазами смотрел некоторое время на Ислама.

— Ахмат! — тихо позвал его Ислам.

Услышав знакомый голос, Ахмат обрадовался, вскочил и бросился к двери.

— Кто у тебя был? — спросил, входя, Ислам.

— Никого. Ко мне никого не пускают, — ответил Ахмат, отводя глаза в сторону.

— От твоего дома кто-то уехал.

— Да? А я думал, что мне кажется, будто кто-то на меня смотрит через окно, — и Ахмат внимательно поглядел на Ислама.

— Я только сейчас подъехал.

— Странно.

— Ну, рассказывай... — Ислам сел на свободный стул.

А в это же время в другом доме тоже шел решительный разговор. Рамазан-эфенди, Магомет, Мырзакул

обсуждали план мести Исламу и его друзьям. Ярость Мырзакула была непередаваема. Он считал Ислама главным виновником оскорбления своей чести.

— Я даже на похороны его не пойду, будь он проклят вместе со своим Ахматом, — зло сверкнул глазами Мырзакул.

— Тихо, — остановил его Рамазан-эфенди. — С Ахматом сейчас будет покончено, выстрел даст нам знать об этом. А вот над твоим зятем стоит подумать. Его надо убрать тихо и незаметно. Может быть, несчастный случай? И все. Иначе народ всех нас сотрет в порошок.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Мырзакул.

— Я думаю, что тебе, Магомет, да, тебе, надо будет постараться привести его в условленное место.

— Я не хожу к нему.

— Я не тороплю тебя. Побывай у него в гостях. В его доме всегда много друзей, приезжие обычно останавливаются, так среди людей вы и привыкнете снова к присутствию друг друга.

— Мне кажется, что русский инженер узнал меня, — Магомет смотрел прямо в глаза Рамазану. — Там, на похоронах... Он так смотрел на меня..

— А ты с него и начни, — вкрадчиво начал старик. — Может, ты зря испугался.

— Кто-то идет!

Мужчины разом оглянулись на дверь. Она бесшумно отворилась, на пороге стоял Канадат, бледный и страшный. Он молча приблизился к Рамазану-эфенди. Тот, улыбаясь, встал. Поднялись и остальные мужчины.

Канадат, не сводя взора с эфенди, с размаху бросил ему в лицо пачку денег. Тот, кривя рот, зажмурился.

— Стоять! Перестреляю, как собак! — крикнул Канамат.

Никто не шевелился. Открыв глаза, Рамазан-эфенди растерянно смотрел на Канамата.

— Если ты не оставишь Манафа в покое, будешь иметь дело со мной,—пригрозил тот.

И они пристально посмотрели один на другого.

— Не ищи меня больше. Я сам тебя найду, когда надо будет! — с этими словами Канамат вышел.

— Плебей! — выругался Рамазан-эфенди, когда хлопнулась за ним дверь.

— Как осмелели эти люди! — Мырзакул, ища поддержки, повернулся к мужчинам, но те угрюмо молчали.

...По жалобе князей Ахмата Байрамукова сняли с должности старшины. Друзья очень тяжело переживали это событие. Сам Ахмат ничего не говорил, но Солтан Байчоров не успокаивался: «Мы поспешили, — говорил он, — вот и наломали дров». Он уехал в Ставрополь, там при большой должности находился один из соплеменников, и Солтан уговорил Ислама и Ильяса, брата Ахмата, поехать к нему на прием. Ильяс все ворчал: «Зачем, он сам сидит там и дрожит, как будто не знаете, кого туда берут?»

Товарищи с нетерпением ждали их. Вернулись они невеселые.

— Ну, что же вы молчите, рассказывайте! — первым не выдержал Ахмат. Ислам махнул рукой и молча сел на стул.

— Солтан! Ильяс!

— Ну, приехали мы. Обрадовался. «Дорогие гости» называл. Зачем приехали, не спрашивал. Ну, мы начали спрашивать его о житье-бытье. И, представляете, стал нам жаловаться, как ему трудно выбиться,

потому, что там, на родине, у нас, значит, одно земельное волнение за другим. А начальство знает, говорит, что это мои соплеменники, мне неудобно, даже стыдно...

Солтан замолчал.

— Ну, а дальше, дальше что? — разволновался Ахмат.

— Только он сказал так, как Ильяс встал и сказал, что, мол, пойдем, Солтан, делать нам здесь нечего. И вышел, хлопнув дверью. Я тоже поднялся. Он все извинялся, у меня никакого авторитета здесь, вот если б вы вели себя потише, говорит. Хотел я ему дать в морду, да Ислам удержал.

— Да разве туда возьмут смелого человека? Там нужны молчаливые да послушные, чтобы спина была гибкая. Властям так удобно,— сказал Ильяс.

— Зато для нормальных отношений между людьми — преступно. Народ должны представлять лучшие сыны и дочери — справедливые, гуманные, честные,— говорил Ислам с болью, страдая от бессилия.

Глава XVII

По всей Теберде разнеслась весть о том, что в середине апреля каждая семья должна посадить у своего дома не менее трех деревьев. Накануне во многих домах побывал Ислам, разъяснял пользу этого дела. Люди встречали его приветливо, одобряли задуманное, рассказывали, кто какие деревья решил посадить.

С утра в Теберде, для благоустройства которой Ислам так много сделал, было оживленно, празднично. Повсюду кипела работа.

Вокруг дома, в котором Ислам жил со своей семьей, он еще в прошлом году кольцом посадил сирень. Почки уже лопнули, и в чистом, свежем воздухе разли-

вался еле уловимый аромат зелени. Все его домашние уже вышли на улицу с саженцами, лопатами, граблями. Они ждали Ислама. Увидев его, они оживились.

— Ислам, говори, где посадить? — истерпеливо требовали младшие сестры.

— Идите за мной.

С шумом, смехом молодежь бросилась за ним.

Солнце уже стояло в центре небосвода. Оставив своих близких, Ислам решил пройти по Теберде. Около дома Марии Александровны было чисто, молодые вишенки раскинули ветви у крыльца. Ее муж и маленький Таулан помогали ей, увлеченно копошась в земле.

Фигуру Кондратьева он заметил издали. «Что он там делает?» — подумал, увидев друга у дома Магомета. Кондратьев держал дерево, а Магомет подсыпал землю.

Ислам остановился около них, поздоровался. Кондратьев обрадованно подмигнул ему. Магомет ответил на приветствие сдержанно.

— Что, князь, обходим владенья свои? — пошутил Кондратьев, отпуская дерево. — Красиво? Мы тут с Магометом успели познакомиться.

— Зайдемте в дом, — пригласил Магомет.

Ислам хотел было отказаться, но Кондратьев уже шагнул вперед. За ним Ислам, а последним в дом вошел Магомет.

— Проходите вот туда. — Магомет с явным замешательством посмотрел на Ислама.

В комнате, куда их привел Магомет, сидели Рамазан-эфенди и Мырзакул. Последний, увидев Ислама, не ответил на приветствие, вышел и больше не возвращался.

— Садитесь, я провожу гостя и быстро вернусь. — Магомет вышел вслед за Мырзакулом.

Повисло неловкое молчание. Первым заговорил Ислам.

— А что, в Хурзуке уже посадили саженцы?— спросил он.

— Кто посадил, а кто нет,—усмехнулся Рамазан.

— Надо всем посадить. Вон как горячо у вас в Теберде взялись... Молодец Ислам — задумал все это...

— Очень беспокойный человек Исламбий, — погладил бороду эфенди, посмотрев в сторону открываемой двери.

Вошел Магомет, сел рядом с гостями.

— Сейчас женщины приготовят что-нибудь, — произнес он, — а мы в это время поговорим. Давно мы не говорили, Ислам...

— Да, давно.

— Ты счастлив? — Магомет пытливо заглядывал ему в глаза.

Ислам пожал плечами и рассмеялся.

— Не знаю. В чем-то счастлив, в чем-то нет.

— Счастливые люди никогда об этом не знают, — вставил старик.

— А кто же знает? — спросил Кондратьев.

— Те, кто смотрит со стороны, — ответил старик загадочно. — Счастливых надо оберегать, они освещают путь нерадивым, указуя им их истинное назначение.

Магомет посмотрел на своего дядю и хмыкнул. Тот недоуменно вскинул на него глаза.

— Я не прав, племянник?

— Давай спросим об этом наших гостей, — и они оба посмотрели на Ислама и Кондратьева. Те переглянулись.

— Скажите, вы не скучаете о России, о Петербур-

ге? — сверля глазами Кондратьева, спросил Рамазан-эфенди.

— А разве Кавказ — это не Россия? — вопросом на вопрос ответил Кондратьев.

Теперь настал черед переглянуться Магомету и Рамазану.

— Нет, — отрубил старик, — вы на это и не рассчитывайте!

— Простите, я не хочу вас обидеть, — спокойно ответил Кондратьев, — но скажите откровенно, разве под турками вам было бы лучше?

— Да! Трижды «да»! У нас с ними одна вера, один язык! А вера — это все, когда у человека забирают веру, надо взамен дать нечто похожее. А что нам дали вы? Свободу женщинам? Зачем? Для чего это?

— Не уважать старших, пьянствовать или развратничать не русские нас учат, — перебил его Ислам.

— Даже вот то, что ты не даешь мне высказаться, — это влияние русских, — повернулся в его сторону Рамазан-эфенди.

— Я не высказываться не даю, а хочу напомнить, что Кондратьев — благородный русский человек, уважающий наш народ.

— Я уже слышал, что у тебя плохих друзей не бывает. Но не забывай, Исламбий, что какими бы они хорошими людьми не были, они прежде всего слуги русского царя.

— Они не политики, Рамазан-эфенди.

— У них разные средства, но цель одна — отнять у нас веру и землю. Но мы очень крепкий орешек, запомните это! — снова обернулся старик к Кондратьеву. — Веру дал нам сам аллах.

Кондратьев пожал плечами и не стал спорить,

зная, что это бесполезно. Он наблюдал за Магометом, который молчал все время.

— Ну, если тебе дорога эта земля, зачем ты агитируешь людей выехать в Турцию? — спросил Ислам.

— Да как ты не поймешь, что эта земля уже не наша, не мы тут хозяева! — старик был зол. — Нам придется или уйти совсем, или покориться. Ведь русские обычаи нам не подходят, а наши обычаи вызывают усмешку и злословие русских чиновников!

— Ты ошибаешься, Рамазан-эфенди, передовые русские люди ценят наши добрые традиции, не стесняются и сами учиться у нас. Вспомни действия Петрушевича. Русские нам помогают — вводят образование, открывают школы, необходимые для успешного развития нации. А как много дает знание русского языка, ведь ты сам, Рамазан-эфенди, испытал на себе это.

— Я еще раньше знал арабский, персидский — и не скажу, что восточная культура ниже европейской, скорей, наоборот, — усмехнулся старик.

— Мы маленький народ, еще даже не нация. У нас не было своей государственности, армии, чтобы защитить родную землю, потому нам нужен сильный защитник, — вновь заговорил Ислам. — Горцы очень любят свободу, но для того, чтобы сохранить ее, надо мирно жить, а не отнимать земли у бедных соотечественников, надо трудиться, учиться, совершенствоваться. Беречь друг друга, особенно таланты, такие, как Таукоз, Карма, Аппа Джанибеков, Ахмат Байрамуков и... как их у нас много, вы ведь всех их знаете, Рамазан-эфенди? — пристально посмотрел на него Ислам.

— Ты еще забыл сказать о себе, Ислам, — вкрадчиво улыбнулся старик и сверкнул на него злым взглядом. — Удивляюсь я тебе, Крымшамхалов, твой дед

был бы недоволен тобой — ведь ты оправдываешь поступок Амантиша — его идейного противника?

— Я много думал и думаю об этом, — Ислам посмотрел в сторону скрипнувшей двери, — и скажу, что Амантиш хотел сохранить народ. Если бы не он, всех горцев до единого тогда перебили бы. Это ясно даже ребенку, ты же знаешь историю завоевания Кавказа. Наверно, Амантиш много думал прежде, чем сделать это.

— Ты не знаешь одного. Ему просто пообещали крупную сумму, если он проведет отряд русских в тыл нашим. — Дверь затворилась осторожно, но так медленно, что все следили за ее движением. И все поняли, что это был Мырзакул — он поклялся не подходить к Исламу, но, привлеченный громким, захватывающим спором, все время стоял у дверей.

— А может, ты и прав. Но теперешние Дудовы, — Рамазан-эфенди кивнул в сторону двери, — совсем не любят тебя и твоих друзей.

Ислам промолчал, он не мог, да и не хотел говорить о своем тесте.

— Раньше как было? — снова начал эфенди. — Все почитали своего князя и эфенди. — А теперь? Нет, слишком умными стали наши крестьяне — не осталось в них ни уважения, ни страха, потому что русский царь лишил наших князей этих прав.

Ислам встал.

— Ну, что ж, разговор спокойный у нас не получается, — сказал Ислам. — Но на прощанье я хочу сказать, что насилие не вечно, будет такое время, когда все народы будут жить только в мире и согласии. Приходите в пятницу ко мне, я буду показывать, как действует сепаратор, привезенный из Швейцарии. Там и продолжим наш разговор.

— В пятницу? — переспросил старик. — А где вы берете молоко?

— В моем доме есть молоко. Но каждый, кто не верит в пользу сепараторов, может придти со своим молоком.

— Это очень интересно, — закивал старик головой, — Ислам, говорят, вы выводите какую-то породу лошадей, нельзя ли посмотреть?

— Как, вы еще не видели? Да к нему едут со всех сторон, чтобы только посмотреть на них! Как вы можете терпеть так долго? — изумился Кондратьев.

— Завтра я буду в Маре на открытии школы, а в пятницу — жду вас. До свидания, — откланялся Ислам.

Рамазан-эфенди и Магомет долго смотрели им вслед.

— В пятницу скажешь нескольким верным людям пойти к нему во двор с молоком. Молоко разбавьте водой. Это первое. Второе — в его отсутствие надо послать к жене человека, который хочет наняться на работу к нему чистить конюшни. Я скажу, кто этот человек. Третье. Тебе нужно войти к нему в доверие. Сколько мне еще повторять это! Осталось недолго, — тоном приказа говорил Рамазан-эфенди. — А теперь пойдем, я тебя посвящу в свой план. Мырзакул отказался мне помогать.

В ауле Мара открывали новую школу.

Ислам стоял перед собравшимися людьми. Он видел открытые, счастливые лица детворы и более сдержанные, но тоже радостные — их родителей. И просто зрителей — сюда пришли почти все жители аула.

— Люди! Сегодня вы присутствуете на важном событии. Спасибо вам за то, что вы поддерживали строительство школы. Помогали все, даже малыши. Пусть из этой школы выходят грамотные, много знающие моло-

дые люди. Пусть им повезет больше, чем нам. Пусть каждый входящий сюда выходит богатым радостью. Ибо знания — это есть радость открытия. Пусть свет такой радости освещает лица ваших детей. А теперь, дети, давайте пройдем в школу, — обратился Ислам к ребятишкам.

Все молчали. Никто не тронулся с места.

— Что же вы стоите?

— Иди ты, Атлы, первым, а мы за тобой, — притронулся к рукаву черкески Ислама молодой учитель Хамид Байрамуков, брат Ахмата.

Ислам обнял детишек и вместе с ними взошел на ступеньки.

Взрослые не входили, ждали. Кто-то выразил опасение, что от такого наплыва народа пол школы не выдержит. Тогда Ахмат Байрамуков пригласил рукой внутрь здания и пошел вперед. От толпы отделилось несколько человек и последовало за ним.

В школе слышался голос Ислама. Дверь в класс была открыта. Пустое помещение коридора гулко разносило слова.

— Запомните, дети, что мир должен быть добрым. Только знания и любовь к человеку делают нас богатыми. Большого богатства нет на свете. В школе вы научитесь читать, писать, считать, узнаете много интересного и полезного. Слушайте учителя. Берегите книги, они ваши самые добрые друзья. Вы умные, способные, сильные дети. Учитесь хорошо, старайтесь, прибавляйте к своим достоинствам еще и знания, и вы станете прекрасными людьми. Желаю вам успехов в учебе.

Ислам перевел дыхание. В дверях толпились люди.

Когда Ислам уже выходил из школы, его догнал молодой учитель.

— Атлы! Дети не хотят уходить, просят учить их. Мы думали начать завтра...

— Почему завтра? — воскликнул весело Ислам. — Начинай, Хамид, урок сейчас!

...Молоко лилось рекой. Белое, красивое, оно радовало глаз Ислама и его друзей. Люди подходили, пробовали сметану и одобрительно кивали головой. Оказывается, машины молоко не портят. Похоже, что этот странный князь затеял полезное дело.

Ислам объяснил людям, как пользоваться сепаратором, когда к нему подошел мальчик и сказал, что на улице его ждет человек. Ислам, извинившись, вместе с мальчиком вышел на улицу. Его глаза столкнулись с таким удивительно знакомым взором, что сердце рванулось из груди навстречу пришельцу. Человек стоял и улыбался. Был он немолод, скромно одет, но какая-то здоровая, бодрящая сила исходила от этого странного горца с красивым, благородным лицом.

— Джумарык! Ты! — радостно выдохнул Ислам и бросился навстречу. — Идем, идем же быстрее!

— Подожди, дай хоть посмотреть на тебя, — тихо улыбаясь, сказал мужчина.

Обнявшись, они вошли во двор.

— Это Джумарык, Джумарык, — восклицал Ислам и стал громко читать стихи, сочиненные его дядей Исмаилом Урусбиевым еще много лет назад.

Джумарык ты мой, Джумарык,
В небо поднимаешься, будешь летать.
Джумарык ты мой, Джумарык...¹

Мысль о полетах с давних пор не давала Джумарыку покоя. Он мастерил всевозможные летательные

¹ Перевод подстрочный.

аппараты. Взлетал в небо, падал, вновь взлетал. Он заразил своей мечтой многих аульских мальчишек, которые стайей бегали за ним. Подростки помогали Джумарыку мастерить летательные аппараты, учились у него, овладевали основами механики.

Однажды эту веселую компанию, возвращавшуюся домой после удачных полетов, встретила большая толпа аульчан на краю села. У Джумарыка дрогнуло сердце от недоброго предчувствия. Дети испуганно смолкли.

Когда они подошли к односельчанам, от них отделилась женщина — это была мать Джумарыка. Она шла по направлению к сыну. Джумарык остановился. Остановилась и она. По лицу женщины текли слезы...

— Мама, — прошептал Джумарык. — Мама, что случилось?

Медленно и тихо мать сказала:

— Молоком, которым я тебя вскормила, прошу тебя, не летай больше и не зови с собой детей.

Они плакали оба — мать и сын. Люди давно уже разошлись, только несколько ребят в сторонке ждали своего учителя.

Эту историю рассказывала Исламу его мать Гошях. Случилось это давно, когда Ислам был еще маленьким.

Однако Джумарык не изменил своей мечте. Он без конца что-то мастерил, изобретал. Его по-прежнему обожали все аульские мальчишки.

Ислам и Джумарык давно не виделись, и теперь Джумарык с интересом смотрел, как работает сепаратор.

— Откуда у тебя это?

— Из Швейцарии выписал. Сеитбий помог. Прислали всего два аппарата, это пока новинка.

Джумарык продолжал осматривать аппарат.

— Если ты дашь мне на время один сепаратор, через некоторое время пришлю тебе десяток. Мы с моими учениками сами изготовим. Тут главное понять принцип. Думаю — сумеем.

В их разговор вмешался Рамазан-эфенди.

— Так ли это нужно? Я слышал, у тебя не только золотые руки, но и золотая голова, Джумарык. Не лучше ли ее употребить на что-нибудь иное.

— Например?

— Изобрести машину, чтобы печатала русские деньги, тогда мы озолотим наши горы.

— Ну, об этом пусть у тебя голова болит. Мне не надо печатать деньги. Я и так богат! — отрезал Джумарык.

— А ты неучтив, будто и не сын своей матери, — съязвил эфенди.

Он надменно выпрямил спину, молча оглядел их и отошел, не переставая перебирать четки. Джумарык долго смотрел ему вслед...

— Знаешь, когда-то из-за него я перестал летать... Это он тогда заморочил головы родителям детей и мою мать уговорил. Пришел к ней вместе с родителями малолетних. Мол, плохому их учу, опасно это, неужгодно аллаху и прочее.

— Я слышал об этом. Он друг моего тестя. И жена моя ему верит, а Гошаях гонит прочь.

— У нес сильный характер.

— Однако пойдём в дом, дорогой Джумарык, — сказал Ислам. — Там гости собрались! Приехал Чупрытников — артист, музыкант, изучает быт и культуру народов Кавказа. Очень интересный человек.

Ислам пригласил всех в большую гостиную на пер-

вом этаже. Он познакомил гостей со своим другом Джумарыком.

Комната была большая, просторная. У стены напротив входа стоял рояль, ближе к двери — длинный стол на низеньких ножках, стулья, красивые подсвечники. И картины по всем стенам.

Чупрынников внимательно разглядывал картины, когда около него остановился Ислам.

— У вас замечательная коллекция, князь. Это подлинники?

— Да. Это эскиз портрета Толстого, работа художника Николая Ге, видите, здесь в углу автограф. А это печальная лань одного грузинского живописца, к сожалению, я не знаю его имени. Это Ярошенко, Дубовской, Куинджи — они бывали здесь и подарили мне свои работы.

Остановились у рояля.

— Пониграем, князь?

Ислам сел за инструмент. Чупрынников взял виолончель, смычок. Его товарищи со скрипкой, флейтой разместились рядом полукругом.

— Что будем играть? — спросил Ислам.

— Давайте ваше, национальное. Вы начните, а мы подключимся.

Ислам ударил по клавишам. Присутствующие узнали «Эмину».

— Какие трагические аккорды, — сказал Чупрынников.

— Эту песню написал Калтур Семенов — был у нас такой певец. Во время чумы заболели его жена и дети. Он ушел вверх по реке и в большой чаше отправлял им по воде пищу. Винзу, куда прибывало чашу, еду забирали. Так было несколько дней. Однажды он увидел над своим домом вывешенный черный башлык — так

жена известила, что погиб один сын. Потом появилось три башлыка, три шали. А через два дня над крышей не было ничего. Он пошел в то место, куда прибывало течением чашу с едой, и нашел пищу нетронутую. Вот так Калтур потерял семью и впоследствии создал эту прекрасную скорбную песнь.

Ислам повернулся и вновь ударил по клавишам. Гости сосредоточились и включились в игру.

Потом зашел Джумарык. У него был красивый голос. Остальные мужчины делали эжиу — голосовое сопровождение.

Потом Ислам играл популярные карачаевские песни. Гости мгновенно подхватывали мелодию. Но вот Ислам заиграл что-то новое. Постепенно голоса стихли, все внимательно слушали.

— Что это? — заинтересованно спросил Чупрыльников.

Он стал напевать мелодию, подлаживаясь к игре Ислама.

— Это сочинение Ислама, — тихо сказал Исмаил Акбаев, который был ближе всех к Чупрыльникову.

Магомет молча сидел в углу. Закончив играть, Ислам пригласил его к инструменту.

Магомет сел за рояль и стал играть с невозмутимым видом известные песенки. Чупрыльников спросил у Ислама:

— Кто это?

— Сосед, — коротко ответил Ислам.

Тогда Чупрыльников подошел к роялю, облокотился на инструмент и стал, внимательно слушая, рассматривать его лицо — непроницаемое и холодное.

Когда он закончил, раздались аплодисменты. Чупрыльников, хлопая в ладоши, сказал:

— Bravo, bravo. Очень интересно... Правда, эти

мелодии нам хорошо знакомы. Лучше сыграйте что-либо свое...

Магомет недоуменно посмотрел на него.

— Вам не нравится?

— Да нет, я не об этом... Я непонятно сказал, наверное... Ну, свое, национальное... Я записываю мелодии. Набралось уже порядочно. Один знает одно, другой — другое. И вот, если получится, я смогу издать сборник песен народов Кавказа.

— Я не знаю своего, в России учился музыке.

Чупрынников пожал плечами и отошел.

— Он что, не знает своей музыки? — спросил он потом у Ислама. — Странно как-то...

— Я и сам не пойму, что с ним, — сказал Ислам. — Уверяю вас, что он знает немало прекрасных национальных мелодий. Может, настроение скверное, вот и отказался играть.

К Исламу подошел Кондратьев.

— Все думаю о Магомете. Иногда подозреваю его в том страшном злодеянии. А порой он мне кажется таким компанейским, общительным человеком. Запутался я что-то...

Ислам посмотрел туда, где находился Магомет. Вокруг него собралась группа мужчин. Он сидел на стуле, положив локоть правой руки на стол, мужчины подсаживались напротив, ставили свои локти — мерялись силой. Магомета никто не победил. Он весело смеялся.

В гостиную вошла Сафият, направилась к Исламу.

— Вас просят выйти во двор. Там что-то с этой машиной случилось.

Джумарык, увидев выходящего Ислама, торопливо направился за ним. Они оба увидели, как Рамазан-

эфенди, наклонившись к сепаратору, брезгливо показывал на него, говорил:

— Зачем нам эта машина? Вот она уже и не работает. Жили наши предки без машин, и мы не должны что-то выдумывать. Сам аллах не хочет, чтобы в горах работала эта чертова урчалка.

— Подожди, кажется, я догадываюсь, что там произошло. У твоего дяди в Балкарии тоже была подобная история, — сказав так, Джумарык подошел к сепаратору, ложкой зачерпнул молока в ведре, стоящем рядом.

— Чьи эти ведра?

Все молчали. Джумарык еще раз переспросил. Но люди молчаливо смотрели на него, и никто ничего не говорил.

— Попробуйте.— Джумарык протянул ложку стоящей рядом женщине. И она, взяв ложку, поднесла ее к губам.

— Это вода. Здесь только запах коровьего молока.

— И ты попробуй, и ты, а теперь ты, Рамазан-эфенди!

Тот брезгливо отвернулся.

— Возьмите все свои ведра, отойдите с ними в сторонку.

Сразу стало шумно. Когда женщины взяли свои ведра, у сепаратора остались стоять три ведра. Ислам и Джумарык посмотрели на эфенди.

— Но кому-то они должны принадлежать? Не сами же они пришли сюда? — сказал Джумарык, поворачиваясь к Исламу.

Эфенди равнодушно смотрел в сторону.

Одна из женщин залила в сепаратор молоко из своего ведра. Машина снова заработала.

Николай Александрович Ярошенко с 1892 года жил на Кавказе. Он обосновался на своей вилле в Кисловодске. Будучи в отставке, расставшись наконец с карьерой военного генерала, Николай Александрович мог всего себя отдавать творчеству художника. Природа Кавказа вдохновляла его.

На белой вилле Ярошенко желанными гостями бывали Ислам Крымшамхалов, Коста Хетагуров. Они дорожили дружбой с известным художником, прогрессивно мыслящим человеком.

Часто приезжал Ярошенко в Теберду. Он утверждал, что здешний воздух является бальзамом для его больного горла. В доме Ислама Николая Александровича ожидал всегда самый теплый прием.

Ярошенко знал всех друзей Ислама. Особенно любил он Исмаила Акбаева.

В Теберду Ярошенко обычно приезжал не один. Его сопровождали интересные люди, чаще всего художники. Время тогда летело, словно на крыльях. Всей компанией отправлялись на этюды, на рыбалку, вели бесконечные споры и душевные беседы.

На этот раз Ярошенко приехал вновь с живописцем Дубовским. Николай Александрович был не совсем здоров, но надеялся, что целительный воздух Теберды поможет ему, как и раньше. Вечера мужчины проводили, слушая старинные песни. Об одной из них Ярошенко сказал:

— Сильная, драматическая песня. Когда я впервые услышал ее, у меня возник замысел картины. Позже я назвал ее «Песнь о былом». Вы ведь знаете эту мою картину.

— Замечательная вещь! — воскликнул Дубовской. —

Я в основном пейзажист, так что могу лишь восхищаться произведением маэстро Ярошенко.

— Ладно вам, Николай Никанорович, — махнул рукой Ярошенко. — Я ведь заговорил об этом в связи с тем, что у меня возникла одна идея. Мне очень нравятся нартские героические песни. Нарт! Слово-то какое выразительное, короткое, будто выстрел, красивое, гордое. У всех народов, имеющих древнюю культуру, есть свой эпос, в котором сосредоточена вековая народная мудрость, народные представления о героизме, борьбе за справедливость, о сущности прекрасного. А нартский эпос — просто великолепен. Друзья! Мне пришла в голову мысль — а что, если здесь в горах создать из дерева серию персонажей нартских сказаний—Сосурка, Ёрюзмека, Ачемеца, Сатанай и других. Как думаете, друзья?

— Очень хорошая мысль! — сказал Исмаил Акбаев.

— Я даже представляю себе, как будут стоять эти живописные фигуры... — произнес Ислам.

— Могу конкретизировать, — начал было Ярошенко, но его остановил Ислам.

— Дорогой Николай Александрович, вам трудно говорить. Меня это беспокоит. Вы уж говорите поменьше, послушайте наши «мудрые» речи.

Ярошенко говорил тихо, почти шепотом. Другие тоже непроизвольно понижали голос.

— Нет, нет, Исламбий, — стал возражать Ярошенко, — нет оснований для особой тревоги. Горло совсем не болит. Вот только голос... Но вы уж не обрекайте меня на роль молчальника.

— Отдохните немного, дорогой Николай Александрович, — сказал Ислам. — А я, если присутствующие не возражают, расскажу одну из нартских легенд...

Тихим голосом, очень красочно и вдохновенно, чуть нараспев заговорил Ислам. Перед слушателями витали сказочные образы юной Сатанай, смелого наргского вятзя Ёрюзмека...

— Обворожительная сказка! — тихо промолвил Николай Никанорович Дубовской. — И что интересно, господа. Я слышал сказания других народов, знаю русский фольклор. Моральные устои, так сказать, едины. Сюжеты есть весьма схожие... А народы разбросаны по лику земли...

— Не стоит удивляться, — заговорил Ярошенко. — Моральные устои, как вы выразились, действительно едины. Вот я — малороссиец, но когда приезжаю в Карачай, мне кажется, что мы с Исламом одной национальности, просто я старше. И так бывает всегда, когда встречаю людей одних со мной убеждений.

— Говорят, религия, вера разделяет людей. Но ведь кроме религиозной есть еще другая вера — вера в разум человека, в добро и справедливость, в силу просвещения — вот такая вера способна объединять людей разных национальностей, — поддержал его Ислам.

— И ты не боишься веру аллаха отодвигать на второй план? — поинтересовался Магомет.

— Да нет, — засмеялся Ислам, — я точнее многих следую его указаниям. В Коране запрещается крупное землевладение — у меня нет земельных богатств, осуждается эксплуатация — у меня нет рабов, я нахожусь на службе, порицается скупость — двери моего дома всегда открыты для всех. Можно добавить сюда слова о равенстве, справедливости, которые сходятся с моими убеждениями. Поэтому, выходит, я и есть самый настоящий мусульманин, — улыбнулся Ислам Магомету.

— А твои рисунки, это же самое веское доказатель-

ство обратного, — остановил его опять Магомет. — Коран запрещает изображать живые существа.

— Ах, Магомет, Магомет! Важно в жизни следовать принципам чести и справедливости. Я знаю людей, способных наизусть прочесть все суры Корана и являющих собой олицетворение лицемерия и зла. А ты разве не знаешь таких людей, Магомет?

— Ладно, хватит! — разозлился вдруг Магомет.

В это время раздался стук в дверь. Она тихо отворилась, и вошел заросший человек, видно, с дороги.

— Здравствуйте, благородные! — громко сказал он.

— Аппа! — Ислам пошел навстречу.

Мужчины приветствовали гостя. Аппа подошел к Ярошенко, протянул ему руку.

— Аппа, бывший царский узник.

— Ярошенко, бывший царский генерал, — ответил художник.

Аппа захохотал, рассмеялся Ярошенко, и они оба обменялись крепким рукопожатием.

— Как у вас тепло, как у вас уютно! Как у нас хорошо!

— Аппа, ты с дороги, голоден, садись сюда, поешь, — позвал его Ислам.

— Извините, — Аппа пошел к Исламу. — Ого, как давно я не ел мяса, последний раз вкусил его четыре года назад. Тогда меня в цепях на бричке по селам возили. Одна женщина положила мне мясо, я ее буду помнить всю жизнь. Не смотрите на меня — я голоден.

Как только Аппа закончил ужин, кто-то попросил:

— Аппа, расскажи что-нибудь.

Аппа вскинул на собеседника свои насмешливые пронзительные глаза и громко засмеялся.

— Вот теперь я верю, что дома. Начинается: «Аппа, расскажи что-нибудь», — передразнил он.

Поднялись на рассвете.

— Меня не будет несколько дней, — сказал Ислам жене.

Сафият ничего не ответила, повернулась и пошла в свою комнату.

Во дворе Ислама ждали Ярошенко и Дубовской — оба на лошадях. Он подошел к своей лошади, закрепил мольберт и вскочил в седло.

Они проехали несколько верст, а солнце еще не показалось из-за гор — было довольно свежо. Остановились на небольшом холме и залюбовались. Противоположный склон был усеян лиственницами. Казалось, они бредут друг за другом, ведут тихий хоровод. Из-за гор брызнули лучи солнца. Воздух казался синим и звонким.

Откуда-то сверху раздался звук падающих камней, путники обернулись — с сундучком за плечами к ним спускался Аппа. При каждом его шаге мягко постукивали друг о друга навешанные на пояс деревянные игрушки, чашка и ложка на цепочке.

— Салам, джигиты! Куда путь держите в такую рань? — весело приветствовал он их.

Ислам и другие спешили, поздоровались. Художники расставили мольберты. Около Ислама стоял Аппа.

— Ты когда исчез из дома? — спросил Ислам.

Аппа хмыкнул и ничего не сказал.

— И как ты сюда забрел?

— А у меня срок маленький, мне надо за короткое время увидеть весь Карачай, не могу насытиться, — не то в шутку, не то всерьез говорил Аппа.

Ислам непонимающе посмотрел на него.

— Я за деньги договорился с одним человеком уехать на месяц, еще кинжал он просил... Сначала хо-

тел убежать, никто бы меня не нашел, кругом болота... Потом передумал, за деньги договорился на маленькую свободу...

— Я отдам тебе свой кинжал, денег дам, — сказал Ислам.

— Спасибо, но я пока не уезжаю, — он глубоко вздохнул. — Какой вкусный воздух! Я так соскучился. Ислам, разреши на лошади покататься? — Аппа скинул сундучок. — Смотри, береги, тут мой клад.

— Конечно, зачем спрашивашь?!

Аппа легко вскочил в седло, натянул поводья, лошадь встала на дыбы. Аппа гикнул и поскакал вниз, в долину.

Слова Аппы не выходили у Ислама из головы. Солнце уже было в зените. Ислам оглянулся на своих друзей. Художники молча и сосредоточенно работали. А Ислам не мог сосредоточиться. Отложив кисть, он пошел на край холма.

Внизу, на земле, раскинув руки, лежал Аппа. Рядом мирно паслась лошадь. Аппа увидел Ислама.

— Я сейчас, еще немножко! — крикнул он и снова вскочил на лошадь.

Ислам сел на краю обрыва, обхватив колени сплетенными руками. Как трудно расставался Аппа с этим кратким мигом свободы. Он скакал на лошади туда и обратно, смеялся, пел и все кричал:

— Еще, еще немножко!

Наконец соскочил с седла, передал повод Исламу.

— Ну, я пошел, — Аппа взял сундучок, закинул за спину, печально улыбнулся. — Может, вечером у Исмаила встретимся.

— Возьми лошадь, — предложил Ислам.

— Нет, я хочу ногами походить по этой земле. Там ведь все болота... — Аппа быстро отвернулся и пошел.

Мягко постукивали при ходьбе деревянные поделки, чашка и ложка на цепочке.

— Он вас чем-то расстроил, Исламбий? — Ярошенко участливо взглянул в глаза Исламу.

— Мне стыдно, что мало помогал ему.

— Про вас такое не скажешь...

Ислам коротко поведал Николаю Александровичу об Аппе. Затем предложил:

— Вечером приглашаю вас на небольшое представление.

...Ислам, Ярошенко, Дубовской, Исмаил Акбаев и Солтан Байчоров сидели полукругом и ждали.

— Сейчас я покажу, как меня первый раз арестовали, — голова Аппы исчезла за ширмой, слышался только сухой треск деревянных палочек.

Над ширмой показалась кукла. Лицом она напоминала самого Аппу. «Это я рисунок Ислама вырезал и приклеил, — раздался глухой голос. — Слушайте!»

Изменив голос, Аппа запел.

Ислам, Солтан и Исмаил рассмеялись. Исмаил стал переводить частушки.

— Аппа поет о реальных людях, которых в Карачае знают. Он образно и характерно передает их отличительные черты, мы знаем этих людей, потому так и смеемся.

Потом над ширмой показалась другая кукла, напоминающая Рамазана-эфенди. Интонацией Аппа передавал угрозы со стороны куклы-эфенди. Кукла-Аппа заносчиво отворачивалась и пела высоким голосом. Все смотрели эту картину и смеялись. Потом куклу-эфенди сменила другая кукла, напоминающая атамана Баталпашинского округа Браткова.

— Кукла-Аппа просит отпустить друга, которого Братков посадил в тюрьму. Кукла-Братков решительно

выгоняет Аппу. Потом Аппа появляется сзади, выкидывает рукав, оглядывается Братков и кукла-Аппа падает.

— Аппа за своего друга хотел убить Браткова, его схватила охранка,— объяснили сцену гостям.

— А теперь — финал.

Над ширмой появилось подобие арбы и в ней кукла-Аппа без шапки, со связанными руками. В углу арбы висела вверх ногами маленькая войлочная кукла.

— Повезли честного Аппу на этой телеге по селам, провезли его по Карт-Джурту, Учкулану и Хурзуку. И сердце Аппы обливалось слезами и кровью. Но не долго плакал он. Любили карачаевцы своего насмешника-певца и заполнили они его арбу всевозможными яствами и дарами. Аппа плакал от их щедрости. И хотя все это у него забрали потом полицейские — оставили только белый башлык, который подарила ему ясноликая горянка, — Аппа никогда не забывает тот день.

Занавески раздвинулись, Аппа вышел со своими куклами, бережно уложил их в сундучок.

— А теперь хочу показать, чему я научился у казахов. Они великие певцы!

Аппа вытащил домбру. На каждый палец правой руки он привязал ниточку, концы их уходили под круглую табакерку, на которой лежал олень-марал. Аппа подтянул ниточки, приблизив кисть к струнам. Олень встал.

— Я спою вам песню казахского поэта. Песенное творчество казахов имеет глубокие корни и прекрасные традиции. Певцы у них весьма почитаются. Этот певец имел двух сыновей. Однажды он уехал петь по селениям. Через несколько месяцев, возвращаясь в свой родной аул, он увидел группу людей. Когда приблизился, один из земляков сказал, что люди возвращаются с кладбища, на котором они погребли двух его сыно-

вей. Ничего не сказал сраженный отец, крепко сомкнул губы и ушел к себе домой. Долго молчал он. Но однажды пришел в гости к пастухам, там увидел белую олениху, которая все время металась. «Что это она так мучается?» — спросил он пастухов. И ему ответили: «Было у нее два олененка. Они умерли, и вот она ищет их с тех пор».

Закричал, заплакал певец. Страдания белой оленихи напомнили ему его собственные. Он взял домбру и запел песню о белом марале.

Аппа ударил по струнам, и побежала по кругу белая олениха. Бежала долго и счастливо, а потом остановилась и опять побежала быстро-быстро, потом медленнее, останавливаясь, пошла тише, слабо перебирая ногами, потом споткнулась одна нога, другая... Олениха упала. Сильный голос Аппы поднял ее и снова понес по кругу. Ниточки на пальцах Аппы то натягивались, то ослабевали, изменяя ритм и движения белой оленихи.

Аппа кончил петь.

Дома Ислам сказал:

— Аппа, это возьмишь с собой.

Снял с себя кинжал, пояс, вытащил из кармана часы, деньги и положил все это на низенький столик.

— Господа, — раздался еле слышный голос Ярошенко, — я прошу извинить меня, что стал невольным свидетелем вашего разговора. Прошу вас, примите это от меня, — Ярошенко положил деньги и перстень.

И Аппа и Ислам запротестовали, но вид Ярошенко был такой просящий, что друзья уступили.

...Рано утром Ярошенко открыл глаза и посмотрел на то место, где лег спать Аппа. Одеяло было аккуратно сложено. Аппы не было. В проеме двери показалась фигура Ислама.

— Я только что проводил нашего друга. Он не раз-

решил вас будить. А мне оставил вот это, просил передать вам, — шепотом сказал он и поднял вверх руку с войлочной куклой.

Это был последний приезд в Теберду Николая Александровича Ярошенко. В конце июня 1898 года он внезапно скончался у себя на даче в Кисловодске.

Глава XIX

Зимой Ислам долго и тяжело болел. Его часто навещали друзья, родственники. Все говорили о том, что ему надо беречь себя. Но Ислам не мог и не хотел оставаться в стороне от событий, происходивших вокруг него, особенно тех, которые касались настоящего и будущего Теберды.

К нему часто обращались и вовсе не знакомые люди, спрашивая совета по открытию и благоустройству курортов. В настоящее время у него гостил осетин, доктор Газданов, приехавший с рекомендательным письмом от Коста Хетагурова.

«Дорогой Ислам! — писал он. — Устрой возможно лучше моего земляка, доктора Газданова. Докажи ему, что наша Теберда самый лучший курорт в мире. Как теперь твое здоровье? Привет твоей семье! Твой Коста».

Доктор Газданов оказался добрым и благородным человеком. Ислам, глядя на него, часто думал о Коста, о его здоровье, его жизни. Газданов очень любил Коста, много рассказывал о нем.

Каждый день Газданов отправлялся к Марии Александровне. Они вместе посещали больных, рассказывали друг другу о практикуемых методах лечения, о новинках медицины, почерпнутых из журналов и книг.

Ислам старался все свое свободное время уделять

гостю. Но времени было очень мало. И Газданов дорожил этим общением со своим гостеприимным хозяином, к которому он проникся глубочайшей симпатией.

— У вас неважный вид, Исламбий,— сказал как-то во время прогулки Газданов. — Вам нужно как следует отдохнуть.

— Это невозможно, дорогой, — ответил Ислам.

Они шли мимо кустов сирени, кольцом посаженных вокруг дома. Некоторое время молчали, слушая, как скрипит снег под ногами. Газданов повернулся к Исламу, но тот молча шел вперед, сосредоточенно глядя под ноги.

— Вы так редко бываете дома, — продолжал Газданов. — Если подсчитать, то некоторые из ваших гостей в вашем доме находятся больше, чем вы сами. Сегодня вы в Карт-Джурте, завтра в Маре или Учкулане, то в Москве, то в Новгороде. Почему так, что гонит вас?

— Это называется предчувствием, — начал просто Ислам. — У меня туберкулез. Вам — врачу — не надо объяснять ни тяжести заболевания, ни того, что нелепо мне рассчитывать на долгие годы жизни. Вот поэтому я и спешу. Хочется успеть еще многое сделать. Надо жить с чистым лицом, чтобы не было стыдно. Ведь у карачаевцев слово «честь, совесть» и слово «лицо» выражены одинаково — «бет». «Как тебе не стыдно» равносильно: «Нет у тебя лица». Понимаете, как тонко выразил народ. У меня это в крови, как подниматься навстречу старшим, помочь женщине, ребенку. Вы понимаете?

Газданов молча кивнул головой.

Они вошли во двор, поднялись по лестнице, Ислам открыл дверь.

— Проходите.

Газданов отрицательно покачал головой.

— Вы старше.

— А вы младше, к тому же мой гость. У нас даже воды напиться сперва дают младшим, а потом предлагают друг другу. Проходите, проходите. Сейчас помоем руки — и в столовую — нас заждались, по всей вероятности.

В большой комнате было тепло и уютно. За столом сидела вся семья во главе с матерью — Гошаях. Когда у Ислама находились гости, она старалась сделать приятное сыну и накрывала стол сама.

Ислам и Газданов поздоровались, заняли места рядом, как обычно. Газданов стал рассказывать:

— Вы знаете, я сегодня был в одной семье, там все болеют конъюнктивитом. Особенно страдают дети. Хозяина зовут Магомет, вы, вероятно, знаете. Так вот они меня пригласили обедать, но, зная, что Мария Александровна будет ждать, я отказался. Сама она в этот дом почему-то не захотела идти. Тогда один старик, находившийся там, рассмеялся и сказал: «Чем там вас могут накормить эти гяуры Крымшамхаловы!»

Гошаях внимательно посмотрела на Газданова, улыбнулась краем губ, опустила глаза. Все остальные смотрели на доктора с любопытством.

— А когда я им сказал, что за мною дома так не ухаживали, как здесь, они не поверили. «Ведь все говорят, что в их доме только «борч, борч, борч», — передразнил кого-то Газданов.

Сидевшие за столом весело рассмеялись.

— У нас в семье иногда готовят русские и другие блюда. Хотя бы тот же борщ. Очень вкусно. Но, конечно, больше всего мы любим свои национальные кушанья, — сказал Ислам.

— А наша Фатьма собирает рецепты горской кух-

ни. Ислам хочет помочь ей написать книжку, — сказал кто-то.

Фатьма смутилась.

— Очень интересно! И сколько же рецептов вы собрали, Фатьма? — повернулся в ее сторону Газданов.

— Сто пятьдесят три, — тихо отозвалась девушка.

Газданов удивленно вскинул брови.

— В этом доме все чем-нибудь полезным занимаются, — вступил в разговор молчавший ранее Кондратьев. — Я уж не говорю о живописи хозяина дома. А сколько всего другого! Музей минералов вы, наверно, видели, на втором этаже. Он выводит породы лошадей, овец, вы обратили внимание на овцу новой породы — серо-голубая, грациозная «мисс прекрасная», так мы ее называем. Сад вокруг дома. Библиотека Ислама — это драгоценное хранилище знаний. Все мужчины в этом доме увлечены историей, фольклором, а женщины — вышиванием. Вы видели, доктор, работы уважаемой нашей хозяйки? Произведение искусства да и только...

Кондратьев встал и поклонился Сафият. Щеки женщины порозовели от смущения и удовольствия.

Стекла окон искрились морозными узорами. Потрескивали поленья в камине. Послышался звук бубенцов, у крыльца заскрипели полозья. Младший брат Ислама Басханук выглянул в окно.

— Коста! Кажется, Коста приехал, Ислам, — он обернулся к старшему брату.

Извинившись, Ислам и Басханук поспешили к выходу. Газданов с нетерпением ждал, когда снова откроется дверь и войдет Коста. Он незаметно оглядывал сидящих за столом. Мать молчала, поглядывая на собравшихся, остальные женщины тихо переговаривались между собой. Все было спокойно и чинно.

Вошел Коста — веселый, оживленный. Было видно, как рады его появлению все присутствующие. И он тоже не скрывал своего удовольствия.

После обеда мужчины собрались в мастерской Ислама и вели беседу.

— Я перезаложил отцовский дом. Собираюсь строиться во Владикавказе, — Коста смотрел на всех своими большими лучистыми глазами, обрамленными темными кругами.

— Один или с сестрой? — спросил Ислам.

— Один, один!

Коста был радостен. Чувствовалось, что ему очень хочется новизны, перемен.

— Построю новый дом, женюсь. Будем гостей принимать. Мой дом во Владикавказе станет таким же гостеприимным, как твой в Теберде! Ты веришь в это, Ислам?

Хорошо зная полное отсутствие хозяйственных способностей у Коста, Ислам улыбнулся:

— Я верю, что он будет самым гостеприимным домом на Кавказе, но хочу дать совет: не начинай строительство один. Дом строить — это не шутка. Тебе придется столкнуться с разными предприимчивыми дельцами. И, зная тебя, могу сказать, к чему это приведет.

— Все я вытерплю! Уверен, что мне повезет! Мне обязательно должно повезти! — будто уговаривал себя Коста, подсаживаясь к Газданову. — Вам нравится здесь? — обратился он к доктору.

— Я отдыхаю здесь душою! — откликнулся тот.

— Да, вы правы, редко где я так славно отдыхаю и чувствую себя так спокойно, как в Теберде, — сказал Коста. — У меня мало времени, но я не смог уехать из имения, не посетив Теберду и этот дом. — Коста вздохнул и замолчал.

Негромко постучали в дверь. В комнату вошел Николай Васильевич Некрасов.

— Не помешаю? Здравствуйте. Очень рад познакомиться с вами. Учитель Некрасов Николай Васильевич.

— Коста Хетагуров.

— Коста? Вот поистине приятная неожиданность. Заочно я вас давно знаю. Давайте хоть посмотрю на вас хорошенько!

Завязался общий разговор. Но вскоре Николай Васильевич спохватился.

— Я сюда, собственно, пришел с поручением. У моей жены Марии Александровны гости — женщины, родственники Айшат, что родила ночью сына. Попросили сходить к Исламу, пусть даст имя мальчику. Первая у них девочка, называли ее Мариам, а теперь вот сын.

— У меня гости, пусть они и дадут имя, — ответил Ислам, с улыбкой оглядываясь на мужчин.

— Я здесь уже многим давал имена, теперь вам слово, Газданов, — обернулся к земляку Коста.

Доктор смутился и встал.

— Мне, право, неловко, вы все старше.

— А вы младший гость, — смеясь, напомнил Ислам, — смелее, смелее!

— Мне очень нравится слово «Алан».

Коста, живо блестя глазами, обернулся в сторону Ислама.

— Мальчик — карачаевец, а у карачаевцев и балкарцев не приняты такие имена, — сказал Ислам.

— Но почему, ведь это почетно и красиво? «Алан», — медленно повторил Газданов, оглядывая всех недоуменным взглядом.

Ислам встретился со смеющимися глазами Коста.

— Дело в том, что у нас «алан» имеет обобщающее значение. Каждый карачаевец и балкарец — алан, так

мы называем себя. «Алан» — обращение друг к другу в смысле «товарищ, горец, соплеменник». А имя должно быть, так сказать, индивидуальным... Я понятно говорю?

— А как нравится присутствующим имя Мурат? — спросил Газданов.

Все дружно одобрили предложение доктора.

— Ну, что же, Николай Васильевич, — заключил Ислам:— гость сказал свое пожелание. Передайте ожидающим и возвращайтесь в нашу компанию. Что вам дома сидеть в одиночестве.

* * *

Саид чистил конюшню, он делал это каждый день. С удовольствием вставал рано утром, выводил лошадей, а сам начинал уборку. Потом приносил воды, наполнял кормушки овсом.

Лошади в это время паслись. Любимицей Саида была Гемуда. К людям она привыкла, ведь на нее часто приходили смотреть, но чужих близко к себе не подпускала.

Саид неторопливо делал свое дело, когда услышал негромкое ржание Гемуды. Он вышел во двор, выглянул из ворот, но никого не увидел. Не успокоившись, направился к лошади, она смотрела на него большими выразительными глазами, вытянув шею и наострив уши.

«Красавица! — с любовью подумал Саид. — Да раньше за такую лошадь аулов бы не пожалели». Он подошел к ней, потрепал по шее, вытащил из кармана кусок сахара и протянул Гемуде. Влажные губы коснулись грубой руки конюха, и он, еще раз ласково погладив лошадь по боку, направился в конюшню.

Он обернулся в тот миг, когда снова заржала Гемуда. Между деревьями мелькнула темная тень.

— Стой, стой! — закричал Саид и неожиданно для себя быстро побежал в ту сторону, где дрожали ветви. Когда он остановился перед кустом — там стоял парень неопрятного вида.

— Ты что здесь делаешь? — смело пошел к нему Саид. Парень не испугался, прямо посмотрел ему в глаза. — Я уже давно чувствую, что кто-то следит за нами. Ты чей сын?

— Махмута из Каменноостского, ты его не знаешь, он давно умер.

— Мир праху его. А что же ты здесь делаешь?

— Я слышал, что в Теберде у князя Крымшамхалова есть чудесная лошадь и пришел посмотреть. Очень люблю лошадей.

— Это хорошо, — смягчился старик. — Как звать тебя?

— Звали Курман-Али, но теперь все зовут Гуду¹.

— Как это? — испугался старик, и вновь в его глазах появилось недоверие. — За что тебя так?

— Я воровал лошадей, — честно признался парень.

— Ну и ну, — покачал головой Саид. — Уходи-ка лучше отсюда.

— А мне некуда идти. И потом, я же ничего не делаю, только смотрю на лошадь и все.

— Нечего тебе смотреть на нее, сглазишь еще, — рассердился конюх. — А хозяин хочет везти Гемуду на выставку, знаешь, какая у нее родословная, — стал увлекаться старик.

— Позволь, буду тебе помогать. Я же честно сказал тебе все о себе, а ведь мог и соврать. Буду стараться, обещаю, — просил парень.

— Не знаю, не знаю. Ты лучше иди. — Но Гуду продолжал стоять. — Иди, тебе говорят. — Парень не

¹ Гуду — вор.

двигался с места. — Ладно, пойдем, только сначала я тебе кое-что дам. Ты читать умеешь?

— Читать? — парень округлил глаза. — Нет, — затряс он головой.

— Нет? — высокомерно переспросил Саид. — В этом доме все читают.

— И ты?

— Я? А что я? У меня память хорошая, все назубок знаю. Заходи, — он пропустил парня вперед.

Войдя следом, Саид вытащил из ящика в углу сложенную вдвое тетрадку. Поставил перед Гуду маленькую скамейку, деловито сказал:

— Садись.

Потом Саид стал нараспев читать молитву. Он быстро-быстро произносил непонятные слова. Наконец закончил. Поучительно произнес:

— Эта молитва предохраняет от злых умыслов. Сначала надо три раза сказать — «Бисмилляхи рахман рахим», потом читать молитву. Теперь повторяй за мной.

Гуду начал повторять, но быстро устал. Его глаза обследовали всю конюшню.

— Ты чего глазами бегаешь туда-сюда? — рассердился Саид.

— Так мне же ничего не понятно, — ответил Гуду.

— Все понятно, ты повторяй и верь.

— Как же я буду верить, если ничего не понимаю?

— Аллаху надо верить, это молитва.

— А сам ты понимаешь, что поешь?

— Я? — рассердился старик. — Я просто верю, это же мусульманская молитва, а я мусульманин. Хватит болтать. Если б ты верил в бога, боялся бы его — ты не воровал бы, и тебя звали бы так, как нарекли отец с матерью при рождении, а не Гуду...

Парень молчал.

— Давай работать, а эту молитву я тебя все равно заставлю выучить. Каждое утро, приходя сюда, будешь ее повторять. Тебе это пойдет только на пользу.

Минуло несколько дней. Гуду исправно работал. Саид был им доволен. Одно только огорчало старика, помощник так и не смог запомнить молитву.

— Не могу я запомнить эти непонятные слова, Саид, — пожаловался он.

— Да как это не можешь, убогий? — возмущался старик.

Ислам не знал ничего о новом помощнике конюха. У Саида не было возможности сказать хозяину о молодом работнике, а Ислам не находил свободной минуты, чтобы переговорить со стариком. Он трудился днем и ночью над переводом старинной арабской книги. В редкие минуты отдыха подходил к окну и видел мирно пасущихся коней и Саида с каким-то парнем. Постояв немного, он вновь садился за стол. Саиду он доверял полностью.

Работу Ислама прервал быстро вошедший Кондратьев.

— Ты слышал новость? — сказал он, входя в мастерскую Ислама, и направился к письменному столу, за которым сидел его друг.

Ислам поднял голову, встал навстречу и вышел из-за стола.

— Проходи, садись, — он крепко пожал протянутую руку.

Кондратьев грузно опустился в большое деревянное кресло.

— Что, устал? Что-то вид твой мне не нравится. Надо себя беречь. Как ни посмотрю, всю ночь свет в

окошке, — Кондратьев перевел дух. — Ехал я из Баталпашинской. По пути догнал арбу, уже проехал мимо, но человек, укрытый там, показался мне знакомым. Повернул обратно, расспросил кучера. Оказывается, в арбе был Коста. Его везли в Георгиевское к сестре. Вид измученный, говорят, что он тяжело заболел.

Кондратьев посмотрел на Ислама и испугался. Лицо его друга страшно побледнело.

— Подожди, я сейчас, — Ислам быстро вышел из комнаты. Дверь осталась открытой, и Кондратьев услышал: «Приготовьте лошадь как можно скорее, я выезжаю!»

Ислам возвратился:

— Я тебя попрошу об одной услуге, — он направился к столу и стал собирать листочки в стопку. — Это перевод с арабского — рецепты народной медицины. Мария Александровна знает, передай ей. Ты извини, я должен ехать в Георгиевское-Осетинское.

Ислам и Кондратьев вместе вышли на крыльцо. Коных, крепко взяв лошадь под уздцы, ждал хозяина.

— Кто ты, я тебя не знаю, — уже сев на лошадь и собираясь выезжать, обернулся Ислам к молодому коному. Тот опустил глаза и ничего не сказал.

— Этот мальчишка очень любит лошадей, он все вертелся у нашего дома, и я позвал его помогать, — ответил Саид.

Ислам смерил мальчишку с ног до головы, но взгляда его не встретил. Хлестнув лошадь, он быстро выехал со двора.

Парень поднял глаза — они были тусклые и маленькие, как у мышки, взгляд — пастороженным и злым. Саид этого не замечал. Вот своих лошадей он знал отлично и каждую мог бы узнать среди сотни других.

У дома Хетагуровых никого не было. Ислам въехал во двор и спешился у крыльца. Он молча поднялся по лестнице и открыл дверь. В прихожей было пусто. «Может, ушел куда-нибудь», — подумал Ислам.

Он резко толкнул одну из дверей и сразу увидел сестру Коста Ольгу, проворно поднявшуюся со стула навстречу Исламу. Она что-то писала, увлекшись так, что ничего не слышала. Приход Ислама привел ее в замешательство, но ненадолго, она быстро взяла себя в руки.

— О, Ислам, брат наш, как я рада тебя видеть, — она приблизилась так стремительно, что Ислам поначалу был вынужден сделать несколько шагов назад. — Как бы Коста обрадовался, если бы смог тебя видеть...

— Почему «бы»? — спросил Ислам, догадавшись встать в сторону.

Ольга остановилась в замешательстве, ничего не ответила. «Да она не хочет допускать меня к нему», — вдруг догадался Ислам.

— Где Коста? — твердо спросил он.

— Коста? Конечно же, дома, он тяжело болен. Всегда, когда ему станет плохо, вспоминает о сестре и совсем упускает из виду, что я слабая женщина и мне очень трудно одной — у меня нет средств. Он же готов последнюю копейку по ветру пустить. Я вот пишу письмо, чтобы мне дали возможность распоряжаться его имуществом. Скажу тебе по секрету, мне кажется, у него рассудок не в порядке. Все это стоит денег и пойдет на лечение брата, если только ему поможет...

Ольга вдруг заплакала.

— Ты очень изменилась, Ольга, — горько сказал Ислам. — Зачем упрекать больного брата?

Ольга вздохнула. Слова Ислама обидели ее.

— Я могу увидеть Коста?

— Когда проснется, — сухо ответила она. Со двора послышался шум. Ольга выглянула в окно.

— Опять! Покоя от них нет! — грубо сказала она, направляясь к выходу. — Располагайся, я сейчас.

— Я же сказала вам, что брат спит, ему нужен покой. Приходите завтра. Завтра, завтра! Сегодня я вас не пущу, он очень устал с дороги.

Ислам услышал в соседней комнате негромкий стук. «Проснулся», — догадался он и приоткрыл дверь. Коста, изможденный, ушедший мыслями куда-то, лежал на тахте и с улыбкой смотрел в окно. Чайная ложечка, зажатая между пальцами, мелко дрожала.

— Да тебе холодно, Коста! — Ислам взял еще одно одеяло и укрыл его. — Здравствуй, брат, — нагнувшись, он обнял его. Рука ощутила острую лопатку.

Коста посмотрел на него, будто Ислам был все время рядом с ним, и закрыл глаза, откинувшись на подушку.

«Не узнал», — глаза Ислама повлажнели.

— Как Теберда? — слабо шевельнулись губы Коста.

— Все хорошо, брат. Давай поедем ко мне, — склонился у изголовья Ислам.

— Ты все понимаешь, ты всегда был чутким, Ислам. — Коста надолго замолчал.

Быстро открылась дверь, вошла Ольга, посмотрела на обоих внимательно, поправила подушку и вышла, оставив дверь не до конца притворенной.

— Я обязательно поеду к тебе, Ислам. Карачай — моя вторая родина. Не везет мне, брат. Я чуть-чуть поправлю здоровье, потерплю, — он кивнул в сторону

двери. — И потом, мне нужно здесь увидаться кое с кем. Ты понимаешь меня?

— Конечно.

— Ну, вот и хорошо. А потом я приеду к тебе.

— Я сам за тобой приеду.

* * *

— Я собрал вас, князья и уздени, по важному делу, — сказал, обращаясь к присутствующим, Рамазан-эфенди. — Я побывал у атамана в станице Баталпашинской, — Рамазан-эфенди пристально взгляделся в каждого, чтобы все поняли, какую силу и власть он представляет. — Атаман дал указание препятствовать крестьянским бунтам, вплоть до физической расправы. «Вы действуйте сами, действуйте смело, а мы, если нужно будет, поможем», — его слова. Так что сохранение порядка в горах — наше кровное дело. Уже и среди знатного сословия появляются предатели, надо их направить на путь истинный. Кто упрется, того следует упереть в землю.

Эфенди замолчал. Молчали и присутствующие.

— Что же вы молчите? Говорите, пусть каждый скажет свое слово.

— Непокойное время настало, непокойное. В России давно началась смута, уже добралась и до нас. Правильно Рамазан-эфенди говорит. Холопы не то что голову подняли, уже замахиваются. Я согласен с эфенди. Скажи, Рамазан, что надо делать? — медленно, с расстановкой, говорил Кучук-бий, известный в своей среде тем, что проклял единственную дочь, красавицу Фатиму, убежавшую замуж за своего работника.

В комнате возник шум. То говоря по очереди, то перебивая друг друга и споря, собравшиеся сетовали на беспорядки, возмущались.

— Хватит болтать! — Рамазан-эфенди ударил по столу кулаком. — Сами виноваты. Все знаете, все видите и терпите. Пока вы весело проводите время, крестьяне рубят ваши леса, сады. Страшно подумать, но ведь это может пойти еще дальше. Надо действовать. Давайте посоветуемся, что нам делать. Я тут уже обдумал кое-что, — эфенди снисходительно оглядел присутствующих. Ко всем, кто вызывает у нас подозрения, надо приставить своего человека. Это — Ислам Крымшамхалов, братья Байрамуковы, братья Халиловы, кстати, Санд приехал сюда не один, с каким-то дагестанцем, которого разыскивает полиция, Солтан Байчоров, Исмаил Акбаев, переехал в Теберду Мисост Акбаев, его часто навещает Басият Шаханов — балкарский князь. Первого и последних двух я беру на себя, остальных сейчас распределим.

В окошко тихо постучали. Некоторые мужчины просительно посмотрели на старика. В комнату вошел работник, что-то тихо шепнул эфенди. Рамазан ответил: «Это Гуду. Скажи, пусть подождет».

— Итак, продолжаем. Ислам Крымшамхалов часто бывает в отъезде. Когда я вам дам знак, дом надо будет уничтожить. Пусть горит все! Его жена только обрадуется возвращению в дом отца. С него и начнем. Пока все. Магомет пусть останется.

Мужчины шумно зашевелились. Когда эфенди проводил гостей, был вызван Гуду.

— Говори, — Рамазан смотрел на него сурово.

— С утра князь уехал в Учкулан, приедет послезавтра. Потом собирается в Екатеринодар. Дома у него был Коста Хетагуров. Он увез его в Георгиевское.

— Нищий осетин, — процедил сквозь зубы эфенди.

— А князь говорит, что он алмаз в короне Кавказа, — поднял глаза Гуду.

— Продолжай, — оборвал его резкий голос.

— Еще у них часто бывают русский доктор Мария и ее муж. А сын у них карачаевец, — снова отвлекся Гуду, но взгляд эфенди заставил вернуться к теме разговора. — Дома князь рисует или пишет. Свет в его окне горит почти всю ночь. Меня он не любит...

— Он подозревает тебя в чем-нибудь? — всполошился Рамазан.

— Нет, он никогда со мной не разговаривает, только молчит и смотрит.

— Ну, не бойся, князь — художник, может, он тебя нарисовать хочет, — сказал Магомет.

— Что сейчас рисует Исламбий? — спросил эфенди.

Гуду снова повернулся к Рамазану-эфенди.

— Я видел. Большое-большое дерево. Синее-синее небо. А под деревом маленькие люди и лошади. Женщины танцуют. Аппа на сыбызгы играет.

— Откуда ты его знаешь? — снова спросил старик.

— Саид рассказывал.

— Какой Саид?

— Конюх.

— А другой Саид приходит — молодой, красивый с усами?

— Приходит, только он мне не нравится. Он смеется надо мной.

— Ты должен говорить обо всех, кто бывает в том доме, а не о тех, кому ты нравишься.

Гуду потупился.

— Я обещал тебе подарить Гемуду, — погладил бороду Рамазан-эфенди. — Если будешь меня слушаться, обязательно получишь Гемуду...

Глаза Гуду блеснули.

Ислам выехал в Теберду темной ночью. Было тихо-тихо. Перешептывался легкий ветерок и тяжело дышала лошадь. Подъехав к дому, Ислам спешил и взял лошадь под уздцы, только собрался провести ее через кусты сирени, как услышал шепот. Ислам ласково потрепал лошадь по шее и прислушался. Разговаривали двое.

— Задерживается он что-то. Ты не замерз, Махач?

— Нет.

— Смотри, в горах ночью свежо.

— А не опасно мне находиться у него? Князь все-таки...

— Если бы все князья были такими! Его зовут Ислам, запомни это имя. Потом будешь говорить, что доверяешь только ему. Он самый лучший из всех нас, честный, смелый. Мужчина!

— Кто это так громко говорит в такую ночь? Это ты, Саид?

Ислам вышел из-за кустов. Саид Халилов обрадованно шагнул ему навстречу.

— Здравствуй, Исламбий. Я не один. Со мною друг, кумык.

— Кумык? Это хорошо. Будет в доме два кумыка. Идемте в дом, что мерзнуть во дворе.

Мужчины пошли за Исламом. Пламя свечи осветило гостей. Ислам с удовольствием глядел на их молодые лица.

— У нас важное дело. Я уверен, что вы не откажете, Исламбий. Надо спрятать Махача на некоторое время. У него нелады с властями. Когда ему можно будет уехать, друзья сообщат.

— Вас видел кто-нибудь?

— Нет, Гуду как уехал, еще не вернулся.

— А куда он уехал?

— Сказал коноху, что надо домой съездить на несколько дней.

Ислам внимательно посмотрел на Махача и сказал:

— Тебе надо сбрить усы и шевелюру. Я уезжаю завтра в Екатеринодар. До моего возвращения побудешь на коше у Исмаила Акбаева. Сейчас накормлю вас чем-нибудь и в путь.

— Мы не голодны.

— Ночь длинна, а вы мои гости.

Ислам вышел и вернулся вскоре с тарелкой и большой чашей.

— Сейчас я вас угощу царским ужином!

Вскоре два всадника отъехали от дома и скрылись под покровом ночи. Ислам, проводив их за ворота, вернулся в свою мастерскую.

Глава XX

Ислам приехал в Екатеринодар. В этом городе должен был состояться съезд горских народов. Остановился в гостинице. Спустившись вниз, он попросил у администратора показать список прибывших в город на этой неделе.

Администратор открыл тетрадь и стал читать фамилии:

— Купец Алексеев — Москва, Ираклий Вашакидзе — Тифлис, 217 номер.

Не нашел ни одной знакомой фамилии. Сначала Ислам заинтересовался фамилией грузина, подумал, что, может, он прибыл на съезд. Но оказалось, что это коммивояжер, живет в Екатеринодаре уже больше месяца.

— Прошу ключ, — рука нетерпеливо дернулась, — 217 номер!

Ислам оглянулся и увидел кавказца с какой-то крикливо напряженной женщиной, приторно и часто смеющейся.

Ислам прогулялся по бульвару, купил свежие газеты. Вернувшись к себе в номер, углубился в чтение.

В Карачай вести из больших городов, из центра России, из Петербурга доходили с большим опозданием, весьма скудно, отрывочно, а нередко и в искаженном виде. Однако и здесь знали о революционных событиях в столице и других городах, о жестоких подавлениях народных выступлений...

Шли разговоры о народных волнениях в Ставрополе, Минеральных Водах, Георгиевске, Баку, Майкопе. Вспыхивали крестьянские бунты. И вот теперь этот съезд в Екатеринодаре. Собираются представители горских народов.

Ислам отложил газеты. Мысли сосредоточились на предстоящем съезде. О чем там будет разговор? Что это даст полезного горским народам?

Ислам решил выступить об образовании горцев, о нуждах родного Карачая в новых школах, хороших учителях. Может, надо затронуть вопрос о создании нового алфавита, высказать свои мысли? Нет, пожалуй, лучше сказать о земельной реформе. Этот вопрос назрел. В Карачае люди давно думают о земельных переменах...

На съезд Ислам пришел пораньше, все надеялся увидеть знакомых. С ним многие раскланивались, высказывали ему самые сердечные добрые пожелания.

Наконец съезд открылся. Один за другим выступали ораторы, и у Ислама росло чувство раздражения и разочарования. Выступления носили слишком общий характер — обо всем и ни о чем. Создавалось впечатление, что все ораторы решили заверить присутствующих в своих верноподданических чувствах, преданности са-

модержавию. Громогласно превозносили «Манифест», изданный царем в октябре 1905 года, в котором были обещаны гражданские свободы.

Наконец председательствующий объявил:

— Речь произнесет князь Крымшамхалов.

Все время, пока Ислам шел к трибуне, председательствующий сладко улыбался.

Ислам поднялся на трибуну.

— Я буду краток! Я, князь Крымшамхалов, единственный представитель от карачаевского народа. И я хочу спросить — о какой свободе, которую дал горцам царизм, вы еще можете говорить? — он повернулся к председателю. У того медленно сходила с лица улыбка. — Это та свобода, что у негров в Америке! Выступавшие до меня ораторы склоняли по надежам слово «свобода» и только. Однако мой народ, как и другие горские народы, не свободны в решении главных вопросов своей жизни — владения землей, просвещения, использования природных богатств.

Даже до далекого Карачая доходят вести о волнениях народа в России, по всей стране. Однако здесь это старательно умалчивается. А ведь та борьба, отголоски которой доходят до нас, — признак новой здоровой силы!

Я покидаю съезд!

Ислам сошел с трибуны. Тишина. Растерянность. Потом раздался шквал аплодисментов с галерки. Ислам вынесли на руках студенты. Распевая песни, они сопровождали его до гостиницы.

-- Вы молодец!

-- Здорово сказали!

-- Я сказал то, что думал.

Из Екатеринодара Ислам возвращался злой и неудовлетворенный. В Невинномысске его встречали дру-

зья. Они сообщили о тяжелом состоянии Коста. Обуреваемый тревожными мыслями, Ислам заторопился к другу.

Ольга встретила его сдержанно и настороженно. Стала опять жаловаться.

— Ольга, я забираю его, — решительно сказал Ислам. — Ты женщина, и тебе трудно, я это понял!

Она что-то хотела возразить.

— Не надо, я все понял.

Она расплакалась и бросилась ему на грудь. Но Ислам отстранился.

— Я устала. Устала. Он все равно не поправится...

Ислам молча обошел ее и вышел. Во дворе стоял фаэтон, на скамейке лежал бледный и слабый Коста. Он ничего не сказал, хотя все слышал. Слабая улыбка тронула его губы.

Двинулись в путь. Ислам, боясь потревожить Коста, приказал ехать медленно. Думы его были невеселы. Он размышлял о превратностях судьбы этого человека.

Он наклонился к Коста и столкнулся с ним взглядом.

— Ты не спишь?

— Не спится.

— Закрой глаза и постарайся уснуть.

— Знаешь, Ислам, у меня есть две страсти на свете — одна Осетия, другая — ты. Сколько раз ты меня выручал из беды, можно сказать, спасал от смерти...

— О чем ты говоришь, Коста?

— Помню, как Кондратьев приходил, бегал с тобой хлопотать за меня.

— Ты его увидишь. А сейчас не разговаривай. Это утомляет тебя. Отдыхай.

Коста устало закрыл глаза. До самой Теберды они молчали.

Когда телега завернула к дому Ислама, на крыльце показался Кондратьев. Коста сам встал на ноги и медленно направился к крыльцу. Кондратьев бросился к нему.

— Коста, друг, здравствуй! — он так стиснул Коста, что тот виновато улыбнулся.

— Ты, как всегда, силен и бодр, Кондратьев!

— Ты извини, это я от радости. Счастлив видеть тебя. Ты быстро поправишься. Вон Ислам только в Теберде не болеет.

Ислам обернулся в их сторону и позвал:

— Пошли в дом. Коста должен отдохнуть с дороги. Помоги ему, Анатолий.

Ислам пропустил друзей вперед.

— Да,— обернулся к нему Кондратьев,— я получил журналы «Русская мысль», там есть кое-что интересное. Целая статья про Карачай.

— Прочтем все вместе, — сказал Ислам. — Пусть Коста поспит. Если почувствует себя бодрее, может, и он присоединится к нам. Вечером соберемся...

Вечером на коше у Исмаила Акбаева собрались Ислам, Кондратьев, Ахмат Байрамуков, Солтан Байчоров, Саид Халилов. Здесь же были хозяин коша и Махач Дахадаев.

Исмаил интересовался здоровьем Коста, посожалел, что он не смог приехать. Ислам рассказывал друзьям о прошлогоднем приезде журналиста, статью которого они собирались слушать. Ислам помнил этого человека, он тогда произвел весьма приятное впечатление. Фамилия его не сохранилась в памяти.

— Давайте же начинать, друзья, — сказал Исмаил.— Мы слушаем вас, Анатолий Дмитриевич.

«...Дорога пустынна, — читал Кондратьев, — и только возле Баталпашинской еще встречаются арбы,

запряженные волами, длинные парные телеги вроде нашей и всадники, по преимуществу горцы, с их оригинальной посадкой, стоя на стремянах, в седлах арчаках, что при плавной побеге горных лошадок, при длинных бурках и высоких папахх придавало им вид каких-то гигантов, идущих по земле. Иногда встречались карачаевцы, везшие в Баталпашинскую два-три бревна или возвращающиеся домой после продажи этих бревен. Чем дальше вглубь, в горы, тем пустынной дорога: иной раз едешь два-три часа и буквально ни единой живой души не видишь».

— Весьма живописная картина, — сказал Ахмат.

— Не перебивай, — остановил его Солтан. — Читайте дальше.

«...Наконец при одном повороте долины, когда мы только что переехали на левый берег реки, что-то блестящее, сверкающее на ярком солнце золотом и серебром, что-то колоссальное, как само небо, загородило нашим взорам дорогу, неожиданно встав из-за гор. Это был красавец Эльбрус с его гигантскими снеговыми полями и ледниками, с его подавляющей высотой, которая давала ему возможность даже через горы, окружавшие нас и его со всех сторон, заглянуть в Индыш, в долину Кубани! Мы в один голос ахнули от неожиданности явления, от изумления и восторга и решили здесь сделать остановку, чтобы подольше насладиться чудесной картиной.

Подавляющая белоснежная громада Эльбруса так придвинулась к нам, благодаря прозрачности горного воздуха, что совершенно придавила окружающие горы, которые казались маленькими и жалкими. Блеск и сверканье его снегов уничтожили, подавили всю прелесть и разнообразие окружающей нас природы. Он был от нас, считая не по дороге, а по линии зрения, не

менее как в 40 верстах, а нам казалось, что он насел на соседнюю гору и стоит только подняться на нее, чтобы быть у подножья. Трудно выразить словами то впечатление, которое производит такой великан, когда оказываешься вблизи него...»

— А один карачаевец уже выразил, — и Исмаил Акбаев прочитал сначала по-карачаевски, потом перевел:

Ты до неба высок
Среди гор обычных,
Как алмазы блистают
Льды твои громадные!

— Кто это? — все обернулись к нему.

— Не знаю, но говорят, его зовут так же, как и меня, — загадочно улыбнулся Исмаил.

— Будет тебе хвастаться, — сказал Ислам. — Автор статьи, хоть и не в стихах, а очень красиво описал Эльбрус.

— Читайте дальше, Анатолий Дмитриевич, — попросил Ахмат.

«...В поселке Мара по распоряжению кавказского учебного округа существует школа, учителем там был И. М. Б. (Все оживленно заговорили, ведь речь шла о старшем брате Ахмата — Ильесе), милейший карачаевец, сын кадия из Хурзука, прошедший 6 классов Ставропольского реального училища, — простодушный добряк, душевно преданный своему великому делу обучения и развития полудикого народа. Проникнутый истинным сознанием важности образования для народа, он понял, что к образованию, как к делу новому и трудному, нужно приучать народ постепенно, показы-

¹ Перевод подстрочный.

вая ему практические выгоды знания, приманивая его к школе разными приманками, расширяя его хозяйственный горизонт, для чего он выписал, например, разные семена из Харькова, обучая этих скотоводов огородничеству, сея эти семена и ухаживая за огородом вместе с учениками школы. Над ним смеялись, говорили, что он занимается «бабским делом» (как он передавал слова насмешников), но он не обращал внимания на эти насмешки, вырастил хорошие овощи и угостил ими своих порицателей, находя, что кротостью и фактами лучше всего убедить людей.

Понимая, что женщина — лучшая проводница просвещения, он выучился разным рукоделиям и стал обучать им девочек в Хурзуке, где он был известным лицом. У него собралось до 30 учениц, но из-за интриг местного учителя это дело расстроилось и он ушел учителем в Мару.

Замечательно, что среди всех горцев карачаевцы охотней всего учатся и заводят школы, понимая практические выгоды знания».

— Очень правильно заметил! — не удержался от восклицания внимательный Махач.

— Вот еще интересное наблюдение, послушайте: «На мой вопрос, неужели темная сырая и холодная сакля, где часто задыхаешься и слепишь от дыма, им кажется удобней, чем русский дом, мне отвечали, что в нашем доме душно и нет места, около которого можно было бы усесться как около огонька на очаге, около которого они едят, пьют, спят, греются, болтают, рождаются и умирают... Что касается народа, то я был поражен сдержанностью карачаевцев, которые совсем не надоедали никому из нас своим присутствием. Удивительно, как тихо живут татары, как мало звуков слышится в таком огромном ауле даже вечером, когда все свобод-

ны и дома. У нас в страдную пору молодежь хоть немного посидит в компании и попоет, устроит хоровод, а здесь ничего подобного вы не видите и не слышите: тишина днем и вечером нарушается только приходом стада, очень небольшого впрочем, и голосом муэдзинов (мечетей здесь несколько), которые громко и резко выкрикивают свое воззвание к правоверным. Но из правоверных на их призыв отзываются только старики... Молодежь сходится, главным образом, только во время свадеб и за несколько дней перед свадьбой. Молодые девушки и мужчины, хотя бы и женатые, собираются и танцуют сандрак — танец, похожий на разные части кадрили с очень маленьким «па» старинных танцев. Дня два-три перед свадьбой продолжаются эти собрания молодежи в доме невесты, куда в это время на танцы может придти всякий. Молодые танцуют до усталости, потом отходят в сторону, их место занимают другие, а эти пока смеются, болтают, смотрят на танцующих, опять танцуют, приходят и уходят, пьют и едят, и так идет два-три дня...

Как-то днем на противоположном берегу Учкулана мы заметили необычайное движение: человек 50—60 всадников, а может быть и больше, вместе с женщинами то двигались вместе в два-три коня, то перегоняли друг друга, отставали, опять двигались рядом и т. д. Это была, как нам сказали, свадебная процессия, ехавшая с невестой или за невестой. На фоне суровых, даже скорее мрачных, темных гор, отделенная от нас грохочущей ревущей рекой, эта пестрая толпа в непрерывном движении, разодетая в ярко-цветные платья и темные бурки, имела какой-то театральный вид, точно в Линде-ди-Шамуни, где изображается, сколько могу припомнить, возвращение горцев на родину. Каждый из всадников вез на седле девушку, а сам сидел сзади

седла на крупные лошади, придерживая даму правой рукой. Несмотря на массу народа, мы за ревом реки не слышали никаких звуков — ни говора, ни смеха, ни топота, ни ржания коней, точно перед нами разыгрывалась пантомима или раскрывался фантастический сон! Как лента из горных цветов, лилась эта толпа узким потоком по дороге в Карт-Джурт, крутясь и волнуясь, вытягиваясь в ниточку, где тропинка была узка, и разливаясь в широкую реку, где была возможность проехать широкой волной в 10—20 всадников. По неровностям почвы толпа то показывалась, то исчезала, то опять пестрела на переходе из одной ложбины в другую, пока не исчезла в одной из балок Карт-Джурта, точно провалилась сквозь землю...»

— Помните свадьбу Ислама? — воскликнул Ахмат, но на его слова никто не прореагировал.

«Карачаевцы очень гостеприимны, — продолжал читать Кондратьев, — каждый считает своим долгом угостить гостя, чем может, причем денег за угощение с вас не возьмут, впрочем, этот обычай начинает исчезать и иногда с нас брали деньги, но вообще, даже мы, христиане, пользовались любезностью и хлебосольством. Везет, например, карачаевец бурдюк с айраном, попросишь его налить немного айрану в большую деревянную чашку, а он пальмет ее доверху, предложит вторично, и денег не возьмет».

Кондратьев остановился и сказал, не отрывая глаз от страницы:

— А вот теперь об Исламе. — «Один из представителей здешнего дворянства, самый интеллигентный и наиболее предприимчивый во всем крае Крымшамхалов Ислам, художник, пейзажи которого выставлялись, если не ошибаюсь, на выставке московских художников, задумал увеличить доходность своих стад ебытом

сыра и масла во время сезона в Кисловодске. Для этого он ездил по русским сыроварням, выучился сыроварению, повел дело, как говорили, очень недурно, получил барыш, но затем начались обычные плутни продавцов молока, разбавлявших его водой; затем трудность доставки свежего сливочного масла на лошадях в жару в Кисловодск, болезнь главного двигателя этого предприятия и другие обстоятельства приостановили это дело, которое могло бы дать хороший заработок карачаевцам».

— Почти правда, но не правда, — не удержался от замечания Солтан Байчоров. — Скажи, Ислам — «самый предприимчивый во всем крае», сколько у тебя сот баранов? — Ислам пожал плечами. — Ну, вот. А что еще он пишет?

Кондратьев пролистал несколько страниц.

«Я не говорю здесь про гостеприимство и хлебосольство из принципа таких лиц, как Ислам Крымшамхалов, который гордится добрыми старыми обычаями своего народа, и как большой патриот особенно подчеркивает их... Комнаты на дачах были везде заняты, поэтому пришлось обратиться к карачаевскому гостеприимству Ислама Крымшамхалова, чтобы найти хоть какой-нибудь угол дня на 2—3. Один из наших спутников г. С. был знаком с Исламом и устроил нам это дело; на мою просьбу узнать, сколько мы (7 человек) должны за это платить, г. С. объявил, что Ислам принимает нас как своих гостей и денег брать не хочет. Мало того, г. Крымшамхалов отдал нашим дамам свою комнату, а светелку, где жил его брат и один знакомый, уступил нам, мужчинам. В большой приемной комнате дома нам накрывали стол для чая, обеда и ужина, сервируя их по-нашему. Украшением стола была мать хозяина, которая председательствовала за чаем, хотя

несколько стеснялась недостаточным знанием русского языка, но делала все, что могла и знала, чтобы нам было приятно и удобно, а ее сыновья с чрезвычайной любезностью были к услугам наших дам, учили танцевать сандрак, наигрывали карачаевские песни, выказывая при этом удивительную музыкальность и тонкий слух. Между прочим, они заставили петь одного кумыка, своего работника, который скорее сказывал речитативом, чем пел сказание о Шамиле...

— Танеев и Ярошенко любили слушать Саида, — вспомнил Исмаил.

«Художник Крымшамхалов, — продолжал читать Кондратьев, — дважды пробовал жить в Москве для занятий, но к декабрю у него поднималась температура, начиналось кровохарканье, он терял силы. Едва он возвращался в Теберду, как все проходило. В Москве к декабрю он едва мог дышать и ходить, а здесь он лазает по горам...

Здесь, на этих высотах, хорошо отдыхать от людских треволнений, успокаивать нервы, истрепанные жизнью, но хорошо только для людей сильных духом, потому что эта природа холодна и сурова. Здесь не место униженным и оскорбленным — эта гордая, надменная и суровая природа придавит их окончательно, в ней нет нежных, убаюкивающих звуков, нет успокаивающих красок — здесь все резко, сильно, полно спокойного величия и какой-то могучей, но спящей энергии. Здесь место для байронических натур, здесь обстановка, подходящая для Манфреда, Каина и т. п. людей. Вот где задумывать великие творения, гениальные произведения, которые поразят мир своей глубиной, красотой и величием!»

Кондратьев закрыл журнал, а Саид воскликнул:

— Вот это он точно подметил!

— А что вы думаете по поводу этой статьи? — обратился Махач к Кондратьеву.

— Надо отдать должное автору — у него цепкий, наблюдательный взгляд, а некоторая высокомерность суждений и допущенные искажения — это, с одной стороны — издержки воспитания, а с другой стороны — поверхностность, мимолетность наблюдений, — просто сказал Кондратьев.

— А что можно узнать о новом крае, о незнакомом народе за несколько дней? Недаром он и фамилию свою не подписал. М. Б.— и все,— Солтан зашагал по кошу.

— А чего ты сердишься? Кое-где он пишет так образно и поэтично, — вставил Исмаил.

— Кое-где! — передразнил Солтан Исмаила. — А мне хочется, чтобы все люди думали о моей родине так, как я! — Он продолжал нервно вышагивать.

Установилась пауза. И тогда сказал Ислам:

— Всех под одну гребенку не причешишь. Люди разные встречаются. Любопытно было познакомиться с этой статьей. Я уверен, что придет время, когда люди далеко за пределами нашего родного края узнают о Карачае больше, без выдумок и извращений, будут думать о нас с уважением...

Друзьям очень хорошо было здесь, на коше Исмаила Акбаева.

Утром они бродили по лесу, взбирались на кручи. Поднявшись на вершину, такую узкую, что там было место только для одного человека, Ислам бесстрашно отплясывал лезгинку. Друзья восхищенно смотрели на него снизу. А Ислам просто вспомнил Таукоз...

Они ехали тогда верхом к этому же кошу. Лошади устали, шли медленно. Вдруг Таукоз остановилась и проговорила нараспев, глядя на Ислама, а видя что-то свое:

— А ты смог бы сплясать лезгинку

На пике горной вершины?

— Что, стихи сочиняешь? — поинтересовался Ислам.

— Нет, — Таукоз рассмеялась, — я спрашиваю...

Ислам и верил и не верил ей...

По вечерам друзья собирались у костра, вели свои бесконечные разговоры. Был здесь и Коста. Он поправлялся. Чистый горный воздух и доброжелательное отношение товарищей поставили его на ноги. Писал он совсем мало, больше думал, устремив поверх сосен свои большие печальные глаза. В такие минуты его никто не беспокоил. Когда он смотрел на Ислама или Махача, лицо его светлело.

Однажды Ислам спросил у Махача:

— Ты знаешь такое имя — Ленин?

— Да, — ответил Махач. — Это мудрый и великий человек.

— Уже третий раз я слышу имя — Ленин. Первый раз несколько лет тому назад мне назвал его Коста. Несколько дней тому назад я слышал это имя в Екатеринодаре. А теперь слышу от тебя, Махач. Расскажи о нем...

— Я мало что знаю, — немного смутился Махач. — Но мне известно, что он думает о свободе и счастье для всех народов.

— В Екатеринодаре говорят, что в России неспокойно. Большие волнения народа. Зимой перед царским дворцом в Петербурге расстреляли много людей. А люди пришли к царю просить справедливости...

— Этот день в народе назвали кровавым воскресеньем, — произнес Махач. — Да что там Петербург! Гораздо ближе — в Ставрополе власти тоже расстреляли много людей. Это случилось 7 июня. Его называли

«Кровавый день Ставрополя». Хотят задушить революцию. А народ смело говорит: «Долой царя!..»

Так проходили дни. Ислам откладывал свое возвращение в Теберду из-за Коста. Ему было здесь хорошо и спокойно. Хотелось продлить для него это время. Пусть окрепнет, наберется сил.

Кондратьев уехал в Теберду, но быстро возвратился. Он был очень возбужден, спросив Ислама, пошел искать его. Ислам, раскрыв мольберт, работал неподалеку. Он увлеченно рисовал. Прерывистое дыхание Кондратьева заставило его обернуться.

— Здравствуй, Ислам. У тебя в доме Рамазан-эфенди и князя. Хотят видеть тебя. Подозрительно щедрые, даже хотели подняться сюда, но я догадался предложить свою помощь.

Ислам, слушая, собирал мольберт.

— Я испугался за Махача, Коста, Исмаила. За тебя боюсь, Ислам, — тихо закончил Апатолій Дмитриевич.

— Спасибо тебе большое. Пойдем.

...Махач показывал Коста минералы и говорил:

— Посмотрите, чего здесь только нет! Разве может хоть что-нибудь быть богаче гор!?

— Есть такое, Махач, — сказал, проходя мимо, Ислам. Махач замолчал, ожидая продолжения разговора. — Богаче гор — люди! — сказал Ислам, вскакивая на лошадь. — Я скоро вернусь, друзья, у меня важное свидание.

Коста, Махач, а затем и подошедший Исмаил молча смотрели вслед удаляющимся всадникам.

* * *

Во дворе вкусно пахло бараншиной. Конюх Санд сыпал соль на шкуру барашка. Гуду стоял рядом с ним.

Ислам спешился, поздоровался с ними и прошел в дом.

Краем глаза он увидел приветливое лицо жены, улыбнулся ей. Войдя в комнату, он тестя своего не увидел, удивился: «Странно, все его друзья здесь».

Ислам поздоровался с каждым из вставших мужчин и пригласил их сесть. Затем сел сам.

— Как здоровье, Ислам? — издалека начал Рамазан-эфенди.

— Спасибо, не жалуюсь.

— Дома у тебя все хорошо: приветливая жена, образцовое хозяйство. Сад у тебя замечательный. Лошади великолепные.

Ислам внимательно слушал старика, а тот продолжал:

— Вижу, много труда вкладываешь ты в хозяйство. Прислуги у тебя почти нет. Где ты время находишь за всем успевать? Лошади у тебя просто чудо. Не пойму только, для чего ты выводил новые породы?

Взгляд Рамазана-эфенди был цепок и осторожен одновременно.

— Хочу в Теберде создать конный завод, — ответил Ислам.

— Понятно, понятно.

Рамазан-эфенди кивал головой в такт своим словам. Прошелся по комнате. Вновь сел.

— Уважаемый Исламбий, — начал он вкрадчиво, — мы приехали к тебе по важному делу. Ты посмотри, к тебе в дом пришли самые почетные и уважаемые люди Карачая — князья и уздени. Ты тоже представитель благороднейшей фамилии. Знатные люди все должны держаться вместе. И вот мы хотим просить тебя, уважаемый Исламбий, чтобы во время своих выступлений на сходах ты внушал почтение к людям нашего круга. Кое-кто поднимает шум о какой-то земельной реформе.

Ты же знаешь, что земли достались нам по наследству, никто ни у кого не отнимал их.

— Даже в Коране сказано, что земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Излишки земли следует отдать в пользование неимущим. — Ислам в упор посмотрел на старика.

— С тобой трудно спорить, Исламбий, ты умен и образован. Но подумай, какое беспокойное сейчас время. В Хурзуке, в Теберде начинаются волнения. Успокой людей, Исламбий, просим тебя. Народ любит тебя, тебе он поверит. Найди и для нас защитные слова. Не надо поощрять раздоры между людьми. Успокой Солтана Байчорова, Ахмата Байрамукова и их друзей: они подстрекают народ против нас.

— Я этого не буду делать. Да, Солтан Байчоров и Ахмат Байрамуков иногда не в меру горячи. Но они заботятся не лично о себе, а отстаивают справедливость. Все должно быть справедливо.

— Уф, что ты говоришь? — воскликнул кто-то из гостей. — Все эти волнения могут привести к беде...

— Столько почетных людей пришло к тебе. Что же ты предлагаешь нам, Исламбий? — вкрадчиво и тихо спросил Рамазан-эфенди.

— Не доводите дело до беды, о которой здесь кто-то из вас говорил. Отдайте излишки земли. Зачем вам такое количество земли? Только для того, чтобы хвататься перед другими своим богатством. Ведь часть ваших земель даже не обрабатывается. Оставьте себе необходимое...

— Никогда! — вскричал Кучук-бий. — Что разговаривать с ним? — Разве вы не видите — он издевается над нами? Он давно гяур, идемте отсюда!

— Подожди, — пытался остановить его Рамазан. Однако Ислам уже встал со своего места.

— Я все сказал.

И он стремительно вышел из комнаты.

Незадачливые гости долго сидели в молчании. Потом Рамазан накинулся на Кучук-бия:

— Зачем ты вмешался в наш разговор? Я сумел бы повернуть его в нужную нам сторону. Сиди теперь, жди, когда он соизволит к нам придти.

— Боюсь, что ты переоцениваешь свои силы и недооцениваешь его, — ответил Кучук-бий, глядя в окно. — Нам придется с позором уйти после хозяина.

Гости услышали удаляющийся цокот копыт.

— Какое оскорбление! — возмущился Рамазан-эфенди. — Не проводить старших! Нет, я долго терпел его выходки, пора кончать с этим.

Эфенди решительно направился к выходу.

...Когда Ислам поднялся на кош к друзьям, уже стемнело. Мужчины встретили его радостно. Только он переступил порог, как сзади раздался гром.

— Ого, да ты везучий, Ислам, — обрадовался другу Коста. — С кем это ты?

— Я? — обернулся удивленный Ислам.

Сзади него, закрывая почти всю дверь, стоял высокий и крупный мужчина в годах. Ислам посторонился, давая ему возможность пройти вперед. Мужчина развязал башлык, и все узнали Канамата.

— Прошу простить меня, что явился незванным. У меня дело к Исламу.

— Проходи, проходи смелее.

Махач и Исманл подошли к нему и помогли раздеться. Мужчина вытащил из-за пазухи сверток.

— Я долго берег это, чувствовал, что важное, но не знал, кому дать. Мне нужен был самый честный человек, и вот поэтому я решил найти Ислама. Я неграмотный, а ты прочтешь и все поймешь.

Канамат протянул Исламу листки.

— Эти бумаги,—продолжал Канамат,—забыл в горах когда-то теперешний эфенди. В то время Рамазан баловался в абреках. Потом неожиданно исчез, забыв бумаги. Я тогда слышал, что он их искал очень. Ты посмотри, может, там есть что-то интересное, я стар становлюсь, еще потеряю.

— Присаживайся.

Ислам стал просматривать бумаги.

— Не может быть! — воскликнул он.

— Что здесь?—Мужчины собрались около него.

— Ты представляешь, — Ислам встал и прошел к Коста, — ты помнишь Рамазана-эфенди? Какое коварство и лицемерие. Вот копии его докладов, расписки... «Мною, Рамазаном Тауловым из аула Хурзук за уговор 10 семей для переселения в Турцию получено 30 рублей золотом... За 5 семей карачаевцев получил 10 рублей золотом». Оказывается, наш благочестивый святой — осведомитель и пособник полиции.

Канамат встал:

— Я рад, что они тебе пригодятся. А теперь мне надо идти. Желаю вам добра!

Ислам и Исмаил вышли за ним.

Прошла еще неделя. Коста чувствовал себя хорошо, выходил на прогулки.

Когда Ислам вошел в комнату, Исмаил и Махач поднялись ему навстречу.

— Я переписываю стихи Ирчи Казака.

У Исмаила было счастливое лицо.

— Коста давно уснул? — шепотом спросил Ислам.

— Я не сплю, — тоже шепотом ответил Коста. — Дождь скоро кончится, и мне так нестерпимо захотелось домой. Отвези меня, Ислам.

— Хорошо, хорошо. Через несколько дней...

— Давай сейчас, — наставлял Коста. — Я люблю ехать в дождь.

— Исмаил, ты поедешь со мной, а ты, Махач, останешься здесь. Сюда вряд ли теперь кто заглянет. В путь двинемся утром.

Сборы были недолгими. И вот уже заскрипела арба. Коста смотрел вокруг большими скорбными глазами.

— Как все прекрасно, как не хочется расставаться со всем этим, — тихо вымолвил он. — Ислам, почитай мне стихи. Что-нибудь из древних поэтов...

Зазвучал красивый и грустный голос друга:

Словно затканый в пряди тумана,
Лес вдали, различимый едва,
Берedit в моем сердце раны
Гор холодная синева.

Я на башню поднялся высоко,
Где скопился сумрак густой,
Там стою и стою одиноко
Со своею тоской.

И на мрамор белых ступеней
Устремляю задумчивый взгляд.
Шум внезапно возник в отдаленье,
Это птицы в гнезда спешат.

А моя где нынче дорога,
Та, что к дому родному ведет?
Этих башен еще так много
По дороге путника ждет!..

— Бальзам для души!.. Ислам, читай еще! — попросил Коста.

Я в этот мир пришел, в тебя уже влюбленным,
Заранее судьбой на муки обреченным.
Иду с тобою встреч, иду как озаренья,
Но гордость не могу забыть ни на мгновение.

О, смилуйся и скинь густое покрывало,
Чтоб сердце пало ниц и бога потеряло.
Отбрось надменность прочь, лицо приоткрывая,
Чтоб гордость вознесла меня в обитель рая.

И если ты меня не удостоишь взглядом,
Покину этот мир, что стал при жизни адом.
Нет, сердца никому не дам пленить отныне,
Чтоб жить в его плену отшельником в пустыне.

И что же услышал Хосров в ответ на стоны:
«Придет и твой черед, надейся, о влюбленный!»

Еще, еще,— умолял Коста.— Я бесконечно готов слу-
шать стихи.

О, красота цветов так быстро отцвела,
О, прелесть юности так быстротечна,
Как быстро жизнь прошла. Смотрю на долгий дождь
И думаю, как в мире все не вечно...

Читал Исмаил. А друзья слушали и смотрели, как
блестит сквозь нити дождя вдохновенное лицо молодого
горца.

Вдруг послышался тихий голос Коста. Он читал свои
стихи:

Люблю я целый мир, люблю людей, бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных сирот,
Но больше всех люблю — чего скрывать позорно? —
Тебя, родной аул и бедный наш народ.

За вас отдам я жизнь... все помыслы и силы,
Всего себя лишь вам я посвятить готов...
Вы так мне дороги, так бесконечно милы,
Что сил нет выразить, что высказать нет слов!..

Растроганный Ислам молча сжал руку друга. Коста
улыбнулся.

Ислам стоял в задумчивости у ткацкого станка. В руках у него были вышивки жены. Он внимательно их рассматривал. Когда Сафият появилась на крыльце, он с интересом посмотрел на нее и на вышивки. Сафият смутилась, исчезла в доме.

На крыльцо вышла Гошаях и подошла к сыну.

— Красиво, правда, мама?

— Конечно, — улыбнулась женщина.

— Как это у нее получается, не училась, а как тонко чувствует цвет, узор?

Мать ничего не ответила и пошла в дом. К Исламу направлялась Сафият.

— Вы звали меня? — в руках она держала простенькие шпильки для волос.

— Да. Хочешь, я тебе отчеканю красивые шпильки? Будет очень нарядно. У тебя такие чудесные волосы.

Сафият ничего не сказала, но было видно, что ей приятно внимание мужа.

— Как ты делаешь вот это, это же красиво так! Ты сама придумываешь узоры? Кто учил тебя?

Жена пожала плечами.

— Так делали мама, бабушка, тетки.

— Научи меня.

— Что, вышивать? — испугалась Сафият.

— Нет. Помогни мне сделать красивые узоры. Я собрал новый ткацкий станок, хочу по твоим вышивкам сделать гобелен. Они очень красивые. Это ковры такие...

— Ну вот, опять! — расстроилась жена. — Не мужское это дело. Если вам нужен ковер, я сама его сделаю. Купить ковер можно. Зачем мужчине этим заниматься!.. — рассердившись, она пошла обратно в дом.

Ислам с грустью смотрел вслед Сафият. Кто-то

остановился позади него. Он оглянулся. Мисост Абаев был печален и растерян:

— Я принес горькую весть... Умер Коста...

Глава XXI

Ислам был еще нездоров. Возвращаясь из Владикавказа после похорон Коста, он жестоко простудился и слег. Сейчас чувствовал себя уже получше, только никак не прекращался кашель.

Гошаях положила на столик кипу газет и журналов.

— Тебе почитать? — спросила она.

— Спасибо, я сам.

Мать вышла. Ислам стал читать письма. На одном конверте не было обратного адреса и почтовых штемпелей. Ислам вскрыл конверт. «Надеемся, что ты уже поправился после болезни и скоро начнешь выезжать по аулам. Не забудь о своем происхождении. Предупреждаем тебя, князь, что за оскорбление чести надо платить. Предлагаем тебе проехать по аулам и успокоить бунтовщиков».

И все. Ни имени, ни подписи.

«Конечно, это дело рук Рамазана-эфенди, — думал Ислам. — Но он даже не подозревает, что все его подлости раскрыты...»

Ислам усмехнулся и потянулся к ящику, в котором хранил бумаги, переданные Канаматом. Но что это? В ящике было пусто! Ислам вскочил с дивана и стал перебирать все бумаги, лежавшие в столе. Он искал табакерку, в которую спрятал те бумажки. Но ничего не находил.

— Гуду! — закричал он. — Где Гуду?

Прибежали женщины.

— Что с тобой?

— У меня пропали важные бумаги!

Ислам выскочил из дому и побежал к конюшне. Санид, увидев его издали, вышел навстречу.

— Где Гуду?

— Уехал к родным.

— Давно?

— Еще до вашего возвращения.

...Гуду играл во дворе дома Рамазана-эфенди с красивой коробочкой. Если нажать на замочек — звучала музыка и крышка открывалась сама. Внутри лежали какие-то бумажки, Гуду выбросил их на землю. Внутрь положил большую монету и снова захлопнул крышку.

На крыльцо вышли Рамазан-эфенди и его гости. Гуду встал и поклонился.

— Ты что соришь здесь? А ну, убери сейчас же!

Гуду проворно собрал бумажки, засунул их в карман.

— Чего ждешь? Уезжай, пока тебя не хватились. А это откуда? Украл у Исламбиа, небось? Я ведь тебе говорил, в его доме ничего не трогать. Придет время, я подарю тебе его Гемуду, — усмехнулся старик.

Гуду проворно выскользнул со двора.

— Ну, что ж, письма, верно, они уже все получили. Подождем еще несколько дней. Я покажу им, как плевать в собственный колодец! Идите по домам. Ведите себя мирно. Никаких грубостей не допускайте. Потерпим немного, благородные.

Гости стали спускаться по ступенькам.

— Рамазан-эфенди, вы, наверное, урошили, — кто-то из гостей протянул подобранный с земли листок.

Рамазан-эфенди скривился:

— Этот воришка, наверное, оставил, бросьте, князь, здесь есть кому убирать.

Рамазан пошел проводить гостей со двора. Когда возвращался обратно, взгляд его упал на смятый листок бумаги. Старик нагнулся, развернул его.

— А-а-а! — вырвался из груди Рамазана не то крик, не то стон.

— Мне показалось, что эфенди кричал. — Кучукбий остановился. — Магомет, ты самый молодой среди нас, пойдй, посмотри, в чем там дело...

Магомет еще не успел войти в калитку, как Рамазан-эфенди чуть не сбил его с ног, так он торопился куда-то.

— Вы кричали, эфенди?

— Тебе показалось. — Глаза старика были злы, хотя он и улыбался. — Срочно найдите мне Гуду, он украл у меня золото, да, золото! — закричал он на Магомета. — Скажи всем, пусть найдут этого мальчишку.

А Гуду тем временем спокойно шел по улице. Кто-то крикнул его имя, он остановился. Но когда услышал многоголосое: «Гуду, Гуду!» — ему почему-то стало страшно и он бросился убежать.

...В Теберду после смерти мужа приехала сестра Мисоста Абаева — Ханифа-ханум. Она тяжело переживала кончину Гасанбека Зардаби, и родные посоветовали ей поехать к брату, надеясь, что бедная женщина хоть немного отвлечется. Ислам не видел Ханифу-ханум давным-давно и сейчас, глядя на эту стройную поседевшую женщину с печальным лицом, он вспоминал ее юной в доме Исмаила Урусбиева.

— Как у вас тихо здесь. Далеко от всего и от всех... Свой мир, тихий и кроткий.

— Это, сестра, первое впечатление, и оно обманчиво: и здесь то же, что везде. Те же земельные бунты, волнения крестьян, — говорил Мисост.

— Но с Баку не сравнить: там все кипит, бурлит, — она слабо улыбнулась.

— Это и неудивительно, — включился в беседу Ислам. — Баку — огромный город...

Наступила пауза. Гостья тяжело вздохнула, видимо, вспомнив о своих нечаялах.

— Мы надеемся, Ханифа, что вы нам поможете кое в чем, — произнес Ислам. — Я помню рассказы Гасанбека об организации театрального дела. А мы ведь мечтаем создать театр в Карачае...

— Я сделаю это в память о Гасанбеке. Рассчитывайте на меня. Я обязательно помогу вам.

После обеда все пошли в мастерскую к Исламу. Они хотели посмотреть новые его работы, очень просила об этом и Ханифа-ханум.

Ислам остановился около одной картины:

— Я назвал ее «Поклонение Джангыз Терек»¹.

Все молчали, рассматривая картину. Под огромным, на всю величину холста, деревом собрались люди. Были здесь и старые и молодые, мужчины и женщины, но больше молодых женщин. Все застыли в молитве.

— Мне стыдно предлагать тебе это, Ислам, но ты художник, пойми меня правильно, я хочу купить эту картину, — попросила Ханифа-ханум.

— Не обижайте меня, я буду счастлив подарить ее вам.

— Ты очень щедрый, Исламбий, — тихо сказала Ханифа-ханум.

— Это «Валяние кийиза». В детстве я очень любил смотреть, как изготавливаются эти красочные ковры, — проговорил Ислам.

На холсте были изображены несколько женщин, склонившихся над кийизами и равномерно вскинувших руки.

— Кажется, что сейчас их руки разом коснутся войлока, — сказал Ханифа-ханум.

¹ Джангыз Терек — одинокое дерево, священное дерево.

— Исламбий! — раздалось со двора.

— Здесь портреты моих друзей, близких мне людей. Посмотрите сами. Извините меня, — и Ислам вышел из мастерской.

Гошаях стала показывать портреты. Около одного она задержалась, коснулась рукой. Это был портрет Сони, дочери Мисоста, сделанный Исламом, вероятно, по памяти. Здесь же висели портреты Коста Хетагурова, Льва Толстого, Ярошенко...

— Не так уж и тихо у нас, Ханифа-ханум, — сказал возвратившийся Ислам. — Познакомьтесь — это мои русские друзья, супруги Некрасовы — горские просветители — и инженер Кондратьев. Извините. Мисосту и мне пужно пойти по одному делу.

— Куда это они? — Гошаях подошла к Кондратьеву.

— Вы же знаете горячий характер Солтана-хаджи. Он вместе с крестьянами стал отбирать землю и раздавать ее. Вот характер! Случай с Ахматом ничему его не научил! Солтан арестован.

— Какую землю? — спросила Ханифа-ханум.

— Земли Теберды стали отбирать и передавать в пользование безземельным верхнетебердинцам. Предупредили только, чтобы Ислама и Исмаила не трогали: «У них все справедливо».

— И в маленьком Карачае те же события... — задумчиво молвила женщина.

...Ислам объяснял, убеждал, требовал. Но атаман округа был непреклонен.

— Я вас еще раз прошу, отпустите Солтана Байчорова. Тюрьма подорвет его и без того слабое здоровье.

— Если я его, князь, отпущу сегодня, завтра он снова будет бунтовать и подстрекать к этому других. И не

просите меня больше, я и так слишком либерально к вам отношусь. Мне не нравится ваше окружение. Как общественный доверенный Карачая вы должны оказывать нам всяческое содействие, а вы поддерживаете всяких крамольников...

— У вас достаточно своих помощников. А я стою за свой народ.

— Какой это народ! Это бунтовщики!

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что вы не чета всем им! Вы представитель княжеской фамилии. Не следует забывать об этом. А вы, к сожалению, забываете. Таких, как Солтан Байчоров, надо изолировать от общества. Аппа Джанибеков устраивал на меня покушение... А вы не гнушаетесь его обществом. Как вы вообще осмеливаетесь просить меня за них?

— Вы отказываете мне?

— Конечно! — отрезал атаман.

— А жаль, я-то думал, что вы интеллигентный человек, а не невежда, который хочет посредством тюрьмы исправлять людей и нравы.

Они оба встали.

— Честь имею.

Ислам вышел.

Возвращался домой Ислам грустным. Невеселые мысли терзали его. Дома в Теберде ждали друзья, а ему было стыдно возвращаться ни с чем. Солтана увезли в Армавир, а оттуда якобы намеревались выслать в Сибирь.

— Здравствуй, Исламбий! — прямо перед ним стоял Рамазан-эфенди. — Вот и встретились наши дороги.

Ислам догадывался, что старик все знает о бумагах.

— Интересно только, как мы пойдем отсюда: вместе или врозь.

— Ссориться нам сейчас ни к чему. Мы оба служим важному делу: ты — просвещению, а я — политике, — сказал Рамазан.

— Да, ты прав. Я тяну к свету — вверх, а ты — вниз.

— Ну, зачем так грубо? Нам с тобой надо объединиться. Приходи сегодня вечером в домик Мазана в лесу. Я велю зажечь огни, чтобы тебе легче было проехать. Там и поговорим.

— Мы уже все сказали друг другу.

— Я думал, внук валня смелый мужчина...

— Я приеду.

И Ислам, хлестнув лошадь, умчался от эфенди. Долго скакал он, пока не заметил быстро приближающегося к нему всадника. Это был Канагат.

— Здравствуй, Исламбий! Ты никого не встречал?

— Встречал.

— Я ищу его вторые сутки. Он исчезает, как змея меж камней.

— Зачем он тебе?

— Ты ничего не знаешь?

И Канагат поведал Исламу, что в его кош приехал избитый Гуду. Рассказал ему о себе. Канагат забрал у него табакерку и бумаги. Утром Гуду спустился с гор, чтобы идти в Теберду, но позже Канагат нашел его окровавленного, без сознания на дороге. У парнишки были вывернуты карманы. Рамазан думал, что он убил его, но Гуду жив, сейчас находится на коше.

— Бумаги у тебя?

Канагат протянул их Исламу.

— Здесь не хватает одной и самой важной, — сказал Ислам. — Она-то и попала в руки Рамазана-эфенди.

Ты поезжай домой, а я вечером встречу с этим лукавым шайтаном.

— Нет, Исламбий, нам надо быть вместе. Рамазан очень коварный и злобный. И бонется он на этом свете, пожалуй, только меня.

— Езжай домой.

Канамат внимательно посмотрел на Ислама и ответил:

— Да, я люблю, что бы ни случилось, ночевать дома.

Они проехали вместе несколько километров, а потом Канамат, простившись, отъехал в сторону.

Дома у Ислама никого не было. «Наверно, они у Абаевых», — решил он.

Как только начало темнеть, Ислам сел на лошадь и выехал со двора. У дома Холамлиевых стояли люди. Он соскочил с лошади и подошел к собравшимся.

— Сын Шамаила горит весь. Купался в Теберде, простудился, наверно, — сказал кто-то в толпе.

— Надо позвать Марию Александровну.

— Ее нет. С утра уехала куда-то, еще не возвращалась.

Ислам прошел в дом и увидел бледного, потного мальчика, который все время облизывал пересохшие губы. Ислам вернулся домой и принес лекарства. Сказал женщинам, чтобы приготовили настой из корня барбариса, сам стал натирать мальчика уксусом. Когда мальчику стало легче дышать, Ислам вышел на улицу. Шамаил хотел проводить Ислама, но он отказался.

— Иди к сыну, утром я его проведу.

Когда Ислам выехал за поселок, впереди он различил фигуру всадника, который медленно к нему приближался.

— Канамат? — удивился он. — Ты почему здесь?

— Тебя жду, — просто ответил мужчина.

— Приглашали же меня.

— Ничего, я не помешаю, подожду в стороне где-нибудь.

Тропинка, ведущая к дому Мазана, была узкой, еле различимой. Только когда въехали в лес, стало возможно ехать рядом.

— Ну и темнота, сам шайтан ногу ломает. Я проеду вперед, не нравится мне что-то это путешествие, — проворчал Канамат.

Тускло светила ущербная луна. Ислам видел впереди себя темный силуэт Канамата. Вдруг лошадь Ислама остановилась. Впереди послышался треск ломающихся сучьев. Конь Канамата сильно заржал.

Ислам соскочил на землю, ощутил носками ее неровную поверхность и осторожно прошел вперед. Фонарь осветил большую черную яму. «Сволочи, ров вырыли». Из ямы доносилась яростная возня.

— Исламбий, стой на месте, я сейчас с ним расправлюсь! — донесся снизу глухой голос Канамата. Ислам сразу прыгнул вниз. Фонарь прошел по земле и осветил Канамата, лежащего на спине, и медведя на нем.

— Стреляй ему в голову, я держу его, — прохрипел Канамат.

Ислам выстрелил, оттащил тушу в сторону. Склонился над Канаматом.

— Вот видишь, а ты хотел один... — сказал он. — Кажется, он крепко разодрал мне шею.

Ислам приподнял голову Канамата. Кровь хлынула струей. Ислам разорвал рубашку и перевязал рану. Однако кровь не унималась. Канамат слабел.

— Послушай, что я скажу. Ты ведь знаешь, где мой конь... Там, на Учкуланской дороге... Я уже их не

увижу... Очень прошу... не забывай моих детей... Позабойсья... Мои дети...

Голос Канамата ослабел до шепота, Ислам наклонился почти к самым его губам, чтобы не упустить ни слова. Через несколько минут Канамат умер.

Утром, когда Ислам спускался с горы, он увидел скачущих ему навстречу односельчан, которые вышли искать его.

* * *

Таукоз и Тенгиз ходили по тифлисскому базару. Таукоз любила приходить сюда и наблюдать за людьми, ей даже иногда казалось, что в этой разноязыкой базарной толпе она слышит родную речь.

Стояла жара. Душный воздух все окутывал ленью. Даже никто из торговцев не кричал и не зазывал покупателей.

Уже несколько лет Таукоз жила у родственников Ислама в Тифлисе. Она изучила грузинский язык и с наслаждением зачитывалась стихами и заслушивалась песнями.

Последнее время ее все чаще стала беспокоить мысль о возвращении на родину. Она потому и любила базар, ей казалось, что здесь она может увидеть кого-нибудь из соплеменников.

Кто-то пел так неожиданно знакомо. Таукоз заспешила вперед, Тенгиз едва поспевал за нею. У самых ворот на маленьком стульчике сидел мужчина. Закинув ногу за ногу, он носком поддерживал скрипку, настоящую карачаевскую скрипку, и пел на родном языке Таукоз. Люди около него не задерживались, редко кто бросал монеты в лежащую на земле перевернутую шапку. Мужчина, прикрыв глаза, пел карачаевскую шуточную песню «Хорасан».

Таукоз и Тенгиз слушали, улыбались и даже смеялись. Когда певец закончил, Таукоз спросила:

— Ты знаешь, о чем поешь?

Мужчина чуть приоткрыл глаза, кивнул и снова прикрыл веки.

— А это откуда у тебя?

Мужчина, поняв, что так просто от него не отстанут, встал со стульчика.

— Садитесь! — он показал на стульчик.

— Что вы, сидите, сидите! — смутилась Таукоз.

— О, красивая, я столько насиделся за всю свою жизнь, хватит! — глаза его смеялись.

— Кто ты? — спросил Тенгиз.

— Мать русская, а отец еврей.

— А откуда ты знаешь наши песни? — снова стала допытываться Таукоз.

— Так вы карачаевка? — мужчина обрадованно повернулся к ней.

— Нет, я балкарка.

— Ну, у них язык похож. Я вот только страдаю от своей национальности. Русские русским не признают, а у евреев нация по матери определяется, так что и они меня за своего не считают.

— Не расстраивайся, это не беда, — сказал Тенгиз.

— Пойдемте с нами, пообедаем вместе, расскажете свою историю, — пригласила Таукоз.

Мужчина покраснел и нагнулся за кепкой:

— Вы извините, я, вообще, не попрошайка. Просто мне очень нужны деньги на дорогу в Теберду. Я должен там повидать Ислама Крымшамхалова.

— В Теберду? — изумилась Таукоз. — Давай, брат, поедem вместе. Как твое имя?

— Яшкой меня зовут.

По дороге Яков стал рассказывать о своей горемычной жизни.

— Сколько себя помню, столько и сижу. То ли лицо мое подозрительное, что всем городовым не нравится, а хулиганам стукнуть хочется, то ли еще что, не знаю, в общем. В последнюю свою «экспедицию» я был отправлен в Сибирь. В камеру меня привели вместе с двумя кавказцами. Ну, зашли, сели. «Старики», что сидели до нас, играли в карты, остальные занимались, кто чем. Ну, вот один из картежников, по-видимому, старший, не отрываясь от карт, говорит:

— А ну, муха, лети сюда.

Все молчат. Тогда он поднимает глаза от карт и прямо на меня смотрит:

— Ты что, глухой? А ну, лети сюда!

Я знаю, что с такими лучше не связываться, встаю и медленно иду к нему. А он мне:

— Ты что не понял? Я сказал, лети! Лети!

— Как это? — не понял я и остановился посредине камеры.

— А вот так! — один из его дружков вскочил на нары, стал зудеть и махать руками. Все кругом расхохотались.

— Понял теперь? Лети и найди табачку!

— Где?

— Где хочешь! — и отвернулся.

Я раскинул руки и стал зудеть. Раздались смешки. Вдруг получаю такой удар по голове, что в глазах потемнело и я в угол отлетел. Хватает меня один кавказец за грудки и говорит по-русски:

— Никогда, слышишь, никогда не становись ни перед кем на колени!

Что тут началось! Картежники бросили свою игру. Пошла такая драка, что только держись. Я сижу в

углу, не вмешиваюсь. И, поверите, избили кавказцы картежников. Больше всех досталось тому, что меня за табачком посылал. Слышу через некоторое время, этот кавказец, что со мной говорил, приказывает.

— Муха, лети сюда.

Испугался я страшно. «Ну, — думаю, — теперь этому табачку захотелось». Уже начал вставать, смотрю, а горец этот совсем в другую сторону глядит, на моего обидчика прямо.

— Ты что, не слышишь, что тебе говорят? Лети, найди табачку.

Встал тот несчастный и тихо так поплелся.

— Я сказал, лети! А ну, умник, покажи, как надо летать. — И он отыскал глазами «шестерку». И дурачок тот совсем невесело задудел. Никто уже не смеялся. И старший их «полетел».

И с тех пор в камере был порядок. Меня никто не обижал.

— А звали их как, этих кавказцев? — спросила Таукоз нетерпеливо.

— Того, что за шиворот меня хватил, — Солтан Байчоров, а того, кто меня петь научил, — Аппа Джа-нибеков. Это его скрипка.

— Ну, а потом? Что потом было? — все допытывалась Таукоз.

— А потом мы решили бежать. Бежать и всем встретиться в Теберде. В доме Ислама Крымшамхалова. Они говорили, что этот Ислам — настоящий мужчина. Бежать решили в разные стороны, чтобы, если поймают нас, то не всех троих.

— И ты ничего больше не знаешь о них?

— Слышал, что Солтана поймали. А про Аппу ничего не знаю.

— И давно это было?

— Да месяц, примерно, назад.

— Тенгиз, идемте скорей домой, там решим, что делать, — заторопилась Таукоз.

Когда они шли по улице, Яков все суетился, то встанет со стороны Таукоз, то со стороны Тенгиза.

— Что с тобой, Яков? — спросила Таукоз.

— Да вот не знаю, с какой стороны надо мне идти. У вас же строго на этот счет. Аппа все объяснял мне, а я уже позабыл.

— Ладно, не переживай так сильно. Тенгиз — грузин, а у них на этот счет не так строго, — сказала с улыбкой Таукоз.

* * *

В доме Ислама никого не было. Несколько всадников приблизились к дому и въехали во двор. Спешились, быстро поднялись по ступенькам крыльца. Через некоторое время раздались глухие удары. Послышался звон разбиваемых стекол. Мужчины стали выносить во двор картины, книги, бумаги. Свалили все в кучу. Пожгли.

Остальные продолжали выносить из дому вещи. Густой и тяжелый дым расстилался вокруг. Прекрасную персидскую сирень, растущую вокруг дома, рубили шашкой. Топтали цветы. Потом кто-то вспомнил о лошадях Ислама, и несколько мужчин направились в сторону конюшни.

Конюх Саид был связан еще раньше, он лежал в углу. А Гуду незаметно спрятался, сидел притаившись.

Мужчины стали ловить лошадей, Саид, с кляпом во рту, плакал, смотря на их жестокость. Устроили настоящую охоту за Гемудой. Она убегала от них, никого не подпускала к себе. Разгоряченные мужчины,

охваченные нездоровым азартом, решили поймать строптивую лошадь и стали окружать ее.

И вдруг Гуду, незаметно подкравшись, вскочил на Гемуду. Она стала брыкаться, пытаясь скинуть человека. Но сделать это было невозможно.

Мужчины смеялись, узнав воришку лошадей, и стали приближаться к ним. Тогда Гуду уколол Гемуду, и она стрелой понеслась со двора, чуть не сбив спешащих к дому супругов Некрасовых и Кондратьева.

— Остановитесь! Что вы делаете? — Кондратьев бросился навстречу мужчине, выносящему из дома подушки и забавлявшемуся тем, что саблей вспарывал их. Белый пух густым туманом висел в воздухе. Кондратьев схватил его за руки:

— Негодяй, сатана, сатана!

К дому спешили люди.

— Скорее, скорее! — побежала им навстречу Мария Александровна. — Надо тушить пожар.

Всадники стали быстро выскакивать со двора. И неожиданно для всех Мария Александровна успела схватить одного из удиравших мужчин за полы черкески, когда тот хотел прыгнуть на лошадь. Мужчина отчаянно рванулся, замахнувшись на женщину. Но она, зажмурив глаза, не выпустила его. Подоспевшие люди связали бандита.

Пожар удалось потушить. Мария Александровна и женщины прибрали в доме. Осторожно вытаскивали из печла обгоревшие картины Ислама, его бумаги и бережно складывали в отдельное место.

...В Теберду Ислам вернулся вместе с детьми Канамата и их матерью. Приближаясь к дому, он заметил во дворе много людей. Они встретили его молча. А Мария Александровна расплакалась. Под деревом сидел связанный мужчина.

Ислам спешился и подошел к друзьям. Спросил о своих домашних.

— Они уехали провожать Ханифу-ханум вместе с Абаевым, — ответил Кондратьев. — В это время и нагрянули бандиты.

— Познакомьтесь, это мои... Это дети Канамата и его вдова, — Канапат погиб. Он спас мне жизнь...

Ислам подошел к жене Канамата, помог спуститься ей на землю. Кондратьев и все остальные мужчины пожали ей руку. Мария Александровна обняла женщину.

— Исламбий Пачаевич, я заберу девочек пока к себе, — Мария Александровна подошла к Исламу, — вместе с матерью, конечно.

Ислам посмотрел на женщину. Она молчала.

— Джандет, так будет лучше, побудь пока у нее. Мария Александровна очень хорошая женщина. А мальчики будут со мной.

— Они устали с дороги, Исламбий, — подошел Исмаил, — я поведу их к себе. Тебе и так здесь хлопот хватит.

— А почему ты, Исмаил, а не я? Может, я хочу к себе их пригласить? — из толпы вышел Исхак, сосед Ислама.

Толпа загудела.

— А я никуда не пойду, Исламбий, — младший сын Канамата Карча схватил Ислама за руку.

— А я сам тебя никому не отдам, — Ислам прижал мальчишку к себе.

Всю ночь Ислам складывал книги и картины. Обугленные, покореженные огнем, они были как калеки. Почти ничего не уцелело. Карча уже спал, а Ислам продолжал наводить порядок. В дверном проеме показалась чья-то тень.

— Заходи, — пригласил Ислам.

Человек не двигался с места. Ислам направился к двери. Тень исчезла. Выйдя за проем, Ислам увидел Гуду.

— Мне стыдно, — сказал мальчишка и тихо добавил, — я привел Гемуду.

Ислам вышел во двор. Лошадь стояла, напряженно вытянув шею, прислушиваясь к каждому шороху.

— Заходи в дом, — пригласил он Гуду.

— Нет, если ты позволишь, я пойду к Саиду.

— Иди. Гемуду возьми с собой.

Ислам вернулся в дом.

...Вдова Канамата с детьми жила в доме Ислама. Сафият это не нравилось. Она держала себя высокомерно, не скрывала неприязненного отношения к ребятишкам и их матери.

— Ты пойми, — говорил Ислам жене, — отец этих детей спас мне жизнь.

— Ну и что? Дайте им денег, подарите что-нибудь и хватит.

— Откуда в тебе такая жестокость, Сафият? Я обещал умирающему Канамату заботиться о его детях...

— Вы готовы всех голодранцев поселить в своем доме.

Сафият уходила злая и мрачная. Все оставалось по-прежнему.

— Ты кормила их? — спросил как-то жену Ислам, возвращаясь домой. В ответ она пренебрежительно хмыкнула. Ислам возмутился.

— Ну вот что, княжеская дочь, запомни раз и навсегда. Если ты еще раз повторишь подобное, пеняй на себя. Я долго терплю твои глупости. У нас будет совсем другой разговор. — Он вышел из комнаты, сильно хлопнув дверью.

Жена Канамата встретила Ислама смущенно.

— Мы стесняем вас, — сказала она тихо. — Вы не волнуйтесь, мы не пропадем.

— Как вы можете так говорить? — искренне удивился Ислам. — Я пришел к вам за разрешением. Канамат очень хотел, чтобы его дети получили образование. Вы не против, если ваши девочки будут учиться у Марии Александровны, а сыновьям я найду занятие? Карча пусть пока будет со мной.

Женщина заплакала.

— Не расстраивайтесь. Весной начнем строить для вас дом. Вы будете довольны. А пока придется пожить у меня.

— Вы и так слишком много для нас сделали.

— Возьмите себя в руки. Идемте в столовую обедать. Скоро приедет моя мать и вам будет немного легче. Знаете, Исмаил считает, что Карча способный мальчик, — говорил Ислам, пропуская Джандет впереди себя.

* * *

Гнусные дела Рамазана-эфенди были разоблачены. На сход собралось большинство жителей тебердинских аулов. Всем хотелось увидеть того, кто осмелился замахнуться на дом Ислама, совершить такое злодеяние. Виновник стоял в центре круга, опустив голову. Жалкое и брезгливое отношение вызывал к себе этот человек.

Вперед вышел старейшина аула. Он встал в стороне от понурившегося Рамазана и сказал так:

— Нам всем стыдно, что среди нас жил человек со слепой душой, лицемерный и злобный. Исстари с подобными отщепенцами поступали так: никто не здоровался с ними, не разговаривал, не подпускал к себе. И такой человек был вынужден уйти и жить где-

нибудь вдали на чужбине. С ним поступим так же. Жаль, что мы не узнали имени его сообщников. Это не благородство с его стороны, а трусость. Люди Рамазана-эфенди и он сам всегда смелы с беззащитными, а когда перед ними сила — они стоят понуриив голову. Таким — не место среди нас! Я все сказал! — И старик степенно встал на свое место.

Люди стали расходиться, все тоньше становилось кольцо вокруг человека в центре круга. Последними, ничего не сказав ему, ушли его близкие и родные. На большой поляне он остался один. Стоял он долго. Потом лег на землю и стал плакать. Долго слышался плач его в ауле. Но никто не вышел к нему.

Рамазан-эфенди вскоре уехал, никто не знал куда.

Глава XXII

Таукоз и Яков благополучно добрались до Теберды, их радушно принял Ислам и его друзья. А однажды темной ночью раздался стук в окно. Через стекло Ислам узнал как всегда неожиданного Аппу. И хотя все в доме уже спали, Ислам разбудил Таукоз и Якова, чтобы всем вместе слушать его рассказ.

— Мы решили бежать в разные стороны,— рассказывал Аппа, — так была надежда, что хотя бы один из нас мог уйти. Солтан и Яков побежали в разные стороны, а я прямо. Бежал долго, сначала от напряжения ничего не слышал, а потом стал различать лай собак. Они шли прямо по моему следу. Откуда только силы взялись, но я бежал так, как никогда больше в своей жизни. Лай становился все слышнее. Бежать становилось трудно, ноги вязли в грязи. И я сам себе внушил, что если проскочу этот грязный овраг, то спасен. Впереди была небольшая возвышенность, я приближался к ней, мучительно подгоняя себя. Казалось, что лай

собак вонзается в мои ступни. Задыхаясь, я выбежал на опушку и мне показалось, что вижу сон...

Яркое солнце обливало желтую-желтую поляну. И ехали по ней брички, фаятоны с запряженными лошадьми, волами. Черные карачаевские барашки и речь карачаевская. На секунду я подумал, что схожу с ума. Зажмурил глаза, а открыв, увидел ту же картину. Ноги сами понесли меня к ним. Какая-то девочка закричала по-нашему: «Папа, смотри, это Калай улу Аппа». Я встретился взглядом со строгим мужчиной. Я не узнал его. Он подошел ко мне, оглядел и спросил:

— Куда это ты?

Я хотел объяснить, но не смог, да и он сам уже все понял по моей тюремной одежде. К нему подошел какой-то офицер, и мужчина сказал, что мне надо помочь. Мне принесли одежду. Еще у моих ног лежала проклятая арестантская форма, когда к нам подбежали мои преследователи и схватили меня. Офицер крикнул на них, и они отпустили меня. Этот офицер написал расписку, что я остаюсь в его распоряжении. С тем и ушли мои преследователи.

Эти карачаевцы предложили мне идти с ними, почему-то они направлялись в Японию. Потом я вспомнил их — это были Бабуковы и их родственники. Все они хорошо ко мне отнеслись, а ведь какие частушки прежде я пел о них! Действительно, у страдания нет высокомерия. Наступила ночь. Я лежал на арбе, глядел на звезды и все удивлялся, что они не рассечены решеткой. Мучительно думал: «Зачем и куда еду? Ведь я убегал для того, чтобы вернуться на родину, а куда сейчас направляюсь? Кто у меня в этой Японии, кто поймет мои песни?

И той же ночью я сбежал от них. Вот и все, — устал закончил Аппа.

— Хорошо, что мы вместе, — обрадовался Яков.

— Солтана бы еще сюда, — проговорил Ислам.

— Его поймали сразу же, как только мы убежали из тюрьмы. Яков ушел первым, потому он и не знал, как это случилось. Когда мы прыгали с крыши, он повредил себе спину.

— Когда теперь мы с ним увидимся? — сказал Ислам и натужно закашлялся.

— Тебе надо, Ислам, серьезно лечиться. У тебя кашель очень подозрительный, — забеспокоилась Таукоз.

— Ты всегда, Таукоз, отличалась сверхчувствительностью, — улыбнулся ей Ислам.

— Давайте, братья, споем завтра на празднике урожая. Когда еще придется. Только найдите Карму, я все эти годы слышала ее голос в душе.

— Она, если и согласится, то придет только ночью, — предупредил Ислам.

— Вечером и соберемся. Люди ведь раньше не освободятся.

...Люди пришли сюда, закончив свои дневные дела, поднав коров и загнав овец в загоны. Со спокойной душой внимали они песням.

И пел Аппа — веселый и мужественный, находчивый и храбрый. Голос его звучал сильно и звонко. Одна песня сменяла другую. Нередко острые куплеты вызывали улыбки и смех слушателей.

И пела Таукоз — много испытывавшая и много познававшая, необыкновенная и неповторимая. В народе давно знали и любили ее песни. Их исполняли и другие певцы.

И пела Карма — чарующе и захватывающе.

Дни, будто кони лихие,
Проскакали, промчались мимо...
Я стою на вершине горы —

Вниз смотрю на разливы реки.
Как танцует ее голубая рука!
Время, ты подожди, подожди...

Люди покорялись ее голосу, отдавались его власти. И как только умолкал ее голос, люди отрывали глаза от яркого пламени костра, искали ее взглядом. А Карма стояла перед ними, зябко сжав локти длинными пальцами, устремив свой взгляд вверх их голов, и таинственно улыбалась. Да, она была таинством прекрасного, песенной душой народа.

Ислам слушал их песни, и со дна души его поднималась забытая памятная почь у костра, когда впервые он услышал Карму и Таукоз. Он видел Солтан-бека Абаева и слышал его скрипку. Вся жизнь проходила перед его мысленным взором.

Осторожно, чтобы никого не потревожить, он вышел из круга и пошел просто так, вперед за своими мыслями. Была у него одна печаль и одна радость, о которой он никому не говорил. И, будто услышав его, она вышла ему навстречу. Молодая, нежная. Молодая! Это слово делало ее недостижимой, а его положение — невозможным их союз. Они стояли на некотором расстоянии друг от друга и молчали. Редкая женщина умеет так красиво молчать.

Дочь Мисоста... Исламу казалось, что он смог бы прожить с ней всю жизнь радостно, ясно, счастливо.

Девушка стояла прямо перед ним, повернувшись немного в сторону. За все время она так и не взглянула на него. Как хорошо, когда есть два человека, и им не надо слов, чтобы понять друг друга.

На минарете прозвучал голос муэдзина. Ислам словно пробудился от сна. Легкий ветерок коснулся его лица. Он мысленно простился со своей грозой...

Тенгиз Дадашкеллиани уже давно приглашал Ислама приехать погостить в Тифлис. Письма его были теплы, радушны. Тенгиз и Ислам — одноклассники и в детстве часто встречались в Балкарии, в доме своего дяди Исмаила Урусбиева.

Здоровье Ислама все ухудшалось. Настроение тоже. Ислам поддерживал себя работой, выездами в горы на этюды. Нередко брал с собой Карчу — сынишку Канамата. Он очень привязался к этому необыкновенному мальчику, и постепенно ребенок в жизни Ислама занял важное место. В Тифлис он решил взять с собой и Карчу.

Дорогу от Карачая до Тифлиса миновали легко. В пути Ислам показывал своему маленькому спутнику много интересного.

В Тифлисе Тенгиз и Ислам любили посещать один подвальныйчик. Беседовали, радовались встрече. Карча был с ними, не хотел отставать от Ислама ни на шаг.

Внимание Ислама привлек один мужчина. Он уединился в дальнем углу. Его красивое бледное лицо с трагическими глазами обрамляла густая темная борода. Казалось, что он никого не видит. Он давно сидел так, уйдя в свои мысли.

— Ты не знаешь его? — спросил Ислам Тенгиза.

Тот отрицательно покачал головой.

— Может, пойдем уже? Карча, наверно, устал... — Тенгиз посмотрел на брата.

— Подожди, я хочу познакомиться с тем человеком. — И Ислам указал на бородача в углу. — Мне хочется нарисовать его.

— Рисуй, он будет только рад.

— Ты думаешь? И все же я подойду к нему, спрошу.

Ислам встал и направился в угол. Через некоторое время за ним пошел и Карча. Тенгиз остался сидеть на своем месте.

— Здравствуй, брат.

Ислам остановился. Человек поднял на него глаза и показал на стул. Ислам сел напротив. Рядом стоял Карча.

— Да вы не один, — улыбнулся мужчина. — Так любишь своего отца? — Карча кивнул. — А у меня вот нет сына. Никого нет, — закончил он печально. — А мужчине очень необходим сын. — Он обернулся к духанщику: — Бего, еще стаканчик.

Принесли вино. Мужчину здесь, видимо, знало большинство присутствующих.

— Будем знакомы! Чем обязан вниманию с вашей стороны? — он пристально глядел в лицо Ислама.

— Я хотел посмотреть на вас вблизи.

— Вы хотели бы меня нарисовать? — пошутил он, наклонив голову.

— Да, — серьезно ответил Ислам.

Мужчина долго молчал, потом встал и сказал:

— Идемте со мной. Я хочу показать вам кое-что. Это тут неподалеку. Я — Нико Пиросманашвили.

И мужчина протянул ему руку. Ислам крепко пожал ее. Втроем они направились к двери. Ислам показывал глазами Тенгизу, чтобы он не ждал их.

Комната, в которой жил художник, была мала и тесна. Ислам и Карча устроились на старой кровати, а художник показывал им свои картины, устанавливая их на любом свободном месте. С тех пор как они пришли сюда, никто из них не вымолвил ни слова, а Исламу казалось, что он знает все об этом человеке.

Пиросманашвили сел напротив них на маленький самодельный стульчик.

— Считайте, что я вам рассказал о себе.

— Я понял.

Ислам смотрел на него и думал об участии всех художников на земле.

— Продайте мне что-нибудь, — попросил Ислам.

— У вас много денег?

— Я не хотел вас обидеть.

Пиросмани встал и обернулся к своим картинам.

— Какая вам больше нравится?

Ислам не решался сказать.

— Тогда я подарю вам то, что мне нравится больше всего...

И он выбрал небольшую клеенку. На ней была изображена молодая девушка, обнимающая оленя с ветвистыми рогами. Протянул картину Исламу.

Провожая их, Пиросмани спросил:

— Скажи мне свое имя, брат.

— Ислам.

— О, это больше, чем имя! — Помолчав, добавил: — А корень моей фамилии — турецкий. Вот как, брат. Сидят два незнакомых человека, и им хорошо...

Вернувшись домой, Ислам сказал Тенгизу:

— Хочу попросить тебя об одном одолжении. Проводи меня завтра в самый лучший магазин, где можно купить краски, кисти. Хочу подарок сделать одному человеку.

— Это не тому ли нищему, к которому ты ходил?

— Это не нищий, это художник, национальная гордость грузинского народа.

...Домой Ислам и Карча возвращались через Владикавказ. Там Ислам решил отдохнуть у своего дяди.

На столе в кабинете дяди Ислам нашел журнал «Мусульманин», издающийся в Париже. Взял его почитать. Особенно поразили его два письма горцев, в

которых они призывали целиком отказаться от своей культуры и полностью перейти на европейскую, как более развитую. Авторы пожелали остаться неизвестными. Редакция спрашивала мнение читателей.

Ислам знал эти редакционные проделки. Когда-то Коста Хетагуров, имевший большой опыт работы в газете, рассказывал, к каким ухищрениям иногда приходит редакция, чтобы узнать общественное мнение: газета публикует анонимные письма и ждет ответа.

И тем не менее Ислам решил написать письмо редактору.

«Уважаемый Магомет-Бей!

Приехав во Владикавказ, я остановился у своего родственника, ротного командира при кадетском корпусе и нашел случайно на его столе декабрьскую книжку «Мусульманина», что было для меня приятнейшей находкой. Я прочел ее с лихорадочной радостью.

Читая эту книжку, я испытывал то чувство, которое испытывает человек, заброшенный на долгие годы в чуждый для него край, при неожиданной встрече со своими близкими.

Не могу, однако, не высказать своего суждения по поводу двух писем, характеризующих современное положение мусульманских народностей, главным образом, Северного Кавказа, отношение их к культуре и цивилизации. Здесь затрагивается насущный вопрос наших дней, то есть просвещения горцев вообще.

...И трудно сказать, кто из авторов этих писем больше или меньше любит свой народ. Несомненно, они оба жаждут правды и хотят поставить вернейший диагноз дорогому, близкому пациенту; да простятся им их ошибки.

Соглашаюсь вполне с тем, что мы, кавказские горцы (мусульмане в особенности), отстаем в отношении

цивилизации, как принято это называть. Но в то же время скажу с уверенностью, что мы еще легко можем наверстать упущенное при наличии тех особенных элементов, коими обуславливается древо горцев...

Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа.

Может ли воспринять такую культуру горец, ставший высоко доверие, душевную теплоту, горец, воспитанный на принципах скромности, воздержания и почитания возраста, положения и т. д. и т. п.?

Не подумайте, однако, что я хочу идеализировать горца, сказать, что все только хорошее принадлежит ему или что все горцы одинаково обладают хорошими качествами души и натуры. Нет, да они и не нуждаются в этом; люди везде люди. Но скажу с твердой убежденностью, что в душе у горца сидит основательно очерченный облик хорошего человека, которому он поклоняется. И является ли это плодом его сознания или навязано ему заветами его предков, несомненно одно: облик этот вошел в его натуру, или, вернее, запечатлелся в нем, сделался его богом. И вот из рук носителя этих принципов горец с радостью примет факел просвещения. Если бы каким-либо способом было бы возможно показать горцу внутренний и внешний облик людей — представителей истинно интеллигентного, добавлю, культурного класса Европы, то горец заключил бы их в свои объятия и сказал бы громко: «Я поклоняюсь тому, чему поклоняетесь вы, я буду верен вам, как вы верны свету и правде...»

Кто знаком с условиями, среди которых протекает современная жизнь горцев, тот простит им все, что есть нехорошего в их настоящем прозябании. Удивляюсь,

как при таких обстоятельствах каким-то чудом еще уцелело много традиционно хорошего у нас, а потому высшее призвание наших образованных собратьев должно заключаться прежде всего в понимании именно бывшего хорошего у нас, в оценке и любви их к нему нужно сделаться научно просвещенным человеком, но безусловно обязательно оставаться горцем и по воспитанию и по духовному складу, стать естественным продолжением роста дерева горца, не отрываясь от него и не чуждаясь благородных, хотя и наивных, быть может, своих сородичей.

Поверьте мне, что лишь при таких условиях мы, образованные горцы, действительно будем соединительным звеном современной культурной жизни с жизнью наших, пока темных братьев...

Чтобы не быть ложно понятым, поясню точнее. Я вовсе не хочу именем дерева выращивать особое растение, я хочу лишь сказать, что не все хорошо, что носит европейскую пломбу, и что много хорошего в бывлой жизни горцев, могущих быть истинным украшением короны европейской цивилизации. В этом мое глубокое убеждение.

Простите, дорогой Магомет-Бей, что я, быть может, не совсем ясно выразил свою мысль, но думаю, что вы меня поймете, и для нас совершенно понятно, что я хотел сказать».

Письмо это было опубликовано. Ислам получил много писем читателей, которые поддерживали его убеждения.

...Самочувствие Ислама все ухудшалось. Он уже решил ехать в Ялту, но все тянул с отъездом. Было жаль расставаться со всеми. Особенно не хотелось уезжать от Карчи, к которому Ислам очень привязался. Мальчик все время сопровождал его, усаживался рядом и

молчал, пока Ислам работал. И им было очень хорошо вдвоем. Иногда они разговаривали, Ислам, не отрывая взгляда от мольберта, спрашивал у Карчи, сидящего рядом:

— Почему тебе не понравилась пони? Анатолий Дмитриевич привез эту лошадку издалека. Он так хотел тебя обрадовать.

— Мне не хочется садиться на лошадь, похожую на ишачка. Мне Саид на Гемуде разрешает кататься, — отвечал мальчик и не понимал, почему Ислам долго смеется.

Однажды они сидели вот так вдвоем в мастерской Ислама. Карча сказал очень серьезным тоном:

— Когда я вырасту, я всех твоих друзей оставляю в горах!

— Как это? — не понял Ислам.

— Я сделаю памятники всем хорошим людям. Пусть они будут с нами всегда.

— Ты хочешь стать скульптором?

— Нет.

— Писателем?

— Нет. Я буду слагать о них песни! — серьезно ответил Карча.

Глава XXIII

Ислам жил в Ялте. Особого облегчения не чувствовал. Тосковал по Карачаю. С тревогой думал о маленьком сыне Канамата. Как он там, милый Карча?

Иногда он встречался с друзьями. Навещала его Наталья Николаевна Неглиная. Они вспоминали молодость — Коста, Ахмата, Кондратьева.

— Коста мне писал изредка, присылал стихи. Даже книжку свою подарил, — задумчиво говорила Наталья Николаевна.

— Мне кажется, он тогда был влюблен в вас, милая Наталья Николаевна.

— Ах, Исламбий Пачаевич, все мы тогда были молодцы...

— Он рано ушел от нас, дорогой наш Коста... Сколько доброго еще мог бы сделать...

— Еще бы! Поэт, журналист, художник... Я очарована его поэмой «Фатима»...

В этот день Ислам чувствовал себя на редкость бодро. Стоял ясный тихий день. Они долго гуляли с Натальей Николаевной по бульвару.

Ислам проводил Наталью Николаевну до дома.

— Послушайте, кизяь, — сказала она, останавливаясь около своего дома. — Вам здесь лучше, может, переедете сюда насовсем?

— А как я перевезу сюда свои горы?

— Ненсправимый! — засмеялась женщина и протянула руку, прощаясь. — До завтра.

— До завтра. — Ислам пошел к себе в гостиницу. Женщина вышла из подъезда и смотрела ему вслед до тех пор, пока силуэт его не скрылся вдали. Он так и не оглянулся.

...Дверь была не заперта. Наталья Николаевна вошла бесшумно. Ислам полулежал в кресле, закрыв глаза. Рядом на столике — открытая тетрадь и карандаш. Наталья Николаевна села по другую сторону столика и стала ждать, когда Ислам проснется. Придвинула тихо к себе тетрадь.

«Никогда так часто не видел тебя и никогда так много не говорил с тобой, как в снах. Все дни в Ялте — я с тобой. Что это такое? Тайна. И мне не хочется просыпаться. Родина моя — что я без тебя?!»

«Сегодня увидел целых два сна: цветных и ясных. Сон первый: я дома в Теберде и будто мы плывем на

лодке по озеру Кара-Кёль. Тебе страшно почему-то, но ты молчишь. И я спрашиваю тебя: «Ты любишь меня?» А ты будто отвечаешь: «Я боюсь, что вы заболете...»

Сон второй. Ты — моя невеста. Мы стоим на террасе и смотрим на горы. Во дворе на камне сидит Карча и смотрит на нас. Утро, свежо, солнечно. Ты, повернув свое лицо ко мне, спрашиваешь: «Как ты думаешь, мы повторимся когда-нибудь?» Я закрываю глаза и улыбаюсь, слыша твой голос:

Когда я смотрю на тебя,
О, как жалею, что молода...
Ветер, весны листая,
Нас разлучает...
Зачем так поздно я родилась?
Зачем так рано ты уходишь?

Я проснулся — а тебя нет рядом. Сейчас опять закрою глаза, может, опять возникнешь в моих видениях... Ты и Горы. Это неразделимо...»

Наталья Николаевна закрыла тетрадку и взглянула на Ислама, на его бледное неподвижное лицо. Ей стало жутко. Холод прошел по спине.

Ислам вдруг застонал, заметался. Открыл глаза, но взор ни на чем не останавливался. Наталью Николаевну он не узнавал.

Наталья Николаевна позвонила.

— Врача! Быстрее врача!.. — крикнула она прибежавшей горничной.

Ислам скончался еще до прихода врача. Умер спокойно, без страданий, словно уснул.

Наталья Николаевна, потрясенная и словно оглушенная случившимся, тихо плакала. Входили и выходили какие-то люди. Из-под подушки на тахте выглядывал уголок тетради или книги. Наталья Николаевна взяла ее, раскрыла. Какие-то записи арабской вязью. Может, дневник? Вот несколько строк по-русски...

Наталья Николаевна спрятала тетрадь в сумочку. Потом опустила туда же тетрадку, лежавшую на столе. Ей не хотелось, чтобы они попали в чужие равнодушные, а может быть, и злые руки.

В комнате появились какие-то мужчины. Наталья Николаевна сидела на том же месте. Подошел полицейский, спросил:

— У покойного были здесь родные, близкие?

— Насколько я знаю, нет.

— А вы кто ему будете? — Мужчина внимательно посмотрел на нее.

— Добрая знакомая, — отвернулась от него Наталья Николаевна.

— А что вы делали здесь? Как сюда попали?

Женщина быстро повернулась к полицейскому и столкнулась с его сверлящим взглядом.

— Я старая знакомая князя Крымшамхалова, — стала объяснять Наталья Николаевна, — навещала его во время болезни...

Потом она резко поднялась, гордо вскинула голову, сказала гневно:

— По какому праву вы меня допрашиваете? Впрочем, я все объяснила...

Решительно двинулась к выходу. Полицейский уступил ей дорогу.

В тот же день Наталья Николаевна отправила телеграмму Ахмату Байрамукову, в которой сообщала о смерти Ислама. Телеграмма почему-то шла очень и очень долго.

Ислама похоронили в Ялте на мусульманском кладбище. А через три месяца карачаевская делегация во главе с Ахматом Байрамуковым выехала в Крым, чтобы перевезти прах Ислама в Карачай. Так решил народ. И сам Ислам хотел быть погребенным на родине...

Наталья Николаевна встретила с Ахматов, отда-
ла ему тетради с записями покойного.

...Последние новые домики небольшого поселения
остались позади. Теперь только деревья чернеют под
снегом, близко подступили великаны-горы под чистым
своим белоснежным покрывалом.

Было все тихо, мертво. Только солнце с далекого си-
него неба говорило о жизни, заставляя своими лучами
радостно искриться снежинки.

По дороге медленно движется печальная процессия.
Впереди на санях везут тело, за ним верхами едут род-
ные, друзья, односельчане того, кто кончил с этим ми-
ром, с его случайными радостями и горем.

Вот там, впереди, за поворотом на поляне, на старом
кладбище, рядом с «шинхами», могилы которых и те-
перь свято чтит народ, похоронят Ислама.

Там, под высокими соснами, будет покониться прах
его. И долгие годы будет приходить еще народ к его
могиле, долго будут помнить, что здесь лежит тот, кто
в земной своей жизни работал на счастье народа, кто
так умел любить родные суровые горы, бедный, темный
народ свой с его своеобразными обычаями, с его преда-
ниями, песнями, со славным прошлым и темным, груст-
ным настоящим.

Вот и кладбище, вокруг готовой могилы стоят не-
сколько человек, они работали здесь. Тихо приблизи-
лась похоронная процессия. С молитвой опустили тело
в могилу. Вот и могила засыпана...

Нет больше Ислама, навсегда закрыты его глаза,
такие скорбные в последнее время. Каким светлым
умом блистали они еще совсем недавно!

Не прозвучит его смелое горячее слово в защиту
правды и справедливости на народном сборе. Не зву-
чать его тихой задумчивой речи о вечной правде, о це-

ли жизни, о призвании человека в жизни, не защемило тоской его сердце при виде зла, неправды...

Солнце уже зашло за горы, его косые лучи последний раз осветили могилу и группу людей возле и исчезли. Снег уже не сверкал и горы стали как-то выше, суровее, будто ближе подступили и думают свою вечную думу. А люди все еще стоят в глубокой задумчивости.

По лицу старого Мисоста — друга покойного — катились слезы, но он не замечал их, он переводил глаза с могилы на живых и думал: «К чему люди мечутся, топчась друг друга из-за пустяков, хлопочут весь век о наживе, когда все кончится вот этой могилой?» Он всматривался в лицо поодаль стоящего старика — врага его... Этот старик при жизни Ислама старался во всем вредить ему, а теперь смерть всех примирила, и он вместе с другими сельчанами работал над могилой.

Магомет не сомневался, что завтра он уже примется за свои прежние дела, и не раз, может быть, со злобным чувством вспомнит, что Ислама нет уже, но сейчас лицо его задумчиво и грустно.

«К чему ссора, вражда и ненависть. Не одно ли нужно и важно в этой короткой жизни: доброе отношение друг к другу, общая работа во имя любви», — думал старый Мисост...»¹

— Люди! — звучный голос Ахмата Байрамукова вывел Мисоста и других из печальной задумчивости. — Ушел от нас Ислам. Я чувствую себя нищим. Мне кажется, что вырвана одна из лучших страниц истории нашего народа. Когда еще время создаст подобного гиганта, в котором были бы сконцентрированы все лучшие черты, характерные для человека незаурядного? Невозможно, трудно, больно примириться со случив-

¹ Из архива Х. Б. Крымшамхалова, племянника Ислама.

шимся. Нужно укрепить его память на земле. Это будет необходимо не только потомкам, но и нам самим. Наш долг и перед собой оставить память о факелносцах народа.

Потом говорил Кондратьев.

— Как жаль, что во время жизни мы не всегда успеваем сказать друг другу ласковые и признательные слова. И вот, когда потеряем, слова рвутся из горла на волю, словно птицы. Народ, который может оценить своих героев, — это великий народ. При жизни Ислама многие вредили ему. Его называли гяуром, утопистом, фантастом. Смешно и горько было ему это слышать. Что смешного в том, что он хотел сделать народ образованным, что смешного в том, что он мечтал о равенстве и справедливости на земле, что смешного в том, что человека он считал самым гуманным существом на свете, способным на большие духовные подвиги?

Кондратьева сменил Аппа Джанибеков:

— Если мы научимся ценить свою культуру, ее носителей — значит, мы начнем путь восхождения к вершинам мировой культуры. В истории нашего народа нет другого имени, которое бы сделало для нас столько, сколько имя Ислама. Вся его жизнь была подвигом во имя процветания горской культуры!

Мисост Абаев сказал:

— Я не встречал более совестливого человека. Он никогда не говорил о своем происхождении. Простота и величие были свойственны ему. Сердцем и умом он был выше всех нас.

Из толпы выступил Кязим Мечиев.

— Для Балкарии смерть Ислама Крымшамхалова невосполнимая потеря. Балкария плачет, когда плачет Карачай, и радуется, если у вас радость. Мы два народа, как две вершины Эльбруса,— всегда и неразрывно

вместе. Однако мне лучше сказать стихами. Эти стихи я написал Исламу десять лет назад. Но он попросил меня, чтобы я никому не говорил, что посвятил их ему. И вот сейчас я считаю своим долгом сказать вам всем об этом.

Кязим стал читать стихи:

Не стремящиеся заковать народ в цепи,
Умеющие честию его дорожить,
Неправого осудив, на верный путь ставящие, —
Такие предводители нам нужны!

Ища путь облегчения для народа,
Вперед глядя, верно его ведущие,
В интересах крестьян справедливые, —
Такие предводители нам нужны!

Подняв людей на доброе дело,
Бережно к ним относящиеся.
Свет радости дарящие людям, —
Такие предводители нам нужны!

Заботами мирными отягощенные,
Не грехи, а добрые дела творящие,
Готовые покинуть свет, не угнетая батраков, —
Такие предводители нам нужны!

Чуждые разделению людей на рабов и узденей,
Умеющие верно рассудить споры,
Уступить место умеющие лучшим, —
Такие предводители нам нужны!

Веры народной достойные,
Язык народа знающие богатый,
Не омрачающие дни наши, —
Такие предводители нам нужны!

Женщины во дворе дома Ислама сидели в ожидании тех, кто поехал на кладбище. Раздавали вещи Ислама — так положено по обычаю. Сафият выносила картины. К ней подошла Мария Александровна.

— Простите, Сафият. Не надо раздавать картины. Берегите их.

Сафият ничего не сказала и ушла в дом. Мария Александровна беспомощно оглянулась. Вокруг Таукоз собрались люди, и она что-то рассказывала. Мария направилась туда.

...С кладбища все возвращались молчаливые, грустные. И в тишине раздался детский голос:

— Смотрите на небо! Смотрите! Люди-птицы!

Все подняли головы. Над Джамагатским кладбищем парили на самодельных крыльях два человека. Это были ученики Джумарыка.

Вернувшись с похорон Ислама, Ахмат Байрамуков вспомнил о тетрадах, которые передала ему в Ялте Наталья Николаевна. Он достал эти тетради, бережно положил их перед собой, открыл обложку первой.

Это были отрывочные дневниковые записи. Написанные разными чернилами и, видимо, в разное время — в Петербурге, Москве и дома в Карачас, — они были короткими, лаконичными. Даты нигде не значились. Сразу было видно — человек делал заметки для себя, для памяти, как откровение души.

Ахмат углубился в чтение.

«Вот и снова я в Москве. Чувствую себя хорошо, исполнен желания писать и писать. Знакомств стараюсь избегать, понимаю, как мало у меня времени и как много надо сделать. Решил вести краткий дневник. Только книги, театр, выставки—сознательно отказываюсь от всяческих развлечений — работа и творчество. Дома—комоч подходит к горлу, если я не брал кисть в руки; ложился в постель и рядом клал бумагу и карандаш, чтобы утолить жажду творчества — здесь то же самое.

Единственное, от чего я не мог отказаться, — это от писем родным и друзьям — это слишком много для

меня. Друзья связывают меня с родиной, а не думать о ней я не могу. Я живу для нее, дышу для нее, люблю ее и преклоняюсь перед нею...»

* * *

«Мой народ! Ты невелик, как многие на этой земле, и велик, как все на ней. Ты горд и гостеприимен, ты добр, и чист, ничьи земли ты не делил, ничьих детей ты не сиротил. Ты святой, мой народ! А если и есть в тебе такие, то не для них красота общения, убоги они и невежественны, не умает их лицо снять радостью блаженства. Они заметны сразу. Я пою тем, которые полны любви к миру, справедливости».

* * *

«Ходил в Третьяковку. Почему ходил? Хожу каждый день. Стены залов увешаны картинами. Их так много, что это стирает остроту восприятия. Теперь я делаю так: выбираю какой-нибудь один зал и изучаю только выставленные здесь полотна.

Раньше, когда я лишь начинал рисовать, я многого не понимал. А теперь, глядя на картины великих, чувствую, читаю их мысли, их настроение. Учусь у них. Талант всегда можно понять».

* * *

«С утра еще не выходил из дому. Обычно я так и делаю: даже не одевшись, сажусь за мольберт. Пишу или читаю. Кстати, я много приобрел здесь книг. Это мои друзья... Они ничего не отнимают — только дают».

* * *

«Нечаянно забрел на окраину города. Было тихо, даже не хотелось уходить из такого спокойного места. Смотрел, как заходит солнце. Вспомнилось, как заходит солнце у нас в горах».

* * *

«Шел сегодня по Арбату, думал о своем, когда увидел идущих мне навстречу горцев. Сердце защемило. А когда услышал их гортанную речь, слезы подступили к горлу. Сегодня у меня праздник!»

* * *

«Я думаю о талантливости, одаренности своего народа. Сколько веков молчали художники, молчали, ждали своего часа. Представляю, что будет, когда вырвется наружу все, что силой сдерживалось! Это будет подобно водной стихии, прорвавшей плотину.

Фольклор — это образ народа, его душа. В нем хранится все лучшее и вечное. Народный символ прекрасного никогда не стареет.

Нравственное совершенствование нации надо начинать с истоков Искусства. Стремление к совершенствованию — основа существования народа. Я вместе с друзьями нес факел просвещения. Мы высоко-высоко поднимаем этот огонь, чтобы он был виден издали. Спешите за нами, юные, догоните нас, обгоните! Мы хотим видеть вас впереди себя! Мой солнцем коронованный край, мой Карачай!..»

* * *

«Одиночество — это плачущий светом фонарь в дождливый день. Это лодка, забытая на середине озера, по которой хлещет долгий дождь. Это невозможность слышать женщину, что живет в твоём доме...»

* * *

«Шел дождь. Я уезжал из Теберды. Неподалеку от тропинки увидел дочь Мисоста — Сафнят — стройную и юную, куда-то спешащую. И так мне стало хорошо и печально. Любимая прошла мимо меня...»

* * *

«Ездил в Петербург на несколько дней. Излазил Эрмитаж и музей Александра III. Чего там только нет! Соскучился о картинах. Ходил по залам до закрытия. Я заметил, что во всех великих произведениях искусства сочетается боль и красота.

Мне так много надо сказать людям».

* * *

«Живопись — великая сила! Это такая радость! Я знаю настоящую живопись, я много видел, чувствовал и пережил. Я знаю теперь, как надо работать...»

* * *

«Нартский фольклор — это фундамент, с которого начинается горский стиль. Фольклор — это наша гордость, он исключительно национален и чист, как род-

ник. Народное искусство! Оно как первая любовь, порождение ее, необыкновенно сильное самовыражение духовных потребностей людей.

В искусстве нет князей и плебеев — есть талантливые и бесталанные. Сейчас никто не знает, кто первым спел «Орайда», но все знают, что это был необыкновенно талантливый человек. На земле, как и в искусстве, есть две нации — чуткие, совестливые люди и невежды. В создании народного искусства участие принимали только первые!»

* * *

«Сегодня у меня радостный день — так много пишем от друзей моих. Удивляюсь, как Аппа отыскал мой адрес. Он пишет: «За меня не волнуйтесь, у меня все хорошо. Мой покой бережет охрана, а царь позаботился о том, чтобы не забыли дать мне хлеб и работу. Берегите себя, за вас боюсь я очень — вы же на свободе».

Весь день думаю о словах Аппы».

* * *

«Природа и условия жизни влияют на человека. Поэтому и различаются люди между собой, отличается и их искусство. Свобода и рабство, честь и поражения, военные набеги и пасторальные идиллии — все это накладывает отпечаток на характер народа.

Мой народ живет высоко в горах, он никого не стремится унижить. Он богат высотой духа! Потому, наверное, когда я слышу народные песни, что поют Карма или Таукоз, мне кажется, что я летаю над горными вершинами, как Джумарык!»

* * *

«Я убежден, что в основе творчества любого народа, человека должно быть национальное начало. Нельзя забывать о достижениях мировой культуры!»

* * *

«Работаю много и доволен. Живопись — самая большая радость. Что-то стало покалывать под лопатками, как в мой первый приезд в Москву... Наступают холода, идет осень. Как сейчас красиво в горах! Дождь в Теберде... Солнце в Теберде... Что может быть прекраснее?!

Из дальних странствий домой надо возвращаться богатым, наполненным знаниями и добротой. Чем больше живешь, тем сильнее осознаешь, что все мы уйдем, и не лучше ли скрасить друг другу тот отрезок времени, что называется жизнью..»

На этом записи обрывались...

Ахмат долго сидел задумавшись. Он словно беседовал с навсегда ушедшим другом. В этих кратких записях были мысли Ислама, его духовное завещание.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	5	Глава XIII	125
Глава II	15	Глава XIV	145
Глава III	30	Глава XV	160
Глава IV	40	Глава XVI	172
Глава V	47	Глава XVII	191
Глава VI	59	Глава XVIII	206
Глава VII	63	Глава XIX	215
Глава VIII	72	Глава XX	232
Глава IX	81	Глава XXI	254
Глава X	87	Глава XXII	272
Глава XI	102	Глава XXIII	282
Глава XII	114		

ИБ № 1819

Зинхара Биляловна Хабичева-Боташева

ОЗАРЕНИЕ ДУШИ

Художественно-документальный роман

Редактор Н. С. Байдерина. Художники В. И. Бекетов, Н. И. Кузнецов. Художественный редактор Л. А. Асланова. Технические редакторы З. Т. Агирбова, М. Г. Климовская. Корректор В. И. Буяльская. Сдано в набор 12.06.85. Подписано в печать 08.10.85. ВУ 75230. Формат 70х1081/32. Бумага тип. № 2. (вкл. офс. № 1). Гарнитура литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,9+0,7 вкл. Усл. кр.-отт. 13,8. Уч.-изд. л. 12,7+0,6 вкл. Тираж 5 000 экз. Заказ № 2923. Цена 90 коп. Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 357100, Черкесск, пл. Кирова, 23. Дом печати. Карачаево-Черкесская укрупненная типография, 357100, Черкесск, ул. Первомайская, 41.

X 12

Хабичева-Боташева З. Б. «Озарение души». Карачаево-Черкесское отд. Ставроп. кн. изд., 1985.

296 с.

Художественно-документальный роман о славном сыне карачаевского народа Н. П. Крымшамхалове (1864—1910 гг.) — просветителе и художнике, основоположнике профессионального изобразительного искусства Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

63 03(2) 5

4702010200—58

M 159(03)—85 28—83